

МОЛОДЕЖЬ И НАУКА XXI ВЕКА

**XXVII Международный научно-практический форум
студентов, аспирантов и молодых ученых**

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОЛОГИИ

Сборник статей
XV Международной научно-практической конференции,
посвященной Дню славянской письменности и культуры

Красноярск, 15 апреля 2026 г.

Электронное издание

МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«КРАСНОЯРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ им. В.П. Астафьева»

МОЛОДЕЖЬ И НАУКА XXI ВЕКА

**XXVII Международный форум студентов,
аспирантов и молодых ученых**

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОЛОГИИ

Сборник статей XV Международной научно-практической конференции,
посвященной Дню славянской письменности и культуры

Красноярск, 15 апреля 2026 г.

Электронное издание

КРАСНОЯРСК
2026

ББК 80
А 437

Редакционная коллегия:
С.П. Васильева (отв. ред.)
Т.В. Мамаева, И.В. Ревенко, Н.А. Вальянов

А 437 Актуальные проблемы современной филологии: сборник статей XV Международной научно-практической конференции, посвященной Дню славянской письменности и культуры. Красноярск, 15 апреля 2026 г. [Электронный ресурс] / ред. кол.: С.П. Васильева (отв. ред.), Т.В. Мамаева, И.В. Ревенко, Н.А. Вальянов. – Электрон. дан. / Краснояр. гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева. – Красноярск, 2026. – (Молодежь и наука XXI века). – Систем. требования: PC не ниже класса Pentium I ADM, Intel от 600 MHz, 100 Мб HDD, 128 Мб RAM; Windows, Linux; Adobe Acrobat Reader. – Загл. с экрана.

ISBN 978-5-00102-807-9

ББК 80

ISBN 978-5-00102-807-9

(XXVII Международный научно-практический форум
студентов, аспирантов и молодых ученых
«МОЛОДЕЖЬ И НАУКА XXI ВЕКА»)

© Красноярский государственный
педагогический университет
им. В.П. Астафьева, 2026

СОДЕРЖАНИЕ

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА

Д.О. Виноградов

КОГНИТИВНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ОППОЗИЦИИ «СТАРЫЙ – МОЛОДОЙ»
В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ 8

Е.В. Годяева

ОПЫТ ПРОЧТЕНИЯ СТИХОТВОРЕНИЯ И. КОРМИЛЬЦЕВА «МНЕ СНИЛСЯ ХРИСТОС» 10

М.С. Гурова

ЯЗЫКОВЫЕ СПОСОБЫ КОНКРЕТИЗАЦИИ РОЛИ «ЭКСПЕРТ»:
КРИТЕРИЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ СПЕЦИАЛИЗАЦИИ 12

А.И. Дякина

ВИЗУАЛИЗАЦИЯ МЕДИАТЕКСТА:
СПОСОБЫ КОННОТАЦИИ СОДЕРЖАНИЯ ИНФОРМАЦИИ
(НА ПРИМЕРЕ ЖУРНАЛА «КРОКОДИЛ»)..... 15

Д.И. Земченкова

ТИПОЛОГИЯ АМБИВАЛЕНТНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ РЭП-ДИСКУРСЕ:
К ПРОБЛЕМЕ ПАРАМЕТРИЗАЦИИ ОППОЗИЦИИ «КОНСТРУКТИВНОЕ – ДЕСТРУКТИВНОЕ» 17

А.В. Исаченкова

РОЛЬ МЕТАФОРЫ В РОМАНЕ Ю. ЯКОВЛЕВОЙ «КРАДЕННЫЙ ГОРОД» 20

Е.В. Комарова

ЛЕКСИЧЕСКИЙ УРОВЕНЬ РЕАЛИЗАЦИИ РЕЧЕВОГО ПОРТРЕТА МЕДИЙНОЙ ЛИЧНОСТИ
(НА ПРИМЕРЕ ИНТЕРВЬЮ С ОЛЕГОМ РОЕМ) 24

Д.А. Копылова

ЛИНГВОСТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ МЕДИАРЕЧИ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ГОСОРГАНИЗАЦИЙ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ..... 26

С.Д. Красикова

ЛЕКСИЧЕСКАЯ ЕДИНИЦЫ «БОГ» В РУССКОМ ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ
(НА МАТЕРИАЛЕ КЛАССИЧЕСКОЙ И СОВРЕМЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ)..... 28

Е.Е. Кудинова

ЛЕКСИКО-СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СУДЕБНЫХ РЕШЕНИЙ:
ЮРИСЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ 30

М.А. Максимова

ЛЕКСИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ВЫРАЗИТЕЛЬНОСТИ
В ПОЭТИЧЕСКОЙ РЕЧИ ЕВГЕНИЯ АБРАМОВИЧА БАРАТЫНСКОГО 32

Мэн Юань

ДИНАМИКА СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ «СЕМЬЯ»:
ОТ ТРАДИЦИОННОЙ МОДЕЛИ К АКТУАЛЬНЫМ КОНТЕКСТАМ
(ПО ДАННЫМ СОВРЕМЕННЫХ СМИ) 34

С.А. Сачек

ИЗОБРАЗИТЕЛЬНО-ВЫРАЗИТЕЛЬНЫЕ СРЕДСТВА В ПОЭТИКЕ М.И. ЦВЕТАЕВОЙ..... 37

В.И. Филиппенко

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ КОЛОРАТИВНОЙ ЛЕКСИКИ
В ПОВЕСТИ К.Д. ВОРОБЬЕВА «ЭТО МЫ, ГОСПОДИ!» 39

Е.Г. Шестернина

ПРОБЛЕМЫ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ЭТИКИ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ В.П. АСТАФЬЕВА «ЦАРЬ-РЫБА»
И ЦЗЯН ЖУН «ВОЛЧИЙ ТОТЕМ»..... 41

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ

К.М. Власова

СТРАТЕГИЯ АПЕЛЛЯЦИИ К УДАЧЕ В СООБЩЕНИЯХ МОШЕННИКОВ 44

А.А. Дьяченко

ОБУЧЕНИЕ ИНДОНЕЗИЙСКИХ СТУДЕНТОВ РУССКОМУ РЕЧЕВОМУ ЭТИКЕТУ
НА ЗАНЯТИЯХ ПО РКИ..... 47

Д.А. Канакина

АВТОКОММУНИКАЦИЯ КАК НЕТРАДИЦИОННАЯ МОДЕЛЬ ОБЩЕНИЯ 50

Е.С. Киевская

ПРИНЦИПЫ ОТБОРА МУЗЫКАЛЬНОГО МАТЕРИАЛА ИЗ КИНОФИЛЬМОВ
ДЛЯ СОИЗУЧЕНИЯ ЯЗЫКА И КУЛЬТУРЫ В ГРУППАХ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ..... 53

Я.Р. Сима

СРАВНИТЕЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ЛЕКСИКИ
РУССКИХ БЫЛИН И НАРОДНЫХ СКАЗОК
КАК ОТРАЖЕНИЕ КУЛЬТУРНЫХ РЕАЛИЙ ДРЕВНЕЙ РУСИ 56

А.П. Хисмятова

РУССКИЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ КОММЕНТАРИЙ К КСЕНОЛЕКСИКЕ
В «ПУТЕШЕСТВИИ...» А.В. ПОТАНИНОЙ:
ДУБЛЕТНЫЕ И ИМПЛИЦИТНЫЕ ФОРМЫ 59

К.А. Ярных

СТРАТЕГИИ ЯЗЫКОВОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ЧУЖОЙ КУЛЬТУРЫ
В «ПУТЕШЕСТВИИ ВОКРУГ СВЕТА» И.Ф. КРУЗЕНШТЕРНА 61

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА: АКТУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ

А.В. Яковенко

ОБРАЗ СЛОНА В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ:
К ПРОБЛЕМЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО БЕСТИАРИЯ РУССКОЙ КЛАССИКИ 64

А.А. Соломонова

ОТ ДОКУМЕНТА К ХУДОЖЕСТВЕННОМУ ТЕКСТУ.
ПРИЛОЖЕНИЯ К «ИСТОРИИ ПУГАЧЕВСКОГО БУНТА» А.С. ПУШКИНА:
СТРУКТУРА, ПРИНЦИПЫ ОТБОРА МАТЕРИАЛА 66

Л.А. Тропина

ДЯДЯ В ТВОРЧЕСТВЕ И БИОГРАФИИ ПЛЕМЯННИКА:
ОТНОШЕНИЯ В.Л. ПУШКИНА И А.С. ПУШКИНА
В СВЕТЕ ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНОЙ КОНЦЕПЦИИ РУССКОГО ФОРМАЛИЗМА 69

Т.К. Давтян

«ДЕТСТВО НИКИТЫ» А.Н. ТОЛСТОГО КАК «ИДИЛЛИЧЕСКАЯ» ВЕРСИЯ
АВТОБИОГРАФИЧЕСКОЙ ТРИЛОГИИ Л.Н. ТОЛСТОГО:
ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ И ПРЕОДОЛЕНИЕ ТРАДИЦИИ..... 72

А.И. Дякина

ИОСИФ БРОДСКИЙ – ПЕДАГОГ:
МЕТАПОЭТИЧЕСКИЕ И ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ СТРАТЕГИИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ С ЧИТАТЕЛЕМ 74

М.П. Толкачева

МИФОЛОГИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ РЕКИ В ПОВЕСТИ ЕВГЕНИЯ ГРИШКОВЦА «РЕКИ»..... 77

А.В. Панова

ДИАЛОГ КАК СПОСОБ СОЗДАНИЯ БИОГРАФИЧЕСКОГО НАРРАТИВА:
КНИГА А.А. КАБАКОВА И Е.А. ПОПОВА «АКСЕНОВ»..... 79

М.В. Моцаренко

ТИПЫ ГЕРОЕВ В СОВРЕМЕННОЙ ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ О БЛОКАДЕ ЛЕНИНГРАДА 81

ЗАРУБЕЖНАЯ ЛИТЕРАТУРА: АКТУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ

А.В. Грачев

ПОЭЗИЯ КАК ФОРМАТ: К ПОСТАНОВКЕ ВОПРОСА 85

М.Е. Долгополова

НАРРАТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ Э. ЗОЛЯ И К. БЕРРИ:
ГОЛОС РАССКАЗЧИКА И ВИЗУАЛЬНАЯ ПЕРСПЕКТИВА
(НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА Э. ЗОЛЯ «ЖЕРМИНАЛЬ»
И ОДНОИМЕННОГО ФИЛЬМА К. БЕРРИ (1993))..... 87

Р.Р. Латык

АРХЕТИП НЕВИННОЙ ДЕВЫ КАК ЭЛЕМЕНТ МИФОПОЭТИКИ ВИДЕОИГРОВОГО НАРРАТИВА:
ИНТЕРПРЕТАЦИЯ В «DISCO ELYSIUM – THE FINAL CUT» 90

П.А. Мульц

ДЕКОНСТРУКЦИЯ ОБРАЗА ВРАГА:
РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ НЕМЕЦКОГО СОЛДАТА ВО ФРАНЦУЗСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XXI ВЕКА 93

Т.О. Обручева

РЕЦЕПЦИЯ РОМАНА Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО В СОВРЕМЕННОМ ГРАФИЧЕСКОМ РОМАНЕ:
ВИЗУАЛЬНАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ДВОЙНИЧЕСТВА (РАСКОЛЬНИКОВ И СВИДРИГАЙЛОВ)
В РАБОТАХ БАСТЬЕНА ЛУКИА 95

Ю.А. Петрик

ГРАНИЦЫ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО И ДЕМОНИЧЕСКОГО:
АНТРОПОЛОГИЯ ЗЛА В ПРОЗЕ О. де БАЛЬЗАКА И Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО..... 97

А.Д. Рухлин

АНИМИЗМ КАК СПОСОБ МИРОВОСПРИЯТИЯ
В РОМАНЕ ДАВИДА ДИОПА «НОЧЬЮ ВСЯ КРОВЬ ЧЕРНАЯ» 100

А.А. Чаусенко

ТРАНСФОРМАЦИЯ АРХЕТИПА: ЭВОЛЮЦИЯ ОБРАЗА ЦИРЦЕИ
ОТ ГОМЕРОВСКОЙ «ОДИССЕИ» К СОВРЕМЕННЫМ НАРРАТИВАМ
(НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ М. МИЛЛЕР, Х. РИВЕРА-ЭРРАНСА) 103

ПОДРОСТКОВОЕ ЧТЕНИЕ И ТЕНДЕНЦИИ СОВРЕМЕННОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

М.В. Моцаренко

ОПЫТ СОЗДАНИЯ ГРАФИЧЕСКОГО ПУТЕВОДИТЕЛЯ

ВО ВНЕУРОЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В 7–8 КЛАССАХ

(НА МАТЕРИАЛЕ РАССКАЗА Т. КАПОТЕ «ВОСПОМИНАНИЯ ОБ ОДНОМ РОЖДЕСТВЕ») 107

О.Н. Прозоркин

ВОСПИТАНИЕ ПАТРИОТИЗМА У ПОДРОСТКОВ

СРЕДСТВАМИ ЛИТЕРАТУРНО-МУЗЫКАЛЬНОГО ИСКУССТВА

НА ОСНОВЕ ИНТЕГРАЦИИ ЭМОЦИОНАЛЬНО-ОБРАЗНОГО

И ЛИЧНОСТНО-ДЕЯТЕЛЬНОСТНОГО ПОДХОДОВ 110

БИОГРАФИЯ УЧЕНОГО

Е.А. Романова, В.А. Колобова

УЧЕНЫЙ, ПРЕПОДАВАТЕЛЬ И ЧЕЛОВЕК – НАТАЛЬЯ АБРАМОВНА ЦОМАКИОН (ОЛЬШТЕЙН)

(1910–1981) 113

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ 122

СВЕДЕНИЯ О НАУЧНЫХ РУКОВОДИТЕЛЯХ 125

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА

КОГНИТИВНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ОППОЗИЦИИ «СТАРЫЙ – МОЛОДОЙ» В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

COGNITIVE AND SEMANTIC FEATURES OF THE OPPOSITION OLD – YOUNG IN MODERN RUSSIAN

Д.О. Виноградов

D.O. Vinogradov

Научный руководитель С.П. Васильева
Scientific adviser S.P. Vasilyeva

Семантическое поле, оппозиция, старый, молодой, корпусный анализ, оценочность, дискурс.
В статье рассматривается ментальная оппозиция *старый – молодой* в современном русском языке на материале Национального корпуса русского языка. Анализируются особенности сочетаемости, оценочной структуры и дискурсивного функционирования лексем. Выявляется асимметричный характер оппозиции, проявляющийся в различиях референциальной направленности, аксиологического профиля и роли в публицистическом дискурсе.

Semantic field, opposition, old, young, corpus analysis, evaluation, discourse.

The article examines the mental opposition old – young in modern Russian based on data from the Russian National Corpus. The study focuses on collocational patterns, evaluative structure and discourse functions of the lexemes. The analysis reveals the asymmetrical nature of the opposition manifested in differences in referential scope, axiological profile and role in publicistic discourse.

Ментальная оппозиция *старый – молодой* в русском языке представляет собой сложную когнитивно-семантическую структуру, выходящую за пределы обозначения биологического возраста и отражающую базовые принципы осмысления времени, социальной динамики и ценностных установок. В современной лингвистике возрастные характеристики рассматриваются как важный элемент языковой картины мира, связанный с когнитивными и культурными механизмами интерпретации действительности [3; 6]. В публицистическом дискурсе данная оппозиция приобретает особую значимость, выступая средством оценки и концептуализации общественных процессов.

Материалом исследования послужили данные Национального корпуса русского языка, который в современной лингвистике рассматривается как один из ключевых инструментов анализа языковых явлений и когнитивных моделей [5]. Использование корпусных данных позволяет выявлять устойчивые закономерности функционирования лексем и их семантическую динамику.

Лексема *старый* характеризуется высокой сочетаемостной активностью и широкой референциальной направленностью. Она употребляется в сочетании с существительными, обозначающими человека, предметный мир, социальные институты и абстрактные явления. В таких контекстах, как *старый друг, старые вещи, старый режим*, реализуется обобщенная семантика принадлежности к прошлому, завершенности и утраты новизны. При этом оценочная структура

данной лексемы носит полярный характер: в зависимости от типа референта и контекста она может выражать как негативные значения, связанные с устарелостью и изношенностью, так и позитивные, отражающие опыт и надежность. Данные наблюдения согласуются с результатами исследования лексико-семантического поля лексемы *старый*, где подчеркивается ее семантическая многослойность и высокая функциональная вариативность [2].

Лексема *молодой*, напротив, обладает более ограниченной, но структурированной сочетаемостью. Она преимущественно употребляется с антропоцентрическими референтами, обозначающими человека и социальные роли, например *молодой человек*, *молодой специалист*, *молодое поколение*. Это указывает на ее направленность на социальную сферу. Переносные употребления, связанные с абстрактными и предметными объектами, имеют вторичный характер. В отличие от *старый*, *молодой* характеризуется устойчивым позитивным аксиологическим профилем. Это соответствует данным о структуре семантического поля данной лексемы, где она рассматривается как маркер новизны, перспективности и динамики [1].

Сопоставительный анализ позволяет выявить асимметрию оппозиции *старый* – *молодой*. Лексема *старый* обладает широкой сферой применения и оценочной поляризацией, тогда как *молодой* демонстрирует антропоцентричность и устойчивую позитивную направленность. Данные выводы подтверждаются также результатами ассоциативных исследований, показывающих различия в когнитивных реакциях на стимулы *старый* и *молодой* и их различную роль в языковом сознании [4].

На уровне дискурса данная асимметрия проявляется особенно отчетливо. В публицистических текстах лексема *старый* часто используется как средство критической оценки, тогда как *молодой* функционирует как маркер позитивной динамики. Подобные механизмы концептуализации соотносятся с более общими закономерностями метафорического моделирования и корпусного анализа, выявляемыми в современных исследованиях [5].

Таким образом, оппозиция *старый* – *молодой* представляет собой несимметричную когнитивно-семантическую структуру, отражающую особенности языкового сознания и функционирования оценочных категорий в современном русском языке.

Библиографический список

1. Виноградов Д. О. Лексико-семантическое поле лексемы *молодой* // Сибирский филологический форум. 2025. № 3 (32). С. 75–83. DOI: 10.24412/2587-7844-2025-3-75-83.
2. Виноградов Д. О. Лексико-семантическое поле лексемы *старый* // Сибирский филологический форум. 2025. № 4 (33). С. 112–123. DOI: 10.24412/2587-7844-2025-4-112-123.
3. Васильева С. П. Опыт выявления специфики обыденного языкового сознания русских по данным ассоциативных словарей XX–XXI веков // Научный диалог. 2020. № 1. С. 27–44. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-1-27-44.
4. Виноградов Д. О. Сопоставительный анализ ассоциативных полей лексем *молодой* – *старый* // Казанская наука. 2026. № 2. С. 368–370.
5. Алексеева М. А., Хачмафова З. Р. Метафорическая репрезентация концепта «Время» в художественном дискурсе (на материале НКРЯ) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2026. Вып. 1 (907). С. 18–26.
6. Бедненко Ю. И. Репрезентация концепта «Искусственный интеллект» в Национальном корпусе русского языка // Евразийский гуманитарный журнал. 2025. № 1. С. 30–41.

ОПЫТ ПРОЧТЕНИЯ СТИХОТВОРЕНИЯ И. КОРМИЛЬЦЕВА «МНЕ СНИЛСЯ ХРИСТОС»

AN EXPERIENSE READING I.KORMILTSEV'S POEM "I DREAMED OF CHRIST"

Е.В. Годяева

E.V. Godyaeva

Научный руководитель К.А. Деменева
Scientific supervisor K.A. Demeneva

Кормильцев, библейские мотивы, сборник, постмодернизм, Nautilus Pompilius.

В статье рассматривается функционирование стихотворения И. Кормильцева «Мне снился Христос» (1990) в рамках сборника «Скованные одной цепью». Ряд текстов образует ризоматичные связи, прослеживающиеся на образном, мотивном, сюжетном и лексическом уровне, создавая условия для особой контекстуальной интерпретации.

Kormiltsev, biblical motifs, collection, postmodernism, Nautilus Pompilius.

This article examines the functioning of I. Kormiltsev's poem "I Dreamed of Christ" (1990) within the collection "Poems. Bound by a Single Chain." Several texts form rhizomatic connections that can be traced at the figurative, motivic, narrative, and lexical levels, creating conditions for a unique contextual interpretation.

Сборник «Скованные одной цепью» (1990) написан И. Кормильцевым и сопровождается иллюстративным материалом В. Бутусова. Стихотворение «Мне снился Христос» (1990) – завершающий текст, строящийся вокруг сна лирического героя о Христе, который позвонил ему. Это достаточно распространенный мотив помещения Христа или Бога в современный мир. Его, ожидаемо, не узнают (или узнают, но не придают этому значения) и избивают до смерти. Религиозные мотивы и образы вплетаются в мир повседневности: так, шпана в подъезде пьет вино (что отсылает к одному из чудес Христа – превращению воды в вино). В то же время Христос, зная о скорой смерти, пытается избежать ее – он звонит с просьбой о приюте, однако потом заключает, что его все-таки убьют, и не приходит к лирическому герою – эту сцену можно сопоставить Гефсиманским бдением. Героя бьют стальной цепочкой, что можно считать одновременно аллюзией на предшествующий текст «Скованные одной цепью» и отсылкой к образу Христа в цепях, появившемуся ранее в искусстве. Также цепь на одежде или шее – атрибут бандитов 90-х.

Кроме того, перед нами фактически история Второго Пришествия Мессии, а в открывающем сборник тексте «Труби, Гавриил» (1985) описывается картина Страшного Суда. Архангел Гавриил сошел на землю, чтобы призвать живых на суд, но грешники не пробуждаются. Показательно, что вначале спящие называются абстрактно «всеми живыми» [2, с. 3], однако впоследствии становятся «грешниками» [2, с. 3] (объединяясь с «лежащими во гробах» [2, с. 3]). Мотив сна и пробуждения прослеживается в 14 из 42 текстах сборника.

Отдельно рассмотрим фигуру Гавриила. Образ ангела предстает достаточно нетипичным: он держит в лапах. Зооморфные черты достаточно часто сопутствуют образам в текстах Кормильцева, однако именно лапы появляются в стихотворении «Падал теплый снег», где описывается смерть мужа и жены, которые умерли от газа. В тексте несколько раз повторяется: «мы заснем в твоих мягких лапах» [2, с. 51] – лапы появляются также в контексте сна и смерти. Соответственно, в обоих текстах прослеживается сходная семантика.

Мотив сна реализуется и в тексте «Мне снился Христос»: лирический герой видит сон и перемещается между разными точками зрения, как будто находясь одновременно и внутри текста, и вне его. Вначале описывается Христос, потом он звонит лирическому герою – то есть тот его все еще не видит сам. Потом ему снятся шпана и Христос в подъезде, затем ему кажется, что он был среди избивающих. В финале он просыпается – а в «Труби, Гавриил» спят грешники. Отметим, что лирический герой в этом тексте, по всей видимости, наблюдает также во сне за попытками Гавриила («и ни один из нас не встал» [2, с. 3]). Итак, можно предположить, что и сам лирический герой не ответил на зов. Более того, нам кажется, что трубный глас из первого текста может быть тем самым звуком звонка Христа. Итак, лирический герой не просыпается от звонка-гласа, это происходит позднее – когда Гавриил уже перестал трубить, а Христос умер.

Поскольку страшный суд не произошел, а Христа убили, в конце мир описывается как «весь опустевший» [2, с. 61] и «один сиротский дом» [2, с. 61]: он не смог переродиться, и за этим наблюдает пробудившийся лирический герой.

Более того, «Свежее утро» (1990), следующее за «Труби, Гавриил», также начинается с пробуждения. Некие «мы» просыпаются, и весь бытовой мир оказывается потерявшим смысл, и герои возвращаются к первоначальному состоянию – оставаясь без одежды и знаков отличия. Привычный мир из «Мне снился Христос» становится ненужным и просто исчезает. В тексте упоминается битва, шедшая ночью – достаточно распространенный эсхатологический мотив.

Нам кажется важным отметить связанность текстов, потому что это можно интерпретировать как цепь событий: «Труби, Гавриил» – «Мне снился Христос» – «Свежее утро». Более того, в первых двух текстах наблюдается идея деконструкции мифа как элемент поэтики постмодернизма. Гавриил бессилен поднять спящих, а явившийся Христос оказывается никому не нужен и бессмысленно повторяет путь своих страданий. Или можно рассмотреть стихотворения как вариацию: «Труби, Гавриил» – «Мне снился Христос» или «Свежее утро» (как два варианта развития событий, где итог схож: в обоих случаях мир опустевший). Этот пример показателен с точки зрения постструктуралистского подхода: стихотворения формируют неиерархические ризоматические отношения. Сюда же можно отнести другие тексты, упомянутые тексты – «Падал теплый снег» и «Скованные одной цепью».

Библиографический список

1. Ильин И. Постструктурализм, деконструктивизм, постмодернизм. М.: Интрада, 1996. 258 с.
2. Кормильцев И.В. Скованные одной цепью. М.: Чертановская типография, 1990. 64 с.
3. Кормильцев И.В. Non-fiction. М.; Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2017. 644 с.

ЯЗЫКОВЫЕ СПОСОБЫ КОНКРЕТИЗАЦИИ РОЛИ «ЭКСПЕРТ»: КРИТЕРИЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ СПЕЦИАЛИЗАЦИИ

LINGUISTIC WAYS OF SPECIFYING THE ROLE OF “EXPERT”: THE CRITERION OF PROFESSIONAL SPECIALIZATION

М.С. Гурова

M.S. Gurova

Научный руководитель **Е.В. Осетрова**
Scientific adviser **E.V. Osetrova**

Коммуникативная роль, эксперт, медиатекст, медиалингвистика, медиа.

Высокая частотность лексемы «эксперт» в новостных текстах отражает значимость одноименной роли в организации медиакommunikации. Одновременно наблюдается тенденция к ее регулярной конкретизации в российском публичном дискурсе за счет использования различных моделей номинации. Автор статьи выделяет 4 способа такой ролевой конкретизации: сложное слово; сложное слово, образованное путем усечения основ; атрибутивная конструкция; предложно-падежная конструкция.

Communicative role, expert, media text, media linguistics, media.

The high frequency of the lexeme “expert” in news texts reflects the significance of the role of the same name in the organization of media communication. At the same time, there is a tendency towards its regular specification in Russian public discourse through the use of various nominal models. The author of the article identifies four methods of such role specification: a compound word; a compound word formed by truncation of stems; an attributive construction; a prepositional-case construction.

Лексема «эксперт» демонстрирует высокую частотность в текстах новостной направленности, что свидетельствует о значимости одноименной роли в организации медиакommunikации. При том, что роль эксперта все чаще «выпадает из рамок узкоспециальной среды и становится в большей степени социально ориентированной» [2, с. 13], наблюдается тенденция к ее регулярной конкретизации в российском публичном дискурсе. На языковом уровне это отчетливо проявляется в семантическом и прагматическом сужении значения данного элемента: «универсальный эксперт» уступает место «специализированным экспертам», номинации которых свидетельствуют об их профессиональной ориентации.

В современном российском медиадискурсе используются несколько способов такой ролевой конкретизации, обеспеченных рядом словообразовательных моделей.

Так, широко употребляются сложные образования типа *HR-эксперт, IT-эксперт / ИТ-эксперт, ИБ-эксперт, бизнес-эксперт, тревел-эксперт, косметолог-эксперт, бьюти-эксперт, эколог-эксперт, пилот-эксперт, фитнес-эксперт.*

Это особенно характерно для случаев, когда первая часть является иноязычной аббревиатурой или иноязычным словом, то есть заимствованным элементом, сохраняющим связь с языком-донором и не всегда до конца адаптированным в принявшем его языке; например, HR (Human Resources – «человеческие ресурсы»), IT (Information Technology – «информационные технологии»), ИБ (информационная безопасность); и др. Такая модель позволяет оперативно создавать новые номинации, реагируя на появление новых профессиональных и технологических сфер и профессиональных функций.

Менее распространенным способом словообразования является усечение основ: *автоэксперт* (автомобильный эксперт), *турэксперт* (туристический эксперт), *авиаэксперт* (авиационный эксперт) и под. Эта модель, представляющая собой свертывание атрибутивного словосочетания в одно слово, позволяет кратко обозначить специализацию эксперта, что объясняется принципом экономии языковых средств.

Деятельность эксперта может иметь «отношение к институциональным (официально регламентированным) сферам» [1, с. 23]. В этой связи обнаруживается сочетаемость лексемы «эксперт» с именами прилагательными, указывающими на сферу деятельности специалиста: *финансовый эксперт, модный эксперт, музыкальный эксперт, военно-политический эксперт, судебный эксперт, аграрный эксперт, энергетический эксперт, автомобильный эксперт*.

Отдельного рассмотрения заслуживает предложно-падежное словосочетание – модель номинации, так же, как и предыдущая, выходящая на грамматический языковой уровень: *эксперт по безопасности, эксперт по кибербезопасности, эксперт по профайлингу, эксперт по психологической безопасности, эксперт по социотехническому тестированию, эксперт по международному праву, эксперт по туризму*. и др. Главным в таких словосочетаниях является лексема *эксперт*, к которой с посредством управления и предлога «по» присоединено зависимое от него существительное с семантикой ‘сфера / область профессионализации’

Таким образом, выделены четыре способа конкретизации роли «эксперт» по критерию профессиональной специализации на языковом уровне:

1) сложное слово: *HR-эксперт, ИБ-эксперт, тревел-эксперт, косметолог-эксперт, фитнес-эксперт*;

2) сложное слово, образованное путем усечения основ: *автоэксперт, турэксперт*;

3) атрибутивная конструкция («имя прилагательное + эксперт»): *военный эксперт, музыкальный эксперт, финансовый эксперт*;

4) предложно-падежная конструкция («эксперт + предлог по + имя существительное в дательном падеже»): *эксперт по безопасности, эксперт по кибербезопасности, эксперт по профайлингу*.

Таким образом, одним из наиболее встречающихся способов конкретизации эксперта является дефисное образование сложных слов. С другой стороны,

продуктивной остается атрибутивная модель, позволяющая детализировать специализацию эксперта. В целом разнообразие этих моделей отражает жанровую специфику медиакommunikации и обусловлено общей тенденцией к компрессии медиатекста, в границах которого стремление к краткости и экспрессивности сочетается с необходимостью точного и однозначного обозначения компетенций эксперта как профессионала и участника коммуникативного процесса.

Библиографический список

1. Еремина М.А. Социальная роль компетентного человека в зеркале языка: специалист, эксперт, знаток, профессионал // Нижневартковский филологический вестник. 2018. № 1. С. 21–28. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=35352821>
2. Лимонова И.А., Осетрова Е.В. П. Астахов в коммуникативной роли эксперта (на материале программы интернет-телевидения) // Язык и социальная динамика: мат-лы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием: в 2 ч. Ч. 2. / Сиб. гос. аэрокосмич. ун-т Красноярск, 2011. С. 12–16. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=22885153>

ВИЗУАЛИЗАЦИЯ МЕДИАТЕКСТА: СПОСОБЫ КОННОТАЦИИ СОДЕРЖАНИЯ ИНФОРМАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ ЖУРНАЛА «КРОКОДИЛ»)

VISUALIZATION OF MEDIA TEXT: METHODS OF INFORMATION CONTENT CONNOTATION (BASED ON THE CROCODILE MAGAZINE)

А.И. Дякина

A.I. Dyakina

Научный руководитель Н.А. Бурмакина
Scientific adviser N.A. Burmakina

Медиатекст, коннотация, персонификация, аллегория, сатирический журнал.

В статье анализируется визуальный ряд советского сатирического журнала «Крокодил» как самостоятельный инструмент смыслообразования и формирования идеологии и массового сознания в СССР. Анализ позволяет сделать вывод, что иллюстрации не просто дополняют текст, а через взаимодействие с читателем конструируют вторичные значения и задают идеологические фильтры.

Media text, connotation, personification, allegory, satirical magazine.

The article analyzes the visual series of the Soviet satirical magazine «Crocodile» as an independent tool for semantic formation and the formation of ideology and mass consciousness in the USSR. The analysis allows us to conclude that the illustrations do not merely complement the text; through interaction with the reader, they construct secondary meanings and set ideological filters.

Журнал «Крокодил», который появился в 1922 году, быстро стал главным сатирическим изданием в СССР. Его создание было не случайным: новой власти требовались яркие и понятные образы, чтобы донести свои идеи до народа. Знаковым событием в 1934 году стала передача журнала в ведение газеты «Правда» под редакцией М. Кольцова. Это окончательно закрепило за изданием статус официального политического инструмента. Содержательная структура основывалась на бинарной оппозиции:

1. Внешнеполитический вектор: дискредитация идеологических оппонентов (от троцкизма до блоков НАТО).

2. Внутриполитический вектор: борьба с «бытовыми пережитками» (тунеядство, бюрократизм, «стиляжничество»).

Проведенный количественный анализ первого издания от 27 августа 1922 года выявил равновесие между зооморфными образами и конкретными антропоморфными типажам (по 23 единицы каждого типа). Аллегоризм является основным методом создания сатирического журнала «Крокодил». Животные образы здесь не просто иллюстрируют текст, а выступают эквивалентом человеческих типов, где деструктивные качества, например, порочность, тупость, агрессия врага, кодируются через образы низших существ, а ярость новой власти – через образ

Крокодила. Также создается эффект панорамности. В тексте упоминаются: Москва, Лондон, Париж, деревенская кухня, буфет.

Образ «Крокодила» – двигатель процесса персонификации медиабренда. Изображение на обложке сразу задает тон: «Красный Крокодил» – санитар, очищающий «Нэповский Нил». Рисунок Б. Ефимова с Пуанкаре-мясником, вводит в текст мотив физиологической агрессии, что типично для политического плаката того времени.

В композиции «Слякоть» М. Черемных использует прием визуальной стагнации. «Паутина», «Кенар» и «Самовар» – это маркеры мещанства. Быт здесь трактуется как агрессивная, пассивная, пожирающая среда.

Сюжет «Шахматная партия» – символ утраты социального порядка: вместо шахматных фигур – алкоголь, закуска и официанты. Картинка выполняет роль «разоблачителя».

Финальная иллюстрация Д. Моора «Живая...» – вершина взаимодействия образа и контекста. Священнослужители изображены в карикатурно-почтительных позах, пожинаящими плоды «своих трудов».

Если в статьях враги режима описывались метафорически, то рисунок делал их пугающе реальными. В условиях низкой грамотности населения 1920-х гг. визуальный язык становился основным каналом коммуникации. Если текст использовал сложные аллегории, то рисунок делал их узнаваемыми через утрированные и понятные черты. Иллюстрация не дублировала текст, а выступала автономным смыслообразующим элементом.

Заголовки (всего 27) выполнены массивным, часто рубленым «плакатным» шрифтом. Также наблюдаются вариации: некоторые стили повторяются, другие меняют размер, а в пунктуации (наличие или отсутствие точек в конце заголовков) нет полного единообразия.

В первом номере доминирует двухцветная печать: черный и красный. Контраст создает бинарную картину мира: «наше» против «чужого». Это упрощало восприятие сатиры – читатель на подсознательном уровне понимал, на чьей стороне правда. Также в издании появляется тусклый зеленый оттенок. Он символизирует два аспекта: биологическую природу главного персонажа и цвет, ассоциирующийся с болотом, тиной. Анализ показывает, что «Крокодил» использовал контрасты, гротеск и аллегории, чтобы критиковать социальные и политические пороки того времени.

Библиографический список

1. Абрамский И. П. Смех сильных: о художниках журнала. «Крокодил» / И. П. Абрамский. М.: Искусство, 1977. 319 с.
2. Добросклонская Т. Г. Медiateкст: теория и методы изучения // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10, Журналистика. 2005. № 2. С. 28–55.
3. Журнал «Крокодил»: сатирический журнал. М.: Редакция журнала, 1922–2008. 16 с.
4. Иванюшкин А. А. Политический юмор как фактор взаимодействия общества и власти: дис. ... канд. полит. наук / Иванюшкин А. А. Москва, 2006. 154 с. URL: <http://www.dissercat.com/content/politicheskii-yumor-kak-faktor-vzaimodeistviya-obshchestva-i-vlasti> (дата обращения: 20.10.2025).

ТИПОЛОГИЯ АМБИВАЛЕНТНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ РЭП-ДИСКУРСЕ: К ПРОБЛЕМЕ ПАРАМЕТРИЗАЦИИ ОППОЗИЦИИ «КОНСТРУКТИВНОЕ – ДЕСТРУКТИВНОЕ»

TYPOLOGY OF AMBIVALENCE IN MODERN RAP DISCOURSE: ON THE PROBLEM OF PARAMETERIZING THE “CONSTRUCTIVE–DESTRUCTIVE” OPPOSITION

Д.И. Земченкова

D.I. Zemchenkova

Научный руководитель В.И. Пихутина
Scientific adviser V.I. Pikhutina

Конструктивность, деструктивность, амбивалентность, рэп-дискурс, лингвопоэтика.

В статье рассматривается оппозиция «конструктивное–деструктивное» в текстах российских рэп-исполнителей. На материале творчества Егора Натса, Aikko, Playingtheangel и Pyrokinesis выявляются лингвопоэтические маркеры конструктивности и деструктивности, описываются типы амбивалентности. Предложенная типология может использоваться для параметризации ценностных оппозиций в художественном дискурсе.

Constructiveness, destructiveness, ambivalence, rap discourse, linguopoetics.

The article examines the “constructive–destructive” opposition in the lyrics of Russian rap artists. Based on the works of Egor Nats, Aikko, Playingtheangel and Pyrokinesis, linguopoetic markers of constructiveness and destructiveness are identified and types of ambivalence are described. The proposed typology can be used to parameterize value oppositions in literary discourse.

Оппозиция «конструктивное–деструктивное» значима для понимания языковой картины мира, но до сих пор не имеет четких критериев параметризации применительно к художественным текстам. Исследования сосредоточены на медийном и политическом дискурсе [1, с. 939], тогда как тексты рэп-поэзии, оказывающие влияние на формирование ценностных ориентаций молодежи, остаются на периферии внимания. Материалом нашего исследования послужили тексты Егора Натса, Aikko, Playingtheangel и Pyrokinesis.

Конструктивную направленность текста мы вслед за И.В. Крашенинниковой и А.В. Пузыревым понимаем как его соответствие понятиям «биофилия» и «жизнелюбие», а деструктивность – как констатацию, иллюстрацию агрессивных действий или призыв к их совершению [5, с. 201]. При этом деструктивность может проявляться в изображении экзистенциального кризиса, апатии, саморазрушения, а конструктивность – в самой попытке рефлексии, поиске выхода [4, с. 35].

В песне Егора Натса «План Б» деструктивный элемент представлен предложением совместного употребления наркотиков, конструктивный – обещанием вечной любви и метафорой надежды (*«после самой холодной зимы наступит оттепель»*). Здесь конструктивное и деструктивное сосуществуют как альтернативы – диалогическая амбивалентность. В песне «По морям» амбивалентность строится на отрицании любви и надежды, но само обращение к этим темам подтверждает их значимость – амбивалентность отрицания.

В тексте Aikko «Если завтра я умру» деструктивность выражена обесцениванием мира (*«не стоит и мятого фантика»*), ангедонией и метафорой *«бездонные рты апатии»*. Конструктивный элемент (*«а мечта меня держит в объятиях»*) выполняет спасительную функцию – иерархическая амбивалентность. В песне «Мне снилось как ты умрешь» противоречие между любовью и саморазрушением становится источником искреннего самоанализа – исповедальная амбивалентность.

В песне Playingtheangel «Мир разобьет тебе сердце» наблюдается резкое противопоставление возвышенного (*«учусь говорить на всех языках любви»*) и низменного (*«принимаю ванну под кайфом»*), что создает эффект «смысловой защиты» [5, с. 198]. Это контрастная амбивалентность. В песне «Любовь побеждает смерть» конструктивный посыл парадоксально сочетается с ощущением собственного небытия: *«Она говорит со мной, но меня уже здесь нет»* – самоотрицающая амбивалентность.

В песне Pyrokinesis «Jeanne d'Arc» конструктивные образы (*«трава и домик»*, *«оливковая ветвь»*) немедленно обесцениваются циничной рефлексией: *«Да пох*й: есть таблетки, алкоголь и книги... все это просто профанация и вздор»*. Деструкция достигает уровня мета-деструкции – хаотическая амбивалентность. В песне «Моя великая вина» гиперболизированное чувство вины за мировые трагедии сочетается с вопрошанием *«но только вот перед кем?»* – попыткой найти адресата вины, что предполагает поиск смысла. Это экзистенциальная амбивалентность.

Таким образом, выделены следующие типы амбивалентности: контрастная (противопоставление высокого и низкого), иерархическая (конструктивное подчинено борьбе с деструктивным), диалогическая (два вектора как сценарии), амбивалентность отрицания (отрицание ценности при подтверждении ее значимости), хаотическая (конструктивное обесценивается рефлексией), экзистенциальная (деструктивная картина мира с рефлексией о выборе), исповедальная (самораскрытие с признанием деструктивных черт).

Предложенная типология систематизирует модели взаимодействия конструктивных и деструктивных элементов в рэп-дискурсе и может служить основой для дальнейшей параметризации оппозиции в лингвистических исследованиях, а также для анализа ценностного содержания текстов массовой культуры [3, с. 47].

Библиографический список

1. Волкова Я.А. Деструктивные тексты в массмедиа: проблемы выделения и параметризации // Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Гуманитарные науки. 2024. Т. 17, № 5. С. 938–949.
2. Злоказов К.В. Контент-анализ текстов деструктивной направленности // Политическая лингвистика. 2015. № 1. С. 24–30.
3. Карабулатова И.С., Копнина Г.А. Специфика лингвистической параметризации деструктивного массмедийного текста с обесцениванием исторической памяти // Медиалингвистика. 2023. № 3. С. 45–58.
4. Кравченко М.А. Конструктивный VS деструктивный метатекст в произведениях современной русской прозы // Вестник ЮУрГУ. Серия: Лингвистика. 2024. № 1. С. 34–41.
5. Крашенинникова И.В., Пузырев А.В. Эколингвистичность текстов массовых песен: лексические и фоносемантические аспекты // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Филологические науки. 2018. Т. 4, № 2. С. 198–216.

РОЛЬ МЕТАФОРЫ В РОМАНЕ Ю. ЯКОВЛЕВОЙ «КРАДЕННЫЙ ГОРОД»

THE ROLE OF METAPHOR IN YU. YAKOVLEVA'S NOVEL THE STOLEN CITY

А.В. Исаченкова

A.V. Isachenkova

Научный руководитель С.П. Васильева
Scientific adviser S.P. Vasileva

Метафора, языковая метафора, семантический перенос, художественный текст, лексическая семантика.

В статье рассматриваются особенности функционирования языковой метафоры в романе Ю. Яковлевой «Краденый город». Цель исследования заключается в выявлении роли языковых метафор в формировании семантической структуры художественного текста. Материалом исследования выступает роман Ю. Яковлевой, а методами – лексико-семантический анализ, контекстуальный анализ и элементы стилистического анализа. В работе обобщены основные лингвистические подходы к интерпретации языковой метафоры и проведен анализ ее функционирования в тексте произведения. В результате установлено, что языковые метафоры структурируют повествование и служат средством концептуализации эмоционального и социального опыта персонажей.

Metaphor, linguistic metaphor, semantic transfer, literary text, lexical semantics.

The article examines the features of the functioning of linguistic metaphor in Yu. Yakovleva's novel "The Stolen City". The aim of the study is to identify the role of linguistic metaphors in shaping the semantic structure of a literary text. The material for the study is Yu. Yakovleva's novel, and the methods used are lexico-semantic analysis, contextual analysis, and elements of stylistic analysis. The paper summarizes the main linguistic approaches to interpreting linguistic metaphor and analyses its functioning in the text of the novel. As a result, it has been established that linguistic metaphors structure the narrative and serve as a means of conceptualizing the emotional and social experiences of the characters.

Метафора традиционно выделена в ряду семантических способов словообразования и вторичной номинации. В лингвистике принято различать языковую и художественную метафору. Языковая метафора закрепляется в языке как устойчивый лексический образ, художественная метафора – как индивидуально-авторское преобразование речевого действия. По определению Н.Д. Арутюновой, метафора в языке – это «синтаксически реализуемая форма вторичной номинации, основанная на переносе наименования с одного предмета на другой по признаку подобия, предполагающая семантическую двойственность и ассоциативное смешение понятий» [Арутюнова, 1979, с. 147]. В результате такого переноса устанавливается новое семантическое значение, которое закрепляется в языке и входит в лексико-семантический фонд.

Специфика языковой метафоры определяется ее устойчивостью, воспроизводимостью, меньшей контекстуальной зависимостью. В отличие от художественной метафоры, возникающей в единичном речевом акте и привязанной к конкретной ситуации, языковая метафора действует как устойчивая семантическая модель, включенная в систему лексических и семантических отношений. По наблюдению Ф.Я. Шаваевой, такой тип метафоры опирается на несложный знак сходства между переносными и переносимыми компонентами и выполняет номинативную функцию – «называет» новое явление при помощи старого языкового средства [Шаваева, 2016, с. 165]. Языковая метафора экономит языковые ресурсы, но при этом расширяет семантическую емкость лексической системы.

В современной лингвистике проблема языковой и художественной метафоры рассматривается в контексте более общего вопроса о соотношении общенародной речи и поэтической. Ж.А. Вардзелашвили отмечает двойственную природу метафоры: «метафора – это одновременно языковое и художественное средство» [Вардзелашвили, 2002, с. 68]. Вместе с тем подчеркивается ее важное когнитивное значение. По мнению Г.Н. Кораблевой, метафора – «один из базовых механизмов языкового мышления, обеспечивающих осмысление действительности через смещение из одной предметно-понятийной области в другую» [Кораблева, 2021, с. 135]. Таким образом, метафора оказывается не только номинативным, но и когнитивным инструментом упорядочивания семантического поля языка, демонстрирует структурность и типологическую устойчивость языковых метафорических конструкций [Теория метафоры, 1990, с. 64].

Анализ романа Ю. Яковлевой «Краденый город» позволяет выявить значительное количество языковых метафор, функционирующих как типичные элементы лексической системы и отражающих эмоционально-психологическое состояние персонажей, а также социальную атмосферу военного времени. Данные метафоры не обладают индивидуально-авторской уникальностью, характерной для художественной метафоры, и строятся на устойчивых моделях семантического переноса. Их можно условно сгруппировать по нескольким типам метафоризации, основанным на переносе признаков живого действия, физического состояния и пространственно-предметных характеристик на абстрактные явления и социальные процессы.

Первая группа представлена **антропоморфными метафорами**, в которых городское пространство наделяется признаками живого организма. Подобная модель метафоризации широко представлена в описании довоенного Ленинграда и формирует общее настроение тревожного ожидания. В тексте возникают конструкции: «Ночью Таня заметила таинственного незнакомца, который молча оставлял кресты на стенах, будто сам **город уже был обречен на смерть**» [Яковлева, 2017, с. 166], «Шурка чувствовал, как **улицы замирают перед надвигающейся бедой, пустея прямо на глазах**» [Яковлева, 2017, с. 22]. Аналогичный перенос наблюдается и в описании городской среды

военного времени: «*После бомбежки уцелевшие дома молчали черными провалами окон, и это молчание было страшнее крика*» [Яковлева, 2017, с. 45], «*Пустые окна смотрели на Таню холодным, мертвым взглядом, когда она возвращалась с Невы*» [Яковлева, 2017, с. 104]. Подобные языковые метафоры реализуют традиционную модель «город – живое существо» и служат средством обобщенной характеристики пространства, в котором разворачиваются события повествования.

Вторая группа образована **динамическими метафорами**, основанными на переносе признаков движения на абстрактные психические и социальные явления. В повествовании о начале войны тревожные настроения описываются посредством конструкций: «*В первый же день страх пополз по улицам, заполняя в парадные и въедаясь в души людей быстрее, чем новости по радио*» [Яковлева, 2017, с. 41], «*Как чума, по городу расползались слухи один страшнее другого*» [Яковлева, 2017, с. 119]. Аналогичная модель используется для характеристики социальных изменений: «*Прилавки пустели на глазах, и вслед за ними пустели лица*» [Яковлева, 2017, с. 50], «*В одно мгновение привычная жизнь сломалась, как сухая спичка, которую Таня тщетно пыталась зажечь, чтобы согреть руки*» [Яковлева, 2017, с. 311]. Подобные переносы обеспечивают конкретизацию абстрактных понятий и формируют наглядное представление о нарастающем кризисе.

Среди метафор выделяются те, которые передают **ощущение крайнего напряжения** – непосредственно блокады и физического истощения героев. В них природа и абстрактные понятия приобретают способность действовать на человека как живые сущности: «*Голод мертвой хваткой сжимал город, высасывая последние силы даже из стен*» [Яковлева, 2017, с. 77], «*Лютый холод вгрызался в промерзшие стены, добираясь до самых костей*» [Яковлева, 2017, с. 135]. Одновременно встречаются метафоры, отображающие душевное состояние персонажей: «*В душе у Тани надежда едва тлела, готовая погаснуть от любого сквозняка*» [Яковлева, 2017, с. 162], «*Мысли пугались от голода и усталости, и Таня никак не могла вспомнить, куда дела драгоценные хлебные карточки*» [Яковлева, 2017, с. 270]. Эти образы не просто фиксируют ужас блокады – они передают то, как внешний мир (голод, холод) буквально проникает внутрь человека, уничтожая не только тело, но и волю к жизни, лишая даже воспоминания о тепле.

В совокупности все языковые метафоры, представленные в данной статье, организуют его смысловое пространство: они задают способ видения событий, переводят исторические обстоятельства в плоскость личного переживания и создают у читателя эффект соприсутствия. При этом все рассмотренные метафоры опираются на устойчивые, традиционные для языка модели переноса («город – человек», «чувство – движение», «жизнь – горение» и др.), что делает их естественными для восприятия и одновременно позволяет автору решать конкретные художественные задачи в рамках заданной темы.

Библиографический список

1. Арутюнова Н. Д. Языковая метафора (синтаксис и лексика) // Лингвистика и поэтика. М.: Наука, 1979. С. 147–173.
2. Вардзелашвили Ж. А. О двоякой сущности метафоры // Санкт-Петербургский государственный университет и Тбилисский государственный университет. Научные труды. Сер. «Филология». СПб.–Тб., 2002. Вып. IV. С. 66–77.
3. Кораблева Г. Н., Горелова Л. Н. Языковая метафора в художественном тексте (на примере романа Федора Абрамова «Братья и сестры») // МНИЖ. 2021. № 10-3 (112). С. 135–138.
4. Теория метафоры: сборник статей / под ред. Н. Д. Арутюновой, М. А. Журинской. М.: Прогресс, 1990. 512 с.
5. Шаваева Ф. Я. Языковая и художественная метафоры. Специфика функционирования метафоры в художественном тексте // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2016. № 5 (59): в 3-х ч. Ч. 1. С. 164–167.
6. Яковлева Ю. Краденый город: 1941 год. Ленинградские сказки: книга вторая [для ср. шк. возраста: 12+] / Ю. Яковлева; худож. В. Мяконькина. М.: Самокат, 2017. 424 с.

ЛЕКСИЧЕСКИЙ УРОВЕНЬ РЕАЛИЗАЦИИ РЕЧЕВОГО ПОРТРЕТА МЕДИЙНОЙ ЛИЧНОСТИ (НА ПРИМЕРЕ ИНТЕРВЬЮ С ОЛЕГОМ РОЕМ)

LEXICAL LEVEL OF IMPLEMENTING THE SPEECH PORTRAIT OF A MEDIA PERSONALITY (USING AN INTERVIEW WITH OLEG ROY AS AN EXAMPLE)

Е.В. Комарова

E.V. Komarova

Научный руководитель Н.А. Бурмакина
Scientific adviser N.A. Burmakina

Речевой портрет, медийная личность, модель речевого портрета, языковая личность, антропоцентризм.

В данной статье рассмотрены основные особенности лексического аспекта речевого портрета медийной личности на материале интервью с Олегом Роем.

Speech portrait, media personality, model of a speech portrait, linguistic personality, anthropocentrism.
This article examines the main features of the lexical aspect of the speech portrait of a media personality, based on an interview with Oleg Roy.

Для современного состояния лингвистики свойственно влияние антропоцентризма – научного направления, согласно которому язык изучается через призму человеческого восприятия. Обращение ученых к антропоцентризму вызвано признанием ключевой роли человека в формировании и использовании речи [4, с. 237]. Исследования в рамках антропоцентрической парадигмы посвящены различным проявлением связи человека языка и их взаимному влиянию друг на друга.

В новой лингвистической парадигме на первый план выдвигается языковая личность – новый объект исследования. Данный термин получает развитие в трудах Ю. Н. Караулова: «совокупность (и результат реализации) способностей к созданию и восприятию речевых произведений (текстов), различающихся: а) степенью структурно-языковой сложности, б) глубиной и точностью отражения действительности и в) определенной целевой направленностью» [2, с. 245].

С теорией языковой личности связано понятие «речевого портрет», под которым М.Н. Крылова понимает «срез языковых особенностей речи конкретного человека или коллектива людей, представленный вне динамики, вне развития», а создание самого речевого портрета представляет как средство изучения языковой личности [2, с. 53]. Исследуя речевой портрет современного русского интеллигента, Л.П. Крысин обращает внимание на особенности речевого поведения и набор языковых единиц [3, с. 93].

Изучение речевого портрета является одним из активно развивающихся направлений современной лингвистики. В настоящей работе рассмотрен

лексический аспект речевого портрета медийной личности на материале интервью с Олегом Роем, известного деятельностью в литературе, кино, политике и т.д.

О. Рой обращается к заимствованиям: *«Главный лайфхак»*, *«опасаясь проспойлерить»*; *«моего бренда»*; *«блогер и бренд-мейкер»*; *«обратиться к кастинг-директору»*; *«пытаются пропиариться»*; *«имидж решает»*; *«6% роялти»*; *«купить офлайн»*; *«российский контент»*; *«дано как ретранслятору выше»*; *«нужны инструментарии»*; *«один нарратив»*; *«рассчитано субстанциями»*. Данные лексические единицы связаны со сферами маркетинга, цифровых коммуникаций, кино и телевидения. При помощи подобных лексем создается образ разностороннего и компетентного профессионала, который ориентируется в бизнесе и современных технологиях.

Пласт разговорной лексики включает следующие единицы: *«Хватают без подготовки»*; *«запихивают на линию фронта»*; *«иностранный ширпотреб»*; *«таким же вольготным»*; *«приходил с авоськой»*; *«их надо поубирать»*; *«заполонили полки»*; *«оборудование для качков»*; *«пытались подворовать»*; *«устроился в лагерь»*; *«все остальное опостылело»*; *«Эрнст – управленец»*. Приведенные примеры демонстрируют устойчивое использование просторечной лексики, знакомой многим людям, что делает речь более искренней и доступной для аудитории.

В речи О. Роя присутствуют просторечия: *«Есть башка для этого»*; *«пацаны бегают по кварталам»*; *«наши пацаны жизнь свою отдают»*; *«смотреть эту погань»*; *«я мотался по городу»*; *«они же гробят жизнь своего населения»*; *«он был тварью»*; *«поубираем всю эту хрень ненужную»*. Пласт просторечной лексики включает лексемы, используемые для описания людей, явлений, действий, выражения мнения по отношению к ним.

О. Рой обращается к употреблению слов в переносном значении: *«Тряпка ты»*; *«они как будто оттаивают»*; *«поколение захлестнуло»*; *«пантеон героев»*; *«столпом этого мироздания»*; *«жизнь поломала»*; *«золотая пора»*; *«подхватил болезнь»*. В речи также можно обнаружить книжную лексику: *«Многострадальной страны»*; *«потенции на литературу»*; *«засилье иностранной литературы»*; *«мы показываем разгул»*; *«...это нормальность»*; *«оно зиждется»*.

Таким образом, проведенный анализ демонстрирует употребление Олегом Роем заимствований, книжной лексики, разговорного пласта и просторечий наряду с общеупотребительными единицами, что позволяет высказывать мнение о конкретных людях и явлениях в понятной для аудитории форме, а также показывает вариативность в подборе языковых единиц в зависимости от ситуации, коммуникативных целей и адресата.

Библиографический список

1. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М.: Издательство ЛКИ, 2010. 264 с.
2. Крылова М.Н. Речевой портрет как объект исследования в современной лингвистике // Вестник Донского государственного аграрного университета. 2020. № 3-2 (37). С. 53–60.
3. Крысин Л.П. Современный русский интеллигент: попытка речевого портрета // Русский язык в научном освещении. 2001. № 1. С. 90–107.
4. Кыштымова Т.В. Понятие «языковая личность» в современной лингвистике // Вестник Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета. 2014. №. 6. С. 237–244.

ЛИНГВОСТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ МЕДИАРЕЧИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ГОСОРГАНИЗАЦИЙ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ

LINGUISTIC AND STYLISTIC FEATURES OF THE LANGUAGE OF EDUCATIONAL STATE ORGANIZATIONS IN SOCIAL NETWORKS

Д.А. Копылова

D.A. Kopylova

Научный руководитель В.Н. Замыслова
Scientific adviser V.N. Zamyslova

Медиа речь, медиадискурс, образовательные организации, социальные сети, институциональная коммуникация, tone of voice, нормативность, адаптивность.

В статье рассматриваются лингвостилистические особенности медиаречи государственных образовательных организаций в социальных сетях на материале официальных аккаунтов Минпросвещения России, «Объясняем.рф», МГУ имени М. В. Ломоносова и «Питерской Вышки» НИУ ВШЭ – Санкт-Петербург. Результаты показывают, что современная официальная медиаречь образовательной сферы сочетает нормативность официально-делового стиля, публицистическую оценочность, элементы научно-популярного изложения и разговорно-диалогические формы.

Media speech, media discourse, educational organizations, social networks, institutional communication, tone of voice, normativity, adaptability.

The article examines the linguostylistic features of the media speech of state educational organizations on social media, based on the material from the official accounts of the Ministry of Education of Russia, “We explain.RF”, Lomonosov Moscow State University, and “St. Petersburg HSE” of the Higher School of Economics – St. Petersburg. The results show that modern official media speech in the education sector combines the normativity of the official-business style, journalistic evaluativeness, elements of popular-science presentation, and conversational-dialogical forms.

Современная медиаречь образовательных государственных организаций формируется на пересечении институционального и интернет-дискурса. В медиалингвистике медиатекст понимается как «коммуникативная единица, где информация соединяется с прагматическим воздействием» [1, с. 25]. Официальные аккаунты образовательных организаций следует рассматривать как пространство, в котором «государственная нормативность постоянно соотносится с требованиями цифровой среды» [2, с. 56].

Теоретически данное явление опирается на мультимодальность, адресность и функциональную гибридность медиадискурса. Т. Г. Добросклонская подчеркивает, что «медиаречь существует как системно организованная совокупность языковых практик, зависящих от канала коммуникации и адресата» [1, с. 12]. Языковой образ организации связан с понятием tone of voice: устойчивой тональностью, выбором форм обращения, оценочной лексикой и повторяющимися речевыми моделями. В исследованиях дискурса социальных сетей

отмечается, что «языковая личность институции формируется через регулярные лексические и прагматические маркеры» [3, с. 64].

Жанровая структура исследуемых аккаунтов включает новостные сообщения, анонсы, отчеты, поздравительные, просветительские и имиджевые посты. Наиболее заметная лингвостилистическая тенденция – стилистическая гибридность.

В медиаречи НИУ ВШЭ официальные элементы сочетаются с разговорными и мотивационными: «Питерская Вышка», «внеучебка», «классный старт карьеры», «стажировка мечты». Данная стратегия соответствует принципу адаптации сетевого жанра к ожиданиям адресата [4,]. Медиаречь МГУ демонстрирует иной баланс. В научных анонсах сохраняется академическая терминология: «дифференциальные уравнения», «крестовые аппроксимации», «нейронные сети»; интерактивные формулы: «Угадаете, где в МГУ сделано это фото?», «Абитуриенты журфака, прием!»; диалогичность является одним из ключевых признаков интернет-коммуникации [5, с. 128–133]. Для аккаунта Минпросвещения России характерна официально-публицистическая модель. В поздравительных публикациях используются торжественная оценочная лексика и риторические конструкции: «символ мужества, науки и прогресса», «раздвинул границы возможного», «прочный фундамент для новых открытий». Подобные средства формируют высокий регистр и репрезентируют государственную позицию. Особое место занимает «Объясняем.рф», где доминирует объяснительная и доверительная тональность. Здесь используются короткие фразы, цитаты, вопросно-ответные модели, эмоционально маркированная лексика: «эмоции бьют через край», «космос безграничен», «возможности человека». Такая «медиаречь отвечает логике медиадискурса, где адресат ожидает не только факта, но и понятного комментария» [2, с. 60].

Таким образом, лингвостилистические особенности медиаречи образовательных государственных организаций проявляются в четырех основных тенденциях: стилистической гибридности, диалогизации, усилении имиджевой функции и балансе между нормой и адаптацией. Эти тенденции отражают трансформацию официального дискурса в цифровой среде и показывают, что современная образовательная коммуникация является инструментом формирования доверия между институтом и обществом.

Библиографический список

1. Добросклонская Т.Г. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ (современная английская медиаречь). М.: ФЛИНТА; Наука, 2008. 263 с.
2. Джабраилова В.С., Фомичева М.П. Медийный дискурс как объект лингвистического исследования // Тенденции развития науки и образования. 2019. № 46 (3). С. 56–61.
3. Катермина В.В., Илмаз-Леденева Т.О. Языковая личность в дискурсе социальных сетей // Вестник ЧГПУ им. И.Я. Яковлева. 2019. № 3 (103). С. 64–70.
4. Клушина Н.И., Смирнова Н.В., Касперова Л.Т., Иванова М.В., Барышева С.Ф. Сетевые жанры: новость и комментарий в пространстве Интернета // Верхневолжский филологический вестник. 2018. № 3. С. 50–54.
5. Колокольцева Т. Н. Диалог и диалогичность в интернет-коммуникации // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2011. № 8. С. 128–133.

ЛЕКСИЧЕСКАЯ ЕДИНИЦЫ «БОГ» В РУССКОМ ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ (НА МАТЕРИАЛЕ КЛАССИЧЕСКОЙ И СОВРЕМЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ)

THE LEXICAL UNIT “GOD” IN THE RUSSIAN LANGUAGE CONSCIOUSNESS (BASED ON CLASSICAL AND CONTEMPORARY LITERATURE)

С.Д. Красикова

S.D. Krasikova

Научный руководитель Н.А. Бурмакина
Scientific adviser N.A. Burmakina

Лексическая единица, Бог, языковое сознание, русская литература, Национальный корпус русского языка.

В данной статье анализируется лексическая единица «Бог» как ключевой компонент русского языкового сознания. На материале классической (Л.Н. Толстой «Война и мир», Ф.М. Достоевский «Братья Карамазовы», Н.В. Гоголь «Мертвые души») и современной (Л. Улицкая «Медея и ее дети», Е. Водолазкин «Лавр» и В. Пелевин «Чапаев и пустота») русской литературы рассматриваются семантические и функциональные особенности данной лексики. С помощью контекстуального и сравнительно-сопоставительного анализа выявляется динамика изменений в восприятии сакрального: от безусловной религиозной семантики в классике к субъективации в современной литературе. Результаты могут быть использованы в курсах лингвокультурологии и анализе художественного текста.

Lexical unit, God, linguistic consciousness, Russian literature, National Corpus of the Russian Language.

This article analyzes the lexical unit “God” as a key component of Russian linguistic consciousness. The semantic and functional features of this lexeme are examined on the basis of classical (L.N. Tolstoy’s “War and Peace,” F.M. Dostoevsky’s “The Brothers Karamazov,” and N.V. Gogol’s “Dead Souls”) and modern (L. Ulitskaya’s “Medea and Her Children,” E. Vodolazkin’s “Lavr,” and V. Pelevin’s “Chapaev and the Void”) Russian literature. Using contextual and comparative analysis, the dynamics of changes in the perception of the sacred are revealed: from unconditional religious semantics in classical literature to subjectification in modern literature. The results can be used in courses on linguoculturology and the analysis of literary texts.

Лексема «Бог» занимает центральное место в русской языковой картине мира, отражая ключевые духовные и культурные ценности. В современную эпоху, характеризующуюся трансформацией религиозного сознания, особый интерес представляет сопоставление функционирования этой единицы в классической и современной литературе, что позволяет проследить динамику изменений в восприятии сакрального.

Материалом исследования послужили данные Национального корпуса русского языка (НКРЯ), включающие 141 контекст из произведений Н.В. Гоголя, 523 – из Ф.М. Достоевского, 682 – из Л.Н. Толстого, а также 24 контекста из романа Л. Улицкой «Медя и ее дети», 34 – из романа Е. Водолазкина «Лавр», 57 – из романа В. Пелевина «Чапаев и пустота».

При помощи контекстуального анализа и метода сплошной выборки мы выявили из текстов классической литературы (Л.Н. Толстого «Война и мир», Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы», Н.В. Гоголя «Мертвые души») основные типы употреблений лексемы «Бог». Установлено, что в классике доминируют следующие группы: прямое сакральное значение (Бог как верховное существо, творец, промыслитель), фразеологизированные и междометные выражения («слава Богу», «дай Бог», «Боже мой», «ради Бога»). Глагольная сочетаемость показывает, что Бог в классической литературе – активный субъект: он дарует, наказывает, знает.

Аналогичным образом мы проанализировали произведения современных авторов (Л. Улицкой «Медя и ее дети», Е. Водолазкина «Лавр» и В. Пелевина «Чапаев и пустота»). Выяснилось, что в современной литературе лексема «Бог» сохраняет высокую частотность, однако ее семантика трансформируется. Фразеологизмы и междометия продолжают активно использоваться, но у постмодернистских авторов (В. Пелевин) приобретают ироническую окраску. Прямое сакральное значение сохраняется преимущественно у Е. Водолазкина (стилизация под житийную литературу), тогда как у Л. Улицкой оно ослаблено, а у В. Пелевина – подвергнуто сомнению и пародированию. Появляются новые типы употреблений: метафорические («спящий Бог»), политеистические («боги»), а также используется написание со строчной буквы как маркер десакрализации.

Мы провели сравнительный анализ и выявили динамику изменений: в классической литературе Бог – безусловная сакральная константа, активный субъект, носитель высшей воли; в современной литературе он перестает быть сакральным Абсолютом, превращаясь в многозначный культурный знак, спектр значений которого варьируется от архаичного благоговения (Е. Водолазкин) до постмодернистской игры и иронии (В. Пелевин).

В процессе исследовательской работы мы выяснили, что лексема «Бог» в русском языковом сознании прошла путь от сакрального ядра до полифункциональной единицы с ослабленной религиозной семантикой. Концепт не исчез, а трансформировался, сохранившись во фразеологии, этикетных формулах и культурных отсылках.

Библиографический список

1. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <https://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 01.04.2026)
2. Парамонова М. К. Организация тематических групп в идеографическом словаре религиозной лексики // Русский язык в системе высшего образования: современные векторы развития: материалы конференции. 2022. С. 39-40.
3. Печенкина О. Ю. Слово Бог как лексическая объективация концепта «Бог» // Вестник Брянского государственного университета. 2021. № 3 (49). С. 38-40.

ЛЕКСИКО-СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СУДЕБНЫХ РЕШЕНИЙ: ЮРИСЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

LEXICAL AND STYLISTIC FEATURES OF COURT DECISIONS: JURISLINGUISTIC ASPECT

Е.Е. Кудинова

E.E. Kudinova

Научный руководитель Н.А. Бурмакина
Scientific adviser N.A. Burmakina

Юрислингвистика, судебные решения, лексика, правовая терминология, официально-деловой стиль, языковые особенности.

В данной статье поднимается актуальный вопрос о юрислингвистике – области языкознания, которая представляет собой связь языка и права. В современном обществе анализ судебных решений занимает важное место, потому что он не только юридически закрепляет результат заседания суда, но и показывает применение нормативно-правовых актов. Данная проблема рассматривается в статье с опорой на судебные решения судов Российской Федерации. Делается вывод, что материалы принадлежат одному стилю; основной лексической системы являются правовые термины.

Legal linguistics, court decisions, vocabulary, legal terminology, official business style, linguistic features.

This article addresses the pressing issue of legal linguistics – a field of linguistics that explores the relationship between language and law. In modern society, the analysis of court decisions plays an important role because it not only provides the outcome of a court hearing but also demonstrates the application of legal regulations. This article examines this issue using court decisions from the Russian Federation. It is concluded that the materials belong to the same style; the lexical system is based on legal terms.

Юрислингвистика – лингвистическая дисциплина, изучающая взаимодействие языка и права [2]. «В фокусе этой области находятся отношения между языком и законом, а ее конкретным предметом выступает юридическое изменение языка» [2, с. 11].

Эту отрасль часто называют «судебной лингвистикой», на деле она значительно шире: она охватывает не только процессы в зале суда, но и «все сферы правовой деятельности общества – собственно процесс судопроизводства, а также всю сферу правовой деятельности общества» [3, с. 116].

Современная юрислингвистика решает следующие задачи:

1. Обеспечивает эффективную коммуникации в суде.
2. Разрабатывает методы лингвистического расследования для юридической практики.
3. Помогает выстраивать юридическую аргументацию.
4. Контролирует соблюдение языковых норм в правовой сфере.
5. Изучает юридическую силу языковых действий.
6. Предлагает критерии однозначного толкования текстов [1].

Все исследованные судебные решения выдержаны в строгом официально-деловом стиле, что проявляется в трех основных принципах:

- точность, исключая любую двусмысленность;
- объективность – отсутствуют эмоционально-оценочные слова, эпитеты, метафоры;
- нормативность – используются отсылки к кодексам и федеральным законам.

Основу лексики составляют три группы юридических терминов:

- Общепроцессуальная лексика: *истец, ответчик, исковые требования, судебное разбирательство, мотивированное решение*;
- Лексика процессуальных действий: *удовлетворить, отказать, отменить, обжаловать, доказать, оценить*;
- Отраслевая лексика (в зависимости от категории дела) – *алименты, несовершеннолетний ребенок* (семейное право); *недействительная сделка, обязательство* (гражданское право); *административное правонарушение, состав правонарушения* (административное право).

Характер рассматриваемых правоотношений обуславливает включение терминов других сфер: *финансово-правовая лексика – денежные средства, заработная плата, проценты, задолженность*; *техническая лексика – электронный документ, информационная система, портал*; *социальная и семейная лексика – ребенок, мать, отец, образование*.

Во всех судебных решениях присутствуют интернационализмы и заимствованные термины, полностью адаптированные русской правовой системой: *алименты, прокурор, цессия*, а также современные неологизмы типа *портал, электронная подпись*.

Таким образом, юрислингвистика описывает языковые закономерности в праве, служит инструментом анализа реальных судебных документов, подтверждая свою актуальность для правоприменительной практики.

Библиографический список

1. Брадецкая И.Г., Фысина У.Н. Юридическая лингвистика: учебное пособие. М.: РГУП, 2021. 100 с.
2. Голев Н.Д. Юрислингвистика. Вводный очерк теории: учебное пособие; Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Кемеровский государственный университет». Кемерово: Кемеровский гос. ун-т, 2021. 213 с.
3. Тарланов З.К. Юридическая лингвистика: учебник для вузов. 2-е изд., испр. и доп. М.: Издательство Юрайт, 2025. 180 с. (Высшее образование). ISBN 978-5-534-07061-3. Текст: электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. URL: <https://urait.ru/bcode/564867> (дата обращения: 08.11.2025).

ЛЕКСИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ВЫРАЗИТЕЛЬНОСТИ В ПОЭТИЧЕСКОЙ РЕЧИ ЕВГЕНИЯ АБРАМОВИЧА БАРАТЫНСКОГО

LEXICAL MEANS OF EXPRESSIVENESS IN THE POETIC SPEECH OF EVGENY ABRAMOVICH BARATYNSKY

М.А. Максимова

М.А. Maksimova

Научный руководитель В.Н. Замыслова
Scientific adviser V.N. Zamysova

Лексические средства выразительности, поэтическая речь, Е.А. Баратынский, метафора, архаизм, идиостиль, романтическая концепция.

В статье анализируются лексические средства выразительности в поэтической речи Евгения Абрамовича Баратынского на материале стихотворений «Она», «Признание», «Муза», «Пироскаф», «Родина», «Смерть». Цель исследования – доказать, что метафоры, эпитеты, сравнения, олицетворения, архаизмы, историзмы, синонимы и антонимы у Баратынского выполняют не декоративную, а смыслообразующую функцию. Методология основана на комплексном лексико-семантическом анализе поэтических текстов в контексте романтической концепции поэта. Результаты показывают, что данные лексические средства служат инструментом «материализации мысли» и точности философского высказывания, что определяет уникальность идиостиля Баратынского.

Lexical means of expressiveness, poetic speech, E.A. Baratynsky, metaphor, archaism, idiostyle, romantic concept.

The article analyzes lexical means of expressiveness in the poetic language of Evgeny Abramovich Baratynsky based on the poems “She”, “Confession”, “Muse”, “Pyroscaph”, “Motherland”, and “Death”. The aim is to prove that metaphors, epithets, similes, personifications, archaisms, historicisms, synonyms, and antonyms in Baratynsky’s poetry perform not a decorative but a meaning-forming function. The methodology employs a comprehensive lexico-semantic analysis of poetic texts within the framework of the poet’s romantic concept. The results demonstrate that these lexical means serve as a tool for the “materialization of thought” and precision of philosophical utterance, which determines the uniqueness of Baratynsky’s idiostyle.

В современной лингвистике выразительность речи понимают как «способность текста создавать яркие образы и удерживать внимание читателя» [2, с. 45]. Традиционно средства выразительности делятся на тропы (метафоры, эпитеты, сравнения, олицетворения) и лексические средства в узком смысле (синонимы, антонимы, архаизмы, историзмы) [1]. «Тропы функционируют преимущественно на уровне слова и строятся на переносном значении, тогда как фигуры речи относятся к синтаксическому уровню» [4, с. 88]. В большинстве исследований эти средства рассматриваются как способ «украшения» текста, однако поэзия Евгения Абрамовича Баратынского демонстрирует иной, глубинный подход. Основной тезис работы: лексические средства выразительности у Баратынского подчинены романтической концепции противопоставления

внешнего (иллюзорного, суетного) внутреннему (подлинному, вечному). «Слово у поэта не описывает чувство, а «разрешает» его, делая мысль зримой и материальной» [3, с. 98]. Анализ шести стихотворений («Она», «Признание», «Муза», «Пироскаф», «Родина», «Смерть») подтверждает этот тезис. В «Пироскафе» метафора *«колеса могучей машины роют волнистое лоно пучины»* превращает океан в живое, материнское начало, а олицетворение *«глубоко вздохнул океан»* наделяет стихию душой. Историзм *«нега»* обозначает обретенный покой. В «Смерти» метафора *«в руке твоей олива мира»* радикально переосмысляет смерть: в ее руке не коса (символ враждебности), а оливковая ветвь – символ примирения и успокоения. Архаизмы (*«брег»*, *«длань»*, *«цевница»*) и историзмы (*«пироскаф»*, *«бразды»*) не создают исторический колорит, а «отстраняют читателя от бытового восприятия, выводя разговор на уровень вечных категорий – жизни, смерти, любви, родины» [1, с. 310]. В «Родине» историзмы работают на создание патриархального, вневременного образа отеческой земли: слова *«бразды»*, *«пестун»*, *«цевница»* создают образ сакрального пространства, где труд, поэзия и родовые связи образуют неразрывное единство. Синонимы в этом же стихотворении (*«поля моих отцов»*, *«дубравы мирные»*, *«дом отеческий»*, *«кров священный сердцу»*, *«край, всегда любимый»*) создают объемный, многогранный образ родины. Антонимы (*«радостей ложных, истинных зол»*, *«властелина и раба»*, *«хлад»* и *«пламень»*) служат инструментом философской рефлексии и контраста [1]. Баратынский разрывает привычную логику: счастье (*«радости»*) оказывается ложным, а страдание (*«зло»*) – истинным. Смерть, как подчеркивает антонимическая пара *«властелина и раба»*, уравнивает всех, снимая социальные границы. В лирике Баратынского прослеживается тенденция «подчеркнуть мысль, сделать ее зримой, «материальной»», что достигается через «странное» слово, утяжеляющее лирическое движение» [3, с. 98]. Таким образом, у Баратынского лексические средства выразительности выполняют не декоративную, а смыслообразующую функцию, «материализуя мысль» и обеспечивая точность философского высказывания, что определяет уникальность идиостиля поэта и его вклад в развитие русского поэтического языка.

Библиографический список

1. Валгина Н.С., Розенталь Д.Э., Фомина М.И. Современный русский язык: учебник / под ред. Н.С. Валгиной. 6-е изд., перераб. и доп. М.: Логос, 2002. 528 с.
2. Горобец Л.Н., Ключко Н.М., Мантаржиева А.М. «Выразительность речи» как лингводидактическое метапредметное понятие // МНКО. 2020. № 2 (81). С. 45–50.
3. Козубовская Г.П. Поэтический мир Е. Баратынского и мифология // Культура и текст. 1998. № 3. С. 94–103.
4. Шигина С.Ю. Тропы и фигуры как изобразительно-выразительные средства языка (об учебно-методическом пособии к спецкурсу) // Записки Горного института. 2005. № 1. С. 87–90.

ДИНАМИКА СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ «СЕМЬЯ»: ОТ ТРАДИЦИОННОЙ МОДЕЛИ К АКТУАЛЬНЫМ КОНТЕКСТАМ (ПО ДАННЫМ СОВРЕМЕННЫХ СМИ)

THE DYNAMICS OF THE SEMANTIC FIELD «FAMILY»: FROM THE TRADITIONAL MODEL TO CURRENT CONTEXTS (ACCORDING TO MODERN MEDIA DATA)

Мэн Юань

Meng Yuan

Научный руководитель С.П. Васильева
Scientific adviser S.P. Vasilieva

Лексико-семантическое поле, семья, трансформация, публицистика, СМИ, дискурс.

В статье рассматривается, как меняется лексико-семантическое поле «Семья» в современной публицистике. Материалом исследования служат публицистические источники: статьи из федеральных и региональных изданий, интервью, колонки, тексты из социальных сетей. Особое внимание уделяется изменению сочетаемости ключевых слов и появлению новых контекстов их употребления. Цель статьи – показать, что лексико-семантическое поле «Семья» не статично: оно трансформируется под влиянием социальных изменений, смены ценностных ориентиров и особенностей современной публицистической речи. Делается вывод, что поле расширяется за счет новых смыслов, а традиционные элементы смещаются на периферию или переосмысляются.

Lexical-semantic field, family, transformation, journalism, media, discourse.

The article examines the changes in the lexico-semantic field “Family” in modern journalism. The research material consists of journalistic sources: articles from federal and regional publications, interviews, columns, and texts from social media. Special attention is paid to changes in the collocation of key words and the emergence of new contexts for their use. The aim of the article is to show that the lexico-semantic field “Family” is not static: it transforms under the influence of social changes, shifts in value orientations, and the characteristics of modern journalistic speech. It is concluded that the field is expanding due to new meanings, while traditional elements are being pushed to the periphery or reinterpreted.

Образ семьи непостоянен: он видоизменяется, обрастает новыми смыслами. «В информационную эпоху этот процесс особенно интенсивен под влиянием традиционных СМИ и электронных потоков информации» [3].

Современные информационные технологии трансформируют коммуникативное пространство: исчезают привычные границы, возникают новые форматы взаимодействия, а вместе с ними – и новые способы конструирования социальной реальности. Как подчеркивает Т.Г. Добросклонская, «язык средств массовой информации не просто отражает реальность, но и активно конструирует ее, формируя определенную картину мира в сознании аудитории» [2]. В этих условиях СМИ не ограничиваются трансляцией фактов, а становятся активными участниками

создания образов, используя разнообразные языковые и риторические инструменты. Обладая широкими ресурсами, они способны представить одну и ту же тему – в том числе тему семьи – с разных точек зрения, формируя необходимые оценки и эмоциональные установки, что превращает их в действенный инструмент влияния на массовое сознание.

В статье проанализировано 25 контекстов употребления слова «семья» в федеральных и региональных газетах, тематических журналах и социальных сетях, используя Национальный корпус русского языка. В ходе анализа было выделено шесть тематических групп, отражающих различные смысловые зоны внутри лексико-семантического поля. Эти группы легли в основу дальнейшего анализа трансформации поля «Семья» в современных СМИ.

1. Традиционная модель – семья как «ячейка общества», основа, главная ценность, патриархальный уклад, многопоколенность:

«Семья – это ячейка общества, которая даст возможность строить будущее нашего государства очень уверенно (За какие детские проступки могут оштрафовать родителей // Парламентская газета, 2021.10.1)

Семья это безусловная ценность, и если вы умеете ее оценивать, все хорошее в жизни обязательно придет (Надежда Амаева. Эзотерическое кафе, 03.2025).

2. Экономический дискурс – семья как финансовый субъект (семейный бюджет, ипотека, кредиты, закредитованность, материнский капитал).

Важное условие для начисления выплат – размер дохода семьи (Пенсии, вычеты и пособия: новые социальные законы // Парламентская газета, 2021.12.31).

Ранее сообщалось, что в России продлили действие программы «Семейная ипотека»: кредиты по ставке до 6 процентов годовых на приобретение жилья или строительство дома можно будет получить до 31 декабря 2023 года (Бессараб напомнила, какие семьи могут получить выплаты на погашение ипотеки // Парламентская газета, 2021.10.27).

3. Психологический дискурс – семья как пространство отношений, требующее сепарации, выстраивания границ, партнерства; темы зависимости, взросления, трансформации связей.

Семья делает людей сильнее и крепче, дает опору и поддержку, заявила зампреда Госдумы Анна Кузнецова («Единая Россия») (Кузнецова пожелала всем беречь тепло домашнего очага // Парламентская газета, 2021.12.31).

4. Семья как пространство формирования личности – акцент на социализации, привычках, моделях поведения, усвоенных в детстве.

Подростковый возраст — это время социализации, поиск идентичности, ребенок ищет место в обществе для себя и своей семьи (Детский медико-педагогический центр Стокли (02.2025)).

Кажется, все это мелочи, но именно в семье формируются первые и самые стойкие пищевые привычки (Ирина Кононова. Психиатр (01.04.2025)).

5. Критический дискурс – рефлексия по поводу образа семьи в медиа (обвинения в «антисемейном нарративе», искажении традиционного образа).

*Социологи-фамилисты уверены: чтобы преодолеть **парадоксы** российской **семейной политики**, власти должны забыть о «костылях» социальных пособий и вспомнить полузабытый тезис «**Семья – ячейка общества**» (Есть такая работа – строить крепкую семью // Парламентская газета, 2013.05.23).*

6. Социальные практики и государственная политика – работа с неблагополучными семьями, приемными семьями, информационные кампании по продвижению семейных ценностей.

*Информационная кампания, которая проходит под таким же слоганом – «**Семья – мой главный жизненный проект**». Она направлена на популяризацию и продвижение традиционных семейных ценностей» (Фонд поддержки детей, 29.04.2022).*

*Даже если **семья распалась**, это не снимает ответственности с родителя за **содержание и воспитание ребенка**, заявил ранее спикер Госдумы Вячеслав Володин в связи с обсуждением законопроекта (За частичную уплату алиментов будут привлекать к ответственности // Парламентская газета, 2021.12.23)*

Выделенные группы показывают, что в современных медиа понятие «семья» утратило монолитность: наряду с традиционной моделью (*ячейка общества, ценность, основа*) сосуществуют новые смысловые зоны. Как отмечает исследователь медиадискурса Е.Г. Малышева, «современное медиапространство характеризуется множественностью конкурирующих образов социальных институтов, каждый из которых конструируется в рамках определенного дискурсивного поля» [1]. Наиболее заметные из них – экономический дискурс (*семья как субъект бюджета, ипотеки, материальных выплат, пособий, льгот*), психологический дискурс (*категории границ, любви, заботы, поддержки и опоры*) и критический дискурс (*рефлексия медиа о собственном конструировании образа семьи*).

Расширяется сочетаемость лексемы «семья»: к традиционным словам добавляются экономические (*бюджет, ипотека, выплаты, льготы*) и психологические (*границы, опора, поддержка*), что свидетельствует о структурном усложнении поля. В результате происходит перераспределение ядерных и периферийных элементов: наряду с «родством» и «ценностью» актуальными становятся «финансы», «границы», «господдержка».

Таким образом, лексико-семантическое поле «Семья» динамично: оно расширяется за счет новых тематических зон, перераспределяет ядерные и периферийные элементы, а разные дискурсы сосуществуют, дополняя или конфликтуя друг с другом.

Библиографический список

1. Малышева Е. Г., Ларионова А. Ю. Традиционные и новые медиа в современной России // Политическая лингвистика. 2014. №4. С. 324–327.
2. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ (современная английская медиаречь): учебное пособие / Т.Г. Добросклонская. М.: Флинта: Наука, 2008. 263 с.
3. Пантин В. И., Лапкин В. В. Проблемы и перспективы трансформации национально-цивилизационной идентичности современного российского общества // Общественные науки и современность. 2004. № 1. С. 16.

ИЗОБРАЗИТЕЛЬНО-ВЫРАЗИТЕЛЬНЫЕ СРЕДСТВА В ПОЭТИКЕ М.И. ЦВЕТАЕВОЙ

FIGURATIVE AND EXPRESSIVE MEANS IN THE POETICS OF M.I. TSVETAEVA

С.А. Сачек

S.A. Sachek

Научный руководитель В.Н. Замыслова
Scientific adviser V.N. Zamyslova

Идиостиль М.И. Цветаевой, метафтонимия, аппликативная метафора, паронимическая аттракция, синтаксис разрыва.

На материале поэтических текстов М. И. Цветаевой анализируются три ключевых новаторских механизма образности, выходящих за рамки традиционной классификации тропов и фигур речи. Метафтонимия, аппликативная метафора и паронимическая аттракция создают эффект предельной смысловой и эмоциональной плотности.

M.I. Tsvetaeva's idiostyle, metaphonymy, applicative metaphor, paronymic attraction, syntax of rupture.
The article analyzes three key innovative mechanisms of imagery in M. I. Tsvetaeva's lyrics that go beyond the traditional classification of tropes and figures of speech. The author shows how metaphthonymy, applicative metaphor, and paronymic attraction create an effect of extreme semantic and emotional density.

Современное литературоведение все чаще обращается к изучению идиостиля как уникальной системы выразительных средств. В этом ряду особое место занимает творчество М. И. Цветаевой, чей язык «представляет собой пример максимальной мобилизации всех ресурсов художественной выразительности» [1, с. 139]. Однако традиционная классификация тропов (метафора, метонимия) оказывается недостаточной для описания цветаевского текста. На основе обобщения работ М. Л. Гаспарова, Л. В. Зубовой, Е. Н. Рядчиковой и собственного анализа стихотворений можно выделить три механизма, определяющих своеобразие художественного мира М.И. Цветаевой. Первый механизм – метафтонимия (термин С. А. Губанова). Это органическое, неразрывное слияние метафоры и метонимии в пределах одного поэтического образа. В стихотворении «Идешь, на меня похожий...» (1913) [3] слово «*прохожий*» одновременно является метонимией (конкретный человек) и развернутой метафорой (символ мимолетности жизни). Метафтонимия позволяет достигать максимальной смысловой концентрации в минимальном языковом отрезке. Второй механизм – аппликативная метафора (термин Е. Н. Рядчиковой и С. А. Ахмадеевой). Это синтаксическая конструкция, в которой одно семантическое поле буквально «накладывается» на другое без союзов «как», «будто». Результатом становится эффект смыслового двоения. Вершина этого приема – стихотворение «Тоска по родине! Давно...» (1934) [3], где тоска осмысляется как «*разоблаченная морока*», апплицируясь на слово «тоска» и создавая неразрешимое противоречие. Третий механизм – паронимическая

аттракция (термин Л. В. Зубовой). Это намеренное сближение в поэтическом тексте слов, которые звучат сходно, но принадлежат к разным семантическим полям. Наиболее яркий пример – цикл «Стихи к Блоку» (1916–1921) [3], где сквозной звук [п]/[п'] в словах «птица», «пять», «губ» создает физическое ощущение трепета. У Цветаевой это не формальная игра, а полноценное смысловоразличительное средство. Принципиально важно, что все три механизма никогда не существуют изолированно. В реальном поэтическом тексте они находятся в состоянии постоянного взаимодействия. В стихотворении «Тоска по родине!» одновременно присутствуют аппликативная метафора, парцелляция («Быть...»), оксюморон и сложнейшая фонетическая организация. Как справедливо замечает Н. А. Кожевникова, «в цветаевском тексте невозможно выделить доминирующий уровень – все они работают на создание единого художественного эффекта» [2, с. 48]. На основе анализа произведений разных лет (от ранней лирики до эмигрантского периода) можно выделить несколько ключевых тропов и фигур речи, которые получают в ее творчестве особое, трансформированное звучание: антитеза, риторические вопросы, обращения, парцелляция. В стихотворении «Кто создан из камня, кто создан из глины, – А я серебрюсь и сверкаю!» (1920) [3] антитеза помогает противопоставить тяжесть, неподвижность, материальность (камень, глина) и легкость, изменчивость, трансцендентность (серебрение, сверкание, связанное с морем и пеной). Антитеза не просто создает контраст – она формирует антропологическую модель мира Цветаевой, в которой лирическая героиня принципиально не отождествляет себя с чем-либо устойчивым и окончательным. В стихотворении «Идешь, на меня похожий...» (1913) [3] обращение разрывает тишину кладбищенского пейзажа: «*Прохожий! остановись!*». Риторический вопрос «*Как живется вам с другою?*» перестает быть риторическим в традиционном смысле – он требует не ответа, а сопереживания. Парцелляция становится у Цветаевой способом передачи сбоя дыхания, момента, когда слова кончаются, а чувство продолжается: «*Расстояние: версты, мили... Нас расставили, рассадили...*» Одно предложение разорвано на части точно так же, как разорвана сама жизнь поэта между Россией и эмиграцией. Каждая короткая фраза звучит как удар пульса или удар молота.

Таким образом, изобразительно-выразительные средства в поэзии Цветаевой не могут быть поняты только в рамках традиционной классификации. Ее поэтический язык – это динамическая, рефлексивная система, где языковой эксперимент, разрыв привычных связей и наложение несовместимых образов доводятся до предела. Поэзия Цветаевой требует от читателя не пассивного слушания, а активного сопереживания и сотворчества.

Библиографический список

1. Гаспаров М.Л. Марина Цветаева: от поэтики быта к поэтике слова // О русской поэзии. Анализы. Интерпретации. Характеристики. СПб., 2001. С. 136–149.
2. Кожевникова Н.А. Язык и композиция поэтических текстов М. Цветаевой // Русская речь. 1988. № 3. С. 45–50.
3. Цветаева М.И. Собрание сочинений: в 7 т. М.: Эллис Лак, 1994–1995.

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ КОЛОРАТИВНОЙ ЛЕКСИКИ В ПОВЕСТИ К.Д. ВОРОБЬЕВА «ЭТО МЫ, ГОСПОДИ!»

FEATURES OF THE FUNCTIONING OF COLORATIVE LEXIS IN K.D. VOROBYEV'S NOVEL "IT'S US, GOD!"

В.И. Филиппенко

V.I. Filippenko

Научный руководитель А.А. Бариловская
Scientific adviser A.A. Barilovskaya

Колоративная лексика, цветообозначения, ахроматические цвета, хроматические цвета, семантика цвета.

В статье рассматриваются особенности функционирования колоративной лексики в повести Константина Воробьева «Это мы, господи!». Анализируется тематическое распределение цветообозначений, выявляется доминирование ахроматических цветов (белый, черный, серый), а также специфика употребления хроматических цветов (красный, желтый, зеленый, синий, коричневый). Исследуются метафорические и переносные значения колоративов, их связь с передачей физического и психологического состояния персонажей. В заключении подчеркивается, что цвет в повести служит не эстетическим целям, а становится инструментом фиксации этапов физической и психологической гибели человека, отражая процесс его страдания и утраты человеческого облика.

Color vocabulary, color names, achromatic colors, chromatic colors, color semantics.

The article examines the features of the functioning of color vocabulary in Konstantin Vorobyov's novel "This Is Us, Lord!". It analyzes the thematic distribution of color names, identifies the dominance of achromatic colors (white, black, and gray), and examines the specific use of chromatic colors (red, yellow, green, blue, and brown). The article explores the metaphorical and figurative meanings of color words and their connection to the physical and psychological state of the characters. In conclusion, it is emphasized that the use of color in the story serves not aesthetic purposes but becomes a tool for capturing the stages of a person's physical and psychological decline, reflecting the process of their suffering and the loss of their human identity.

Проблематика колоративной лексики активно разрабатывается в междисциплинарном ключе, объединяющем литературоведение, психологию и лингвокультурологию. Будучи важным компонентом лексической структуры, единицы с цветовой семантикой позволяют глубже понять мировоззрение автора и раскрыть замысел произведения. Повесть К.Д. Воробьева «Это мы, господи!» [2] отличается насыщенностью цветовой палитры, однако данный аспект творчества писателя остается недостаточно изученным, чем обусловлена актуальность работы.

В современной лингвокультурологии цвет понимается как многомерный комплекс, включающий физиологическое восприятие, систему культурных ассоциаций и символических смыслов. Как отмечает В.А. Маслова, «концепт – это основная ячейка культуры в ментальном мире человека» [4, с. 48]. А. Вежицкая, исследуя связь языка и культуры, подчеркивает, что «словарный состав языка представляет собой своего рода “семиотическое зеркало” национальной культуры» [1, с. 39], и колоративы являются одним из самых ярких примеров этого.

В художественной литературе колоративная лексика приобретает статус стилистического инструмента. И.Р. Гальперин выделяет следующие функции: характерологическую, пейзажно-описательную, эмоционально-оценочную, символическую, сюжетно-композиционную [3, с. 134]. Благодаря многофункциональности цвет становится одним из мощнейших средств выразительности.

Ахроматические цвета (белый, черный, серый) доминируют, создавая основную гамму повествования – смерть, зима, лагерная униформа, пустота. Черный цвет связан с гестапо, формой эсэсовцев, дымом, ночью, смертью, «черным знаменем смерти», «черными бараками», «черной бездной неба». Белый цвет ассоциируется со снегом, морозом, бинтами, костями, «белым пуховым носком». Серый цвет – с пеплом, хлебом, шинелями, дымом, «серым халатом», «серой толпой».

Хроматические цвета (красный, желтый, зеленый, синий) связаны с кровью, болезнью или редкими признаками жизни и надежды. Красный цвет символизирует кровь, пожар, закат, воспаленные глаза, «красный купол водонапорной башни». Желтый и золотистый обозначают грязь, глину, лица больных, «желтый крест» на рукаве. Зеленый цвет связан с формой немцев, болотом, «зеленой скатертью луга». Синий и голубой маркируют вены, трупную синеву, «синие васильки Ванюшки» (контраст с надеждой).

Особую группу составляют метафорические колоративы, где цвет становится симптомом или эмоциональным знаком: «меловое лицо», «белый как бумага» – смертельная бледность; «синий клубок пены», «синие губы» – агония; «желтое лицо», «желтые скулы» – тиф, истощение; «красный туман», «багровый нос» – злоба; «зеленая тоска» – безысходность; «розовая пена» – агония; «пепельный налет» – предсмертное состояние.

Таким образом, цветовая лексика в повести выполняет не декоративную, а экзистенциальную и диагностическую функцию, фиксируя стадии умирания, страдания и дегуманизации человека в фашистском плену.

Библиографический список

1. Вежицкая А. Обозначения цвета и универсалии зрительного восприятия. М.: Русские словари, 1996. 412 с.
2. Воробьев К.Д. Убиты под Москвой; Это мы, господи!.. : повести. М.: Художественная литература, 1987. 159 с.
3. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. М., 2007. 244 с.
4. Маслова В.А. Лингвокультурология. М., 2001. 208 с.

ПРОБЛЕМЫ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ЭТИКИ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ В.П. АСТАФЬЕВА «ЦАРЬ-РЫБА» И ЦЗЯН ЖУН «ВОЛЧИЙ ТОТЕМ»

PROBLEMS OF ECOLOGICAL ETHICS IN V.P. ASTAFYEV'S "THE TSAR FISH" AND JIANG RONG'S "WOLF TOTEM"

Е.Г. Шестернина

E.G. Shesternina

Экология, экологическая проза, человек и природа, натурфилософия, экоцентризм, конфуцианство.

В данной статье рассматривается актуальный вопрос взаимоотношений человека с природой, человека и общества. Потребительское отношение людей к окружающему миру стало основной проблемой двадцатого века. Человек берет у природы больше, чем ему нужно. Это может обернуться страшной трагедией. Путем сравнительного анализа произведений В.П. Астафьева и Цзян Жун выявляется типологическое сходство в их проблематике. Их сближение осуществляется на основе этического конфликта, имеющего общезначимый смысл.

Ecology, ecological prose, man and nature, natural philosophy, ecocentrism, Confucianism.

This article examines the pressing issue of the relationship between humans and nature, and between humans and society. The consumerist attitude of people towards the surrounding world has become the main problem of the twentieth century. Humans take more from nature than they need. This can lead to a terrible tragedy. By conducting a comparative analysis of the works of V.P. Astafyev and Jiang Rong, a typological similarity in their subject matter is revealed. They are brought together on the basis of an ethical conflict that has universally significant meaning.

Одним из первых в нашей стране вопрос «о нравственной экологии» поставил Д.С. Лихачев, который считал, что экология природы и экология культуры соприкасаются между собой, потому что человек не противопоставит природе: он сам – неотделимая часть природы. «Если природа необходима человеку для его биологической жизни, то культурная среда столь же необходима для его духовной, нравственной жизни, для его «духовной оседлости», для его привязанности к родным местам, для его нравственной самодисциплины и социальности» [3, с. 58].

По-другому складывались основы экологической этики в Китае. Динамично развивающаяся страна, стремившаяся повысить уровень производства, охватывающего практически все сферы человеческой деятельности, довольно быстро ощутила, что загрязнение ментальной среды значительно опаснее, чем загрязнение окружающей среды.

В настоящее время все большее число исследователей полагает, что обращение литературы к философским учениям прошлого (натурфилософия или конфуцианство) наиболее полно раскрывает тонкую структуру связей между человеком и природой и поэтому может быть с успехом использовано для формирования

мировоззрения, позволяющего сохранять устойчивость в развитии общества. Несомненно, что анализ рассматриваемых нами произведений Цзян Жун – В.П. Астафьева может в определенной степени помочь в понимании такого мировоззрения.

В.П. Астафьев и Цзян Жун, основываясь на разных философских идеях, приходят к одинаковому выводу: человек не должен противопоставлять себя миру, в котором он живет. Природа – это целостная экологическая система, в ней любое существо имеет свою бытийную ценность и составляет элемент всеобщей гармонии. Капля росы, туруханская лилия, белые горы, прекрасные волки – все это имеет право на существование.

Писатели, обращаясь к нравственным проблемам взаимоотношений человека с человеком и человека с природой, показывают, что природа не безответна. И рыбак Игнатий, который поставил цель поймать царь-рыбу, и Бао Шуньгуй, убивающий волков ради денег и многие другие – научились подчинять себе природу, но давно потеряли способность любви и минимальную человечность. Главное состоит в том, чтобы идея о ценности всего живого сдерживала разрушительные действия человека на окружающий его мир, иначе приходится говорить о его самоуничтожении, физическом и духовном.

Следует отметить, что роман «Волчий тотем» имеет более назидательный характер, чем произведение В.П. Астафьева «Царь-рыба». Цзян Жун приходит к выводу, что люди теряют не только степь и волка, по-настоящему потеряны ценности гармоничного сосуществования человека с природой, потерян тотем древней китайской нации: характер, воля, упорство, отвага, достоинство, жажда свободы, независимости. Потеря такой связи влечет за собой экологическую катастрофу *«Через несколько дней за окном разразилась закрывшая все небо пыльно-песчаная буря, не было видно солнца. Весь Пекин оказался в песке и пыли»* [4, с. 538].

В.П. Астафьев заканчивает свое повествование в рассказах «Царь-рыба» словами: «Так что же я ищу? Отчего мучаюсь? Почему? Зачем? Нет мне ответа» [1, с. 361]. «Царь-рыба» – это книга-предупреждение о надвигающейся экологической катастрофе, размышления писателя о бездуховности современного общества. Не случайно В. П. Астафьев говорил: «Те, кто трактуют “Царь-рыбу” как экологическое произведение, очень заблуждаются, это поверхностное прочтение книги. Я не стал бы писать о том, как браконьеры бегают за егерями, егеря за браконьерами. Мне хотелось написать книгу и поставить вопрос: почему в этом мире человек так одинок? Кто внимательно читал книгу, поймет, что вся она пронизана этой мыслью» [2, с. 24].

Библиографический список

1. Астафьев В.П. Царь-рыба: Повествование в рассказах. М.: Современник, 1982. 384 с.
2. Астафьев В.П. Выступление перед творческими работниками Томска (ноябрь 1982 года) // Вестн. Том. гос. ун-та. 1998. № 266.
3. Лихачев Д.С. Без доказательств/ РАН, Ин-т рус. лит. (Пушкинский дом). Спб.: БЛИЦ, 1996. 160 с.
4. Цзян Жун Волчий тотем [роман] / Цзян Жун; [пер. с кит. Н. Ю. Агеева]. М.: Мир книги, 2007 (печ. 2008). 541 с.

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ

СТРАТЕГИЯ АПЕЛЛЯЦИИ К УДАЧЕ В СООБЩЕНИЯХ МОШЕННИКОВ

THE STRATEGY OF AN APPEAL TO LUCK IN FRAUD MESSAGES

К.М. Власова

K.M. Vlasova

Научный руководитель **О.А. Гришина**
Scientific adviser **O.A. Grishina**

Речевая стратегия, мошенничество, апелляция к удаче, речевая тактика, мессенджер, сообщения.

В статье рассматривается речевая стратегия апелляции к удаче как один из инструментов воздействия мошенников в мессенджерах Telegram и WhatsApp. Примерами подтверждаются использование эмоционально-оценочной лексики, числительных, фактора темпоральности и некоторых паралингвистических средств.

Speech strategy, fraud, appeal to luck, speech tactic, messenger, messages.

The article considers the speech strategy of appealing to luck as one of the tools fraudsters use to manipulate their victims in the Telegram and WhatsApp messengers. Examples confirm the use of emotional evaluative vocabulary, numerals, the factor of temporality and some paralinguistic means.

Одной из популярных стратегий, позволяющих спровоцировать жертву на выгодные мошенникам действия, является *Стратегия апелляции к удаче*, описанная в работах И. В. Смирновой. Она направлена на формирование у адресата позитивных эмоций (азарта, предвкушения успеха) [Смирнова, 2024b, с. 16].

Текстовой базой исследования послужили собранные нами сообщения (цитаты приводятся с сохранением орфографии и пунктуации), отправленные в мессенджерах Telegram и WhatsApp, в которых адресату предлагалось заработать большую денежную сумму без усилий, совершив ряд шагов, ведущих к получению выгоды.

Для *Стратегии апелляции к удаче* характерны:

а) эмоционально-окрашенная лексика с позитивной оценочностью: «Вы такие все **продуктивные** сегодня ребята! **Умнички**»; «я с **большой гордостью** заявляю, что провела свою **самую лучшую** сессию и смогла зафиксировать **просто наилучший результат**»;

б) обилие числительных (денежные суммы/количество мест/временное ограничение): за каждые «5 лайков» мы заплатим вам 280-680 рублей. Средняя дневная зарплата составляет около – 6000. Мы можем заплатить вам 280–760 рублей вперед; мы ищем всего 800 сотрудников;

в) мошеннические сообщения могут содержать обращение к темпоральности: *вам очень повезло, что вам попался парный токен. Многие его месяцами не видят, а вы на самом старте буквально его получили, используйте эту возможность пока она есть.* Адресата уверяют, что предложение очень редкое, при этом не известно точно, когда оно теряет актуальность, т. е. время ограничено [Тугай, 2026, с. 19];

г) если эксплицитная самоидентификация адресанта присутствует, она может заключаться в использовании названий популярных сервисов (*я менеджер по подбору персонала OZON; просмотр товаров в интернет-магазине "wildberries"; я представитель компании Авиасейлс*) [Смирнова, 2024b, с. 17].

В групповых чатах в Telegram, имитирующих общение бизнес-тренера с учениками, встречается множественный адресант в рамках тактики предоставления средств достижения благополучия [Смирнова, 2024b, с. 22]. Участники чата демонстрируют сплоченность команды (*дайте новичкам больше внимания и добрых слов; спасибо, что вы рядом!*), обсуждают различные бытовые ситуации с помощью однообразных по структуре вопросов и ответов (*«а что для вас...»; «а для меня...», «а я вот...»*), имитируя дружеское общение, иногда появляется менеджер, анонсирующий мероприятие (в чате «Рост с Евгением» под сообщением с анонсом всегда пять ответов, в чате «— Ох, конечно же, никто.» сообщения, выражающие намерение участвовать, чередуются с другими, кроме того, они более распространенные. Ср.: *Меня на сессию! / Я наверное тоже приму участие, замотивировали вы меня своими результатами*). Участники часто отправляют в чат скриншоты из банковских приложений с поступлением на счета крупных сумм. Здесь эффект использования числительных усиливается с помощью манипуляции образами: из всей информации на скриншоте, как правило, более крупным, жирным шрифтом выделено именно числительное в цифровой форме, обозначающее вымышленную прибыль [Копнина, 2012, с. 18].

Периодически «новые пользователи» задают по порядку все вопросы, которые могут возникнуть у живого читателя:

«И че? Реально можно зарабатывать на нфт?»; «Ну а к примеру где покупать их? Как выбрать правильно чтобы не уйти в минус?»; «Но чтобы начать нужно ведь в любом случае деньги вкладывать?»; «Кому вообще нфт эти нужны?».

Вопросы повторяются от диалога к диалогу, а ответ всегда успокаивает и обещает легкий заработок без вложений и труда. Об эксплуатации личности адресата свидетельствует ощущение свободы выбора: ему предложено приятное общение и деньги, отказ участвовать приравнивается к отказу от успеха. При этом фактор темпоральности используется точечно, то есть, давление отсутствует (можно несколько дней наблюдать молча, пока чат не будет удален), адресата подталкивают к спешке только после анонса новой сессии: *на дневную сессию осталось 24 места.*

Таким образом, стратегия апелляции к удаче реализуется через сочетание позитивно окрашенной лексики, использование числительных в их цифровой форме, создание видимости ограниченного во времени уникального предложения. Воздействие может различаться по длительности (оно многодневное в мошеннических чатах и разовое в случае спам-рассылки, во втором случае мошенники не напоминают о себе снова после первого сообщения). В результате адресат испытывает страх упустить возможность обогащения, что существенно повышает вероятность совершения им выгодных для мошенников действий.

Библиографический список

1. Копнина Г.А. Речевое манипулирование: учеб. пособие / 4-е изд., испр. М.: ФЛИНТА, 2012. 170 с.
2. Смирнова И.В. Дискурс технически опосредованного мошенничества: жанр «развод» / «разводилов» и его стратегии // Жанры речи. 2024а. Т. 19. № 1. С. 90–103
3. Смирнова И.В. Мошеннический дискурс: Стратегия апелляции к удаче // Научные исследования и разработки. Современная коммуникативистика. 2024б. Т. 13, № 3. С. 15–22.
4. Тугай Л.А. Мошеннический русскоязычный дискурс: коммуникативно-прагматический, психолингвистический и стилистический аспекты: дис. ... канд. филол. наук. Омск, 2025. 181 с.

ОБУЧЕНИЕ ИНДОНЕЗИЙСКИХ СТУДЕНТОВ РУССКОМУ РЕЧЕВОМУ ЭТИКЕТУ НА ЗАНЯТИЯХ ПО РКИ

TEACHING RUSSIAN SPEECH ETIQUETTE TO INSONESIAN STUSENTS IN RUSSIAN AS A FOREING LANGUAGE CLASSES

А.А. Дьяченко

A.A. Dyachenko

Научный руководитель О.А. Гришина
Scientific adviser O.A. Grishina

РКИ, русский этикет, речевой этикет, индонезийский этикет, индонезийские студенты.
В данной статье представлены фрагменты методических разработок с учетом различий индонезийского и русского этикета.

RKI, Russian etiquette, speech etiquette, Indonesian etiquette, Indonesian students.
This article presents methodological developments taking into account the differences between Indonesian and Russian etiquette.

Между Россией и Индонезией активно налаживаются политические связи, развивается туристическая отрасль. Это оказывает влияние и на сферу РКИ, обуславливая разработку новых заданий по одной из таких тем, как русский речевой этикет.

Различия в этикете могут вызывать у индонезийских студентов шок: русские более прямолинейны и используют формально-неформальное общение, в то время как в Индонезии принято избегать прямолинейного «нет», структура общения иерархична, учитывается не только социальный статус, но и возраст, а также положение в обществе.

Сходства и различия

Индонезийский этикет более детален и фрагментирован, а русский этикет, напротив, универсален [1, с. 26].

В русском языке оппозиция «ты» и «Вы» и использование имени-отчества — главный маркер вежливости. В индонезийском языке для этого используются специальные слова-обращения (*Barak, Ibu, Mas, Mbak*), которые заменяют личные местоимения [2].

Индонезийский речевой этикет многослоен из-за региональных языков (*Inggi/Mboten, Pamit*), тогда как русский этикет унифицирован по всей стране.

Особую сложность в преподавании русского речевого этикета представляет система антропонимов и правила использования имени-отчества как основной формы уважительного обращения [4, с. 23–24].

Для отработки русского этикета рекомендуется использовать видеофрагменты из популярного российского фильма «Москва слезам не верит», где широко представлены этикетные формулы: приветствия, согласия/отказа или обращения. Работа с материалом данного фильма рекомендована иностранным студентам, владеющим русским языком на продвинутом уровне.

Для базового и элементарного уровней для предъявления этикетных речевых формул можно использовать аудиозапись диалога. В ней можно поставить пропуски конкретных формул или попросить написать синонимичные выражения: вместо «Здравствуйте!» написать «Добрый день!» или вместо «Спасибо!» – «Благодарю!»:

- *Здравствуйте! Извините, молодой человек... Сколько стоит проезд?*
- *Проезд стоит 48 рублей.*
- *Спасибо!*

Задание «Письмо преподавателю»

Перед выполнением задания предлагается модель: 1. Обращение (Имя Отчество) и приветствие. 2. Цель письма. 3. Благодарность.

Студентам объясняют, что бытовые вопросы уместны в письме близкому, а в официальном письме нужно быть кратким. Пример: «Здравствуйте, Анна Владимировна! Во сколько будет занятие в пятницу? Заранее спасибо!».

Перед заданиями на отработку выражения согласия/несогласия объясняется, что нужно выражаться прямолинейно (Да/Нет). Но в русском этикете есть и более мягкая форма отказа: «наверное, нет»/ «давай в следующий раз»/ «я не могу» и другие. Формулам отказов и согласий можно обучить и через короткие диалоги.

Отработка «Ты-Вы» обращений проводится в игровой форме: даны карточки с людьми (*пожилой сотрудник, друг, врач, бабушка в транспорте, молодой начальник, младший брат*). Задание: напротив каждого написать «Ты» или «Вы» и объяснить почему. Примерные ответы, влияющие на решение постановки «Ты-Вы» обращений: возраст / статус / степень знакомства.

Перед заданием на антропонимы преподаватель объясняет: в русском языке трехчленная композиция имени строится через Имя-Фамилия-Отчество. Далее дается задание:

Поставьте слова в скобках в правильную форму.

1) Меня зовут ... (*Иван Петрович Новиков*). 2) Я люблю смотреть фильмы с участием ... (*Дмитрий Харатьян*). 3) Эта статья была написана нашими сотрудниками ... (*Илья Федорович Ларин и Татьяна Николаевна Фомина*) [3, с. 31].

Таким образом, рекомендованные упражнения должны помочь снять трудности у индонезийских студентов в выборе этикетных моделей коммуникации. Все задания нужно адаптировать под уровень аудитории. Их можно использовать как для отдельных занятий по РКИ, так и трансформировать для образовательных платформах («Удоба» и др.).

Библиографический список

1. Акишина А.А., Формановская Н.И. Русский речевой этикет. Учеб. пособие для студентов-иностранцев. М.: Русский язык, 1987. с. 183.
2. Вежливость // Изучение индонезийского языка. Уроки индонезийского языка для любого уровня. URL: <https://bahasai.ru/ru/vocabulary-topics/vezhlivost> (дата обращения: 25.02.2026).
3. Вязовская В.В. Учет особенностей антропонимической модели родного языка в практике преподавания русского языка как иностранного // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 7 (49). С. 29–31.
4. Личное имя в российской и индонезийской культурах / Суси Магдалена, Ангграени Пурнама Деви, Нани Исмаил, Фахми Лукман // Magyar Tudományos Journal. 2020. № 38. С. 23–25.

АВТОКОММУНИКАЦИЯ КАК НЕТРАДИЦИОННАЯ МОДЕЛЬ ОБЩЕНИЯ

AUTOMATIC COMMUNICATION AS AN UNTRADITIONAL MODEL OF COMMUNICATION

Д.А. Канакина

D.A. Kanakina

Научный руководитель **Е.В. Осетрова**
Scientific supervisor **E.V. Osetrova**

Нетрадиционная модель общения, автокоммуникация, приемы реализации.

В статье представлены значение понятия автокоммуникация и ее характеристика как нетрадиционной коммуникативной модели, исчислены приемы ее реализации в художественном тексте, акцентировано внимание на значении автокоммуникации в процессе развития личности современного подростка, приведены примеры использования автокоммуникации в современных российских романах для подростков.

Non-traditional communication model, autocommunication, methods of implementing.

The article presents the meaning of the concept of autocommunication and its characteristics as a non-traditional communication model, methods for its implementation in fiction are calculated, attention is focused on the importance of autocommunication in the process of personal development of the modern teenager, examples of the use of autocommunication in modern Russian novels for teenagers are given.

Нетрадиционные коммуникативные модели соответствуют альтернативным видам речевой коммуникации в границах письменной или устной речи, отличающимся от общепринятых и нормативных; к таким моделям в том числе принято относить автокоммуникацию и квазикоммуникацию. По мнению психологов, две последние широко распространены в молодежной среде, что объясняется стремлением современных подростков к самопознанию и саморефлексии. С учетом данной точки зрения рассмотрим далее более подробно феномен автокоммуникации и ее специфические характеристики [1].

Автокоммуникация представляет собой особый вид коммуникации, характеризующийся обращенностью субъекта речи исключительно к самому себе, причем передаваемая информация приобретает качество внутренней, замкнутой внутри психоэмоционального мира индивида [5].

Данный термин введен Ю.М. Лотманом в статье «О двух моделях коммуникации в системе культуры» в 1973 г. Согласно этому автору, автокоммуникация противопоставляется традиционной коммуникации («коммуникация типа А»), где сообщение передается от отправителя к получателю и воспринимается извне, а также отличается отсутствием прямой внешней реакции со стороны другого участника процесса. Поскольку автокоммуникация направлена на внутреннюю

работу сознания, переживание смыслов и рефлексии собственной идентичности, анализ как феномен важен для понимания культурных явлений, литературных текстов и структуры индивидуального сознания [3].

Приемы реализации автокоммуникации в речи отмечены по результатам исследования целого ряда известных художественных произведений русских и зарубежных авторов:

- внутренний монолог / поток сознания (внутренний монолог Раскольникова – «Преступление и наказание» Ф.М. Достоевского);
- эпистола (описание внутренних переживаний в формате дневниковых записей – «Герой нашего времени» М.Ю. Лермонтова);
- нарратив воспоминания / мнемонический модус (сон Обломова – «Обломов» И.А. Гончарова);
- автоперевод как форма автокоммуникации («Лолита» В.В. Набокова)
- самоцитация и авторефлексия в тексте (самокомментарии в эссеистике И. Бродского, метаповествовательные вставки Х.Л. Борхеса);
- двойничество и внутренний диалог персонажей (полифония голосов – «Воскресение» Л.Н. Толстого);
- эллиптические конструкции («обломки мыслей» – «Бесплодная земля» Т.С. Элиота);
- ритуальные и повторяющиеся действия как невербальная автокоммуникация (повторяющиеся жесты – «Превращение» Ф. Кафки, символические повторы – Г.Г. Маркес «Сто лет одиночества») [3].

Приведем примеры автокоммуникации из двух современных произведений, относящихся к детской литературе. Произведение А. Джейн «Наследница черного дракона» рассчитано на младших подростков, а роман Н. Щербы «Часовой ключ» – на старших подростков; ср.: *Ну сколько можно меня изводить! Совсем достали! Я торчу в этом месте уже два дня, ничего не понимаю, а они лезут ко мне со своими обвинениями. Даже не хотят выслушать меня! Вот уроды! [2]; Уже долго иду. Может это не та дорога? Странно, Диана четко сказала идти в этом направлении, вот я и иду. Интересно, они там уже все собрались и ждут меня? Или я вообще самая первая приду? Странно это все, надеюсь, они меня не обманули... Мы же друзья... [6].*

Как видно, авторам детских произведений обращение к автокоммуникации позволяет демонстрировать то, как юные персонажи осмысливают этические дилеммы и развивают свою эмоциональную автономию. При этом автокоммуникация реализуется через целый ряд нарративных приемов, выделенных выше, а именно: внутренний монолог, нарратив воспоминания, двойничество и внутренний диалог персонажей, эллиптические конструкции и «обломки мыслей».

Взаимосвязь автокоммуникации и внутреннего мира подростка ощутима в каждом из названных случаев. Поскольку герой меняется по мере своего взросления, то и приемы реализации автокоммуникации, свидетельствующие об этом, также будут меняться [4].

В результате, использование автокоммуникации как структурного элемента детского произведения помогает показать динамику развития личности и сознания подростка.

Библиографический список

1. Грунина Е.О. Языковая личность ребенка в русской современной художественной литературе (на материале произведений Н. Абгарян): автореф. дис. ... канд. филол. наук [Российский университет дружбы народов]. М. 25 с.
2. Джейн А. Наследница черного дракона. М.: Клевер-Медиа-Групп, 2024. 544 с.
3. Лотман Ю.М. О двух моделях коммуникации в системе культуры // Труды по знаковым системам VI. Тарту, 1973. С. 174–177.
4. Леонова Е.Ю. Понятие «Детская литература»: к постановке проблемы // Вестник РГГУ. Сер. Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2020. № 2. С. 12–24.
5. Шахова И.В., Шуклина Е.А. Самообразование как автокоммуникация: социологический анализ // Образование и наука. 2003. № 5 (23) С. 107–120.
6. Щерба Н. Часовой ключ: роман. М.: РОСМЭН, 2015. 368 с.

ПРИНЦИПЫ ОТБОРА МУЗЫКАЛЬНОГО МАТЕРИАЛА ИЗ КИНОФИЛЬМОВ ДЛЯ СОИЗУЧЕНИЯ ЯЗЫКА И КУЛЬТУРЫ В ГРУППАХ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ

PRINCIPLES OF SELECTION OF MUSICAL MATERIAL FROM FILMS FOR CO-LEARNING OF LANGUAGE AND CULTURE IN GROUPS OF INTERNATIONAL STUDENTS

Е.С. Киевская

E.S. Kievskaya

Научный руководитель О.А. Гришина
Scientific adviser O.A. Grishina

РКИ, соизучение языка и культуры, когнитивная база, принципы отбора, межкультурная коммуникация.

В данной статье исследуется роль песенного материала из кинофильмов в методике преподавания РКИ. Цель исследования – сформулировать и теоретически описать принципы отбора песен из кинофильмов для формирования лингвокультурологической и коммуникативной компетенции обучающихся. В результате выделяются девять принципов отбора. Делается вывод, что комплексное применение выведенных принципов позволяет использовать песни из кинофильмов как эффективное средство соизучения языка и культуры.

RFL, learning language and culture, cognitive base, principles of selection, cross-cultural communication.

This article examines the role of song material from films in the teaching methodology of RFL. The purpose of the study is to formulate and theoretically describe the principles of selecting songs from films for the formation of linguistic, cultural and communicative competence of students. As a result, nine selection principles are highlighted. It is concluded that the complex application of the derived principles makes it possible to use songs from films as an effective means of learning language and culture.

В современной методике РКИ значительно возросла роль соизучения языка и культуры в их взаимодействии [5]. Мультимедийные материалы, в том числе музыка из кинофильмов, имеют большой потенциал применения на занятиях по русскому языку как иностранному [1, с. 186]. Чтобы грамотно отобрать дидактический материал, следует опираться на исследования в лингвострановедении, лингвокультурологии и теории межкультурной коммуникации, согласно которым важно формировать у обучающихся способность понимать культурный код с целью знакомства инофона с «русским взглядом на мир», при этом избегая попыток «превратить иностранца в русского» [2, с. 37]. Ключевым понятием для нашего исследования является **когнитивная база** – совокупность знаний, общих для членов лингвокультурного сообщества, а также **прецедентные феномены** (значимые тексты, высказывания, имена, ситуации) [2, с. 50, 53-54].

Фрагменты из отечественного кинематографа с песенным сопровождением могут служить яркой иллюстрацией общего национального культурного кода и содержать в себе множество прецедентных феноменов.

В настоящее время не существует единого подхода к проблеме выбора песенных произведений для использования их при обучении русскому языку как иностранному [6, с. 91]. Сформулируем основные принципы отбора песенного текста, опираясь на существующие исследования.

1. Лингвокультурологическая значимость – материал должен отражать ключевые концепты русской культуры и содержать прецедентные элементы [5].

2. Учет понимания прецедентного характера – обучающийся после объяснения должен распознавать культурно значимые смыслы, не ограничиваясь «поверхностным» значением [2, с. 56].

3. Соответствие языковой подготовке – текст должен допускать разные типы комментариев (разъяснительный, прагматический, иллюстративный) в зависимости от уровня студентов [1, с. 186–189].

4. Аутентичность и популярность – песни и фильмы должны быть широко известными и отражать черты эпохи [5; 2, с. 54].

5. Тематическое и жанровое разнообразие – необходимо привлекать произведения разных авторов и периодов, показывая динамику культуры и подвижность корпуса прецедентных текстов [2, с. 106].

6. Коммуникативная направленность – текст должен содержать реальные ситуации общения [4, с. 21–22].

7. Положительное эмоциональное воздействие – музыка не должна создавать неблагоприятный эмоциональный фон [3].

8. Методическая целесообразность – материал должен естественно встраиваться в систему предтекстовой, текстовой и послетекстовой работы [5; 4, 2009, с. 187–188].

9. Учет индивидуально-психологических особенностей – необходимо принимать во внимание возраст, национальные особенности, тип восприятия и музыкальные предпочтения учащихся [4, с. 27].

10. Четкость изложения и ясность речи – песня должна быть хорошо различима на слух и доступна для воспроизведения самим обучающимся [6, с. 92, 96].

Примером реализации этих принципов служит «Песня о друге» из кинофильма «Вертикаль». В ней заложены важные для русской культуры концепты «дружба», «верность», «риск». Прецедентным является все: текст, музыка напевания и сама личность Владимира Высоцкого. Фраза *«и не друг, и не враг, а так»* стала крылатой, а мелодия цитируется в массовой культуре (например, в мультфильме «Ну, погоди!»). Общеупотребительная лексика, императивы и конструкции с придаточным условия позволяют использовать песню на продвинутом уровне, а аллитерация на «р» дает материал для тренировки произношения. Песня отражает эпоху 60-х годов, знакомит с жанром бардовской песни и обладает четкой дикцией, близкой к разговорному темпу.

Методическая работа с песней может включать: **предтекстовый этап**: соотнесение слов («горы», «парень», «друг» и др.) с изображениями; **текстовый этап**: заполнение пропусков при повторном прослушивании («Если ... оказался вдруг...»); **послетекстовый этап**: обсуждение смысла фразы «и не друг, и не враг, а так», сопоставление с идиомой «ни рыба ни мясо» и поиск аналогов в родном языке учащихся.

Таким образом, отбор песен из отечественного кинематографа на основе лингвокультурологических, коммуникативных и психологических критериев позволяет эффективно формировать у студентов понимание национального культурного кода и прецедентных феноменов.

Библиографический список

1. Абдрахманова И.Э. Соизучение языка и культуры на аудиовизуальных занятиях РКИ // Преподаватель XXI века. 2008. № 3. С. 184–192.
2. Гудков Д.Б. Межкультурная коммуникация: проблемы обучения. М., 2000. 120 с.
3. Житкова Е.В., Качалов Н.А. Музыкальные произведения как средство обучения иноязычному общению // Вестник ТГПУ. 2007. № 4. С. 104–108.
4. Крючкова Л.С., Мощинская Н.В. Практическая методика обучения русскому языку как иностранному. М., 2009. 480 с.
5. Максимова О.В. Лингвокультурологический потенциал русской авторской песни в практике преподавания РКИ: автореф. дис. ... канд. пед. наук. СПб., 2007.
6. Юферева Я.А. Принципы отбора песенного материала на начальном этапе обучения РКИ // Вестник ВятГУ. 2024. № 1 (151). С. 90–96.

СРАВНИТЕЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ЛЕКСИКИ РУССКИХ БЫЛИН И НАРОДНЫХ СКАЗОК КАК ОТРАЖЕНИЕ КУЛЬТУРНЫХ РЕАЛИЙ ДРЕВНЕЙ РУСИ

COMPARATIVE STUDY OF THE LEXIS OF RUSSIAN BYLINAS AND FOLK TALES AS A REFLECTION OF THE CULTURAL REALITIES OF ANCIENT RUSSIA

Я.Р. Сима

Y.R. Sima

Научный руководитель А.А. Бариловская
Scientific adviser A.A. Barilovskaya

Былина, сказка, фольклор, лексика, диахрония.

В данной статье поднимается актуальный вопрос о лексической репрезентации культурных реалий Древней Руси и ее отражении в текстах русского фольклора, в частности в былинах и народных сказках из академических собраний А.Ф. Гильфердинга, Кирши Данилова и А.Н. Афанасьева. Данная проблема рассматривается в статье с опорой на исследования фольклористов, лингвистов и историков культуры. Делается вывод, что различия в лексической организации былин и сказок обуславливаются жанровой спецификой каждого из этих видов устного народного творчества и отражают эволюцию культурно-исторического сознания народа на протяжении веков.

Epic poem, fairy tale, folklore, vocabulary, diachrony.

This article raises the relevant issue of the lexical representation of cultural realities of Ancient Russia and its reflection in the texts of Russian folklore, in particular in epics and folk tales from the academic collections of A.F. Gilferding, Kirsha Danilov and A.N. Afanasyev. This problem is considered in the article with reference to the research of folklorists, linguists and cultural historians. It is concluded that the differences in the lexical organization of epics and fairy tales are determined by the genre specificity of each of these types of oral folk art and reflect the evolution of the people's cultural and historical consciousness over the centuries.

Русские былины и народные сказки представляют собой фундаментальные жанры устного народного творчества, каждый из которых обладает собственной поэтикой, системой образов и лексической организацией, отражающей специфику культурно-исторического контекста своего бытования. Как отмечал А.Н. Афанасьев, «народные русские сказки раскрывают пред нами обширный мир... олицетворенная стихия, чары и обряды, таинственные загадки... все послужило мотивами, из которых развился сказочный эпос» [1, с. 5]. Несмотря на общность происхождения, былины и сказки демонстрируют существенные различия в лексической репрезентации культурных реалий. Если былина как жанр героического эпоса ориентирована на воспроизведение исторического прошлого с высокой степенью конкретики, то волшебная сказка создает условный, символический мир, где реалии приобретают черты универсальности.

Социальная лексика занимает ключевое место в обоих жанрах, однако ее семантика и функции различны. В былинном эпосе социальная лексика отражает иерархию раннефеодального общества. «Центральной фигурой выступает конкретный исторический персонаж – князь *Владимир*. Ближайшее окружение образует *дружина* – институт, консолидирующий общество» [5, с. 78]. Высокая степень дифференциации проявляется в терминах *гридь* и *отрок*, обозначающих младших дружинников. Нижнюю ступень занимает *челядь*. Особую группу представляют *гости* – купцы, ведущие заморскую торговлю (наиболее ярко в новгородском цикле о Садко). В сказочной традиции социальная лексика претерпевает трансформацию. Фигура *царя* (и его детей – *царевич*, *царевна*) отражает более позднюю эпоху централизации государства. Параллельно фигурирует *король*, что свидетельствует о западноевропейском влиянии. Торговое сословие обозначается словом *купец*, вытеснившим архаичное *гость*. Как отмечает Б.Н. Путилов, «историзмы в сказках сохраняются не ради реализма, а ради символического воспроизведения социальной структуры мира» [4, с. 76].

Военная лексика является репрезентативной для былин, что обусловлено героическим характером жанра. Она детально отражает реалии древнерусского вооружения и иерархии. В сказочной традиции военная лексика значительно беднее и носит обобщенный характер, так как военные конфликты здесь – лишь элемент сюжета. Военные реалии обозначаются общей лексикой (*войско*, *ратники*, *меч*). Как подчеркивал В.Я. Пропп, «в сказке военный элемент подчинен волшебному, герой побеждает врага не столько силой, сколько хитростью» [3, с. 142].

Хозяйственная лексика демонстрирует гендерную и жанровую дифференциацию. В былинах она наиболее полно представлена в сюжете о пахаре («*Волга и Микула Селянинович*»), где гиперболизация орудий труда (*булатные омешики*, *шелковые гужи*) выполняет функцию сакрализации крестьянского труда [6, с. 56]. Сказки сохраняют более широкий круг бытовых реалий, преимущественно связанных с «женским» миром: прядение, приготовление пищи, домашнее хозяйство. Это отражает традиционное разделение труда в крестьянской культуре.

Мифологическая лексика наиболее характерна для волшебной сказки. Она включает персонажей народной демонологии, пространственно-временные формулы (*тридевятое царство*) и магические клише («*По щучьему веленью...*»). В былинах мифологическая лексика представлена скромнее, сохраняясь в виде отдельных хтонических образов (*Соловей-разбойник*, *Волх Всеславьевич*) и олицетворений стихий (*Мать Сыра Земля*), что объясняется большей исторической ориентацией эпоса.

Диахронический подход позволяет проследить эволюцию ключевых лексем и корреляцию между языковыми изменениями и трансформацией реалий.

1. Богатырь: восходит к тюркскому *bagatur*. В былинах – защитник Руси, в сказках значение расширяется до волшебного персонажа.

2. Гость: в былинах доминирует значение «купец»; в сказках уступает место слову *купец*, фиксируя сдвиг в структуре торговли.

3. Дружина: эпический термин былин, почти отсутствующий в сказках, где заменен лексемами войско или ратники.

4. Очи/глаза: в былинах нормативна архаическая форма очи. В сказках наблюдается стилистическая дифференциация: очи – в возвышенных формулах, глаза – в бытовых контекстах.

5. Путь-дорога: устойчивая формула в обоих жанрах, фиксирующая ключевой для русской культуры концепт жизненного испытания и судьбы [2, с. 112].

Лексика былин и сказок позволяет проследить не только эволюцию слов, но и изменения в социальной структуре, материальной культуре и мировоззрении народа. Диахронический подход открывает возможности для интеграции лингвистических, культурологических и исторических методов, что позволяет реконструировать целостную картину языковой и культурной традиции восточных славян.

Библиографический список

1. Афанасьев А.Н. Народные русские сказки: в 4 т. 2-е изд. М.: Издание К. Солдатенкова, 1873. Т. 1. 340 с.; Т. 2. 344 с.
2. Лотман Ю.М. Избранные статьи: в 3 т. Таллинн: Александра, 1992. Т. 1. 480 с.
3. Пропп В.Я. Русский героический эпос. М.: Наука, 1958. 603 с.
4. Путилов Б.Н. Героический эпос и действительность. Л.: Наука, 1991. 224 с.
5. Рыбаков Б.А. Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. М.: Наука, 1982. 592 с.
6. Селиванов Ф.М. Русский эпос. М.: Высшая школа, 1988. 168 с.

РУССКИЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ КОММЕНТАРИЙ К КСЕНОЛЕКСИКЕ В «ПУТЕШЕСТВИИ...» А.В. ПОТАНИНОЙ: ДУБЛЕТНЫЕ И ИМПЛИЦИТНЫЕ ФОРМЫ

RUSSIAN LINGUOCULTURAL COMMENT ON XENONOMY IN A.V. PONANINA'S «JOURNEY...»: DUBLET AND IMPLICIT FORMS

А.П. Хисмятова

A.P. Xismyatova

Научный руководитель О.А. Казакевич
Scientific adviser O.A. Kazakevich

Ксенолексика, лингвокультурный комментарий, инокультурная реалья, А.В. Потанина.
В статье рассматривается вариативность лингвокультурного комментария к ксенолексике в тексте «Путешествия...» А.В. Потаниной, посвященной монгольскому и бурятскому этносам. Семантический, структурный и лингвокультурный анализ комментариев позволил выделить два основных типа пояснения ксенолексики – дублетные и имплицитные формы, дифференцированные на подтипы.

Xenolexis, linguocultural commentary, foreign cultural reality, travel genre, A.V. Potanina.
The article examines the variability of linguocultural commentary on xenolexis in the text of A.V. Potanina's "Journey...", which is dedicated to the Mongolian and Buryat ethnoses. A semantic, structural, and linguacultural analysis of the commentary allowed us to identify two main types of explanation of xenolexis: doublet and implicit, differentiated into subtypes.

Использование ксенолексики представляет собой один из эффективных способов описания инокультурной действительности, что характерно для жанров литературы путешествий. К ним относится сборник А.В. Потаниной «Путешествия по восточной Сибири...» [1] (1895), который представляет собой уникальный этнографический и культурный очерк. В данной работе рассматривается вариативность способов пояснения 43 ксенолексем в 92 комментариях и 120 контекстах в главах, посвященных бурятскому и монгольскому этносам. Анализ позволил выделить два основных типа пояснения ксенолексики и их формы.

1. Дублетные формы – способ вариативного пояснения ксенолексем, который подразделяется на типы: *а) фиксирование повтора тождественного пояснения* включает: приложение (*Величественная Танну-Ола; горы... стояли сплошной стеной* [1, с. 49]; *ближе къ горамъ Танну-Олы* [1, с. 59]); перевод (*Бичечи (писарь) объяснилъ намъ* [1, с. 51]; *монгольский бичечи (писарь)* [1, с. 53]); СИС с нулевой связкой (*молочную воду – араху* [1, с. 40]; *Араху – это... молочная водка* [1, с. 44]); аналог на русском языке с союзом *или* и СИС с нулевой связкой (*перерожденцевъ или хубилгановъ* [1, с. 82]; *Хубилганъ... – это все названия разныхъ перерожденцевъ* [1, с. 82]); *б) расширение семантики комментария* при помощи: описательных конструкций (*горы Анджанъ-Хорумъ* [1, с. 60]; *горы Анджанъ-Хорумъ, которыя въ вершинахъ своихъ имели белокъ* [1, с. 61]); компаративных

конструкций (*памятники эти называются субурганами [1, с. 83]; восемь субургановъ, т. е. восемь небольшихъ, особой постройки... одне небольшие, какъ наши надгробные памятники, другия – какъ наши церкви [1, с. 145]; низъ памятника... представляет форму крымскаго яблока или груши [1, с. 153]*); сдвига от материального к сакральному смыслу (*тэнгри (небесъ) [1, с. 6]; Слово «тэнгри»... стало употребляться также въ смысле духа [1, с. 6–7]; Кроме тэнгриевъ, существъ небесныхъ, буряты представляют себе еще посредниковъ между этими высшими существами и людьми [1, с. 7]*); уточнения с другой ксенолексикой (*ерень, т.-е. шнуръ, увешанный лентами [1, с. 54]; еренемъ, т. е. передъ шнуромъ съ джаламой [1, с. 57]*); использования русского эквивалента (*титულъ вана... переводили словомъ царь [1, с. 90]; владетельная князя, вана племени торгоуть [1, с. 97]*); этимологизации и словообразовательной кальки (*первый – Буханоина, т.-е. одного изъ техъ быковъ, которые участвовали въ борьбе [1, с. 9]; Буха-ноена – Господина-быка [1, с. 12]*); **в) расширение семантики комментария, меняющего стилистическую или прагматическую окраску:** противопоставленное комментирование бытового употребления и словарного значения (*«нойоны», т.-е. мужъ мой и топографъ Орловъ [1, с. 62]; «Нойонами»... называютъ начальниковъ и чиновниковъ [1, с. 62]*); семантическая конкретизация и стилистическое понижение (*жилища урянхайцевъ «алянчики», сложенныхъ конусовъ изъ бревенъ [1, с. 63]; Урянхайцы... живутъ въ бревенчатыхъ шалашахъ – алянчикахъ... [1, с. 70]*).

2. Имплицитные формы – способ пояснения ксенолексики, при котором значение раскрывается через контекст, подразделяется на типы в зависимости от способа семантизации: **а) иерархические и родовидовые связи** (*аймакъ делится на несколько хошуновъ [1, с. 74]; Каждый хошунъ, каждый сумынъ и теперь знаютъ свое сборное место, и... съезжаются [1, с. 75]; Увеселения монголовъ бываютъ..., когда съезжается вместе сумынъ или хошунъ [1, с. 79-80]*); **б) описание функции, ситуации** (*два засула; лица эти исполняли свои обязанности несколько летъ [1, с. 21]; если возникали споры... засулы устраивали стрельбу въ цель и лучшему стрелку отдавали спорную дичь [1, с. 22]*); **в) топонимы и этнонимы, не требующие перевода** (*въ этотъ день мы поднялись на Олень-дабанъ и съ него должны были спуститься [1, с. 68]*); **г) нулевой комментарий** – значение нераскрыто или восстанавливается частично посредством контекста (*Торхоликский носилъ название тринадцать онгоновъ [1, с. 52]; кама камлатъ, напр., по случаю болезни, или ради освещения... онгона [1, с. 57]*).

Проведенный анализ показал, что ксенолексемы с дублетными комментариями относятся к культурно значимым реалиям – сакральным, архитектурным объектам, религиозным представлениям, а имплицитное введение характерно для топонимов, этнонимов и бытовых реалий. Различаются и функции этих способов: значимость реалии для А. В. Потаниной в понимании культуры является важным аспектом для ее расширенного, эксплицитного пояснения.

Библиографический список

1. Потанина А.В. Из путешествий по Восточной Сибири, Монголии, Тибету и Китаю: сборник статей. М., 1895. 296 с.

СТРАТЕГИИ ЯЗЫКОВОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ЧУЖОЙ КУЛЬТУРЫ В «ПУТЕШЕСТВИИ ВОКРУГ СВЕТА» И.Ф. КРУЗЕНШТЕРНА

STRATEGIES OF LINGUISTIC REPRESENTATION OF FOREIGN CULTURE IN THE «JOURNEY AROUND THE WORLD» BY I.F. KRUSENSTERN

К.А. Ярных

K.A. Yarnykh

Научный руководитель **О.А. Казакевич**
Scientific adviser O.A. Kazakevich

Литература путешествия, репрезентация, стратегия, инокультурные реалии, нукагивцы.
Статья посвящена исследованию языковой репрезентации чужой культуры в тексте «Путешествия вокруг света в 1803, 4, 5 и 1806» И.Ф. Крузенштерна. Лексико-тематический и структурный анализ позволил выявить специфику авторских стратегий, а также способы их реализации.

Travel literature, representation, strategy, foreign cultural realities, nucasivians.

The article is devoted to the study of the linguistic representation of a foreign culture in the text «Travels around the World in 1803, 4, 5 and 1806» by I.F. Krusenstern. Lexico-thematic and structural analyses revealed the specifics of the author's strategies, as well as the ways of their implementation.

«**П**утешествие вокруг света в 1803, 4, 5 и 1806» И.Ф. Крузенштерна относится к жанру литературы путешествия. Как правило, сведения, представленные в текстах данного жанра, информационно достоверны и фиксируют культурно-исторические особенности времени и места путешествия. В посвящении к I тому «Путешествия вокруг света...» автор обращается к императору Александру I, что представляет записки как своеобразный отчет о его экспедиции. Это определяет стиль всего текста, однако IX глава, посвященная описанию жителей острова Нукагива, демонстрирует уникальное соединение объективного и субъективного взгляда русского человека на экзотичное племя и его культуру, что позволяет исследовать собственно авторские стратегии и способы репрезентации реалий чужой культуры. Для анализа выбрано более 165 контекстов и выделены следующие стратегии репрезентации экзотичного племени: этнографические, информационно-интерпретационные, сравнительно-сопоставительные и аксиологические, которые представлены соединением объективного и субъективного взглядов при репрезентации.

Этнографическая стратегия опирается на лексический способ, реализованный ксенолексическими единицами для наименования жителей острова (*Бау-Тингъ, Король долины Шегуа*) и обозначения социальной роли (*кикино*); наименования напитков, растений, изделий (*Чиабу, Еута, Бамбу, Фау*); терминов родства (*отец, мать, брат/сестра, дитя* и т.д.).

Информационно-интерпретационная стратегия реализуется градационным способом выражения суждений автора – И.Ф. Крузенштерн стремится

к объективности репрезентации, что выражается в конструкциях, отличающихся фактографичностью и документальностью (*число всех ратников составляет 5900* [1, с. 216]), также информация проявляется эксплицитно: 1) авторским «я» с семантикой уверенности и достоверности (*Ни у одной из женщин не видал я никакого украшения на шее* [1, с. 194]); 2) авторским «я» с семантикой неуверенности и гипотетичности (*Сообщаемая мною здесь известия о числе народа сего острова основываются на одной вероятности* [1, с. 215]; 3) отсылкой на информацию из косвенных источников – от участников плавания или из записок других путешественников (*Мужчины не обрезаются, замечены однакож некоторые из них 2-ми Тилизиусом и Лангсдорфом, у которых была передняя кожица в длину разрезана* [1, с. 191]).

Сравнительно-сопоставительная стратегия нацелена на сравнение особенностей культуры нукагивцев и реализуется: 1) прямыми сравнениями в аспекте «свое–чужое» (*Понятие их о красоте должно много различествовать от нашего, в противном случае, конечно старались бы они скрывать свои недостатки* [1, с. 189]); 2) сравнением одного племени с другим (*Выражения нежного чувствования, приписываемого Отагитским и единоземцам Вайни тщетно бы стал кто искать во взорах сих Островитянок* [1, с. 190]); 3) обобщающими конструкциями, которые позволяют выявить типовые сходства и различия между племенами или культурами (*Ближайшее сходство такого украшения существует между Ново-Зеландцами и Нукагивцами* [1, с. 190]).

Аксиологическая стратегия является определяющей и отражает особенности авторской оценки и восприятия культуры нукагивцев. Она реализуется: 1) метафорой (*темная понятия* [1, с. 209], *скотоподобное состояние* [1, с. 215], *любопытного яда* [1, с. 217]) и 2) антитезой (*благорасположение к сим изящным порождениям природы претворяется в отвращение* [1, с. 187]).

Исследование показало, что И.Ф. Крузенштерн при репрезентации нукагивцев выступает не только как этнограф и документалист, который стремится к объективной репрезентации реалий нукагивской культуры, но и как простой человек, который делится своими впечатлениями о культуре и нравах племени и критикует их образ жизни и ценности. Субъективность выражается маркерами «личного мнения» автора: в этнографической и информационно-интерпретационной стратегиях показателями являются слова с модальной семантикой неуверенности (*думаю, должно, не утверждаю*); попытки объективировать сведения через ссылки на письменные источники других путешественников и европейцев, проживающих на острове, имплицитно выражают переосмысленную автором информацию; сравнения, как правило базируются на авторском опыте и знаниях; собственно аксиологическая стратегия наиболее полно и ярко отражает личное мнение автора о поведении нукагивцев.

Библиографический список

1. Крузенштерн И.Ф. Описание жителей острова Нукагивы // Путешествие вокруг света в 1803, 4, 5 и 1806 гг. на кораблях «Надежда» и «Нева»: в 3 т. СПб., 1809. Т. 1. С. 185–224.

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА:
АКТУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ

ОБРАЗ СЛОНА В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ: К ПРОБЛЕМЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО БЕСТИАРИЯ РУССКОЙ КЛАССИКИ

THE IMAGE OF THE ELEPHANT IN RUSSIAN LITERATURE: TOWARDS THE PROBLEM OF THE ARTISTIC BESTIARY OF RUSSIAN CLASSICS

А.В. Яковенко

A.V. Yakovenko

Научный руководитель К.В. Анисимов
Scientific adviser K.V. Anisimov

Образ слона в литературе, зоопозитика, государственные ритуалы, сюжет, мотив.

В статье рассматривается образ слона в русской литературе. С опорой на исторический контекст и тексты русских классиков (Л.Н. Толстой, И.А. Бунин, А.И. Куприн) показаны история и функционирование образа в диапазоне – от ритуалов власти до художественной словесности.

The image of an elephant in literature, zoopoetics, state rituals, plot, motif.

This article examines the image of an elephant in Russian literature. Drawing on historical context and texts by Russian classics (L.N. Tolstoy, I.A. Bunin, and A.I. Kuprin), it explores the history and functioning of this image – in a broad range from rituals of power to literary fiction.

Образ слона весьма частотен как в текстах русской литературы, так и в ряде социально-исторических практик, связанных репрезентацией власти. Макс Фасмер видел в слове «слон» отголосок тюркского «арслан», т.е. «лев» [7, с. 674]. Иначе говоря, слон, подобно льву, мог восприниматься как «царь зверей».

В первую очередь обратим внимание на представление слона в государственных «ритуалах», в которых власть являла себя людям. В предложенной Р. Уортманом перспективе понимания придворной жизни как ритуала можно обнаружить символические атрибуты, знаменующие *вознесение* правителей «в иную сферу мироздания» [6, с. 14]. Одной из стратегий здесь являлось отождествление русских монархов с чужестранцами. Так, правители «утверждали неизменность и неизбежность своего дистанцирования от населения, которым они правили» [6, с. 15]. Приемы могли быть различны, однако средство дистанцирования непременно находилось за пределами государства. Таковым средством, в частности, выступает и слон.

В контексте русской монархии огромное африканское и индийское животное появлялось не единожды. А. де Кюстин, описывая дар персидского шаха Николаю I, предполагал, что «дар чем больше, тем ценнее» [3, с. 289], кроме того, записки Генриха фон Штадена и путевые заметки Христиана Вебера засвидетельствовали самое большое сухопутное млекопитающее в качестве инструмента дипломатии при Иване III и Николае I.

Перейдем к художественной литературе. На ее страницах слон появляется еще раньше – в средневековых памятниках «Физиолог» и «Хождение за три моря» Афанасия Никитина.

Дальнейший анализ выявляет амбивалентность образа слона. По мнению Л. Геллера, зверь и «звериность» служат воплощением той инаковости, благодаря которой человек мог осмыслить собственную идентичность [2, с. 93].

В произведениях Л.Н. Толстого и И.А. Бунина слон изображается не просто животным, а репрезентируется как носитель высокой символичности и моральных качеств. В частности, одной из распространенных, как показал В.В. Мароши, сюжетных ситуаций становится «взаимодействие слона и девочки» [4, с. 143].

К таковым относится миниатюра И.А. Бунина «Слон», в которой наблюдается выражение глубоких связей между человеком и животным. Обратим внимание на фоносемантический строй слова «лисенок», относящегося к другому зоологическому таксону, с которым сравнивается девочка. В слове, как видим, анаграмматически читается тот же «слон». И.А. Бунин описывает взаимодействие между девочкой и слоном, подчеркивая, что животные могут обладать чувствами, которые сопоставимы с человеческими, указывая на принадлежность последних к «звериному» началу.

У А.И. Куприна, в свою очередь, «степень “очеловеченности” животного выше, чем у Бунина» [4, с. 141]. Это может быть вызвано взаимопроникновением двух миров – так, снова наблюдается противопоставление маленького и большого.

В были Л.Н. Толстого «Слон» внимание акцентируется на контрасте размеров слона и человека. Слон, обладая физической мощью, проявляет смирение и доброту, в частности, по отношению к детям. Так конструируется антитеза между животным и человеком, где слон, наделенный человеческими качествами, оказывается более достойным сочувствия, чем его хозяин. Кроме того, в произведении Л.Н. Толстого наблюдается инверсия властных отношений: не человек доминирует над слоном, а животное над человеком, что отличается от ситуации, описанной в рассказе «Царь и слоны», где животные занимают уже predetermined место, будучи собственностью царя, его атрибутом. Применяемый в басне прием остранения «Царь и слоны» ставит под сомнение простую гармонию человека и природы.

Как мы видим, образ слона в русской литературе прошел долгий путь: он стал воплощением могущества, а также объектом, проблематизирующим границу между человеком и животным.

Библиографический список

1. Бунин И.А. Божье древо. Париж: Изд. «Соврем. записки», 1931. 176 с.
2. Геллер Л. О зверях и раях // Синий диван. Вып. 10–11. М.: Три квадрата, 2008. С. 59–70.
3. Кюстин А. де. Россия в 1839 году: в 2 т. Т. 2. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1996. 479 с.
4. Мароши В.В. Слон и ребенок в русской литературе первой трети XX в. // Детские чтения. 2015. Т. 7. Вып. 1. С. 128–144.
5. Толстой Л.Н. Полн. собр. соч.: в 90 т. Т. 21. М.: ГИХЛ, 1957. 693 с.
6. Уортман Р.С. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии. В 2 т. Т. 1. М.: ОГИ, 2002. 608 с.
7. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. Т. 3. М.: Прогресс, 1987. 832 с.

**ОТ ДОКУМЕНТА К ХУДОЖЕСТВЕННОМУ ТЕКСТУ.
ПРИЛОЖЕНИЯ К «ИСТОРИИ ПУГАЧЕВСКОГО БУНТА»
А.С. ПУШКИНА: СТРУКТУРА, ПРИНЦИПЫ ОТБОРА МАТЕРИАЛА**

**FROM A DOCUMENT TO A LITERARY TEXT.
APPENDICES TO THE «HISTORY OF THE PUGACHEV REBELLION»
BY ALEXANDER PUSHKIN:
STRUCTURE AND PRINCIPLES OF MATERIAL SELECTION**

А.А. Соломонова

A.A. Solomonova

*Научный руководитель Е.Е. Анисимова
Scientific adviser E.E. Anisimova*

Пушкин, Пугачев, приложения, Капитанская дочка, История Пугачева, историография, исторический нарратив.

В статье рассматривается содержание и структура приложений к «Истории Пугачевского бунта» А.С. Пушкина, принципы отбора материала и стратегии последующей переработки официальных и архивных документов в историографический труд и исторический роман. Делается вывод о том, что на первом этапе факты и цитаты дополняются пушкинским комментарием, на втором – преобразуются в художественный образ, мотив и сюжет.

Pushkin, Pugachev, appendices, Captain's daughter, Pugachev's story, historiography, historical narrative.

The article examines the content and structure of appendices to Alexander Pushkin's "The History of the Pugachev Rebellion", the principles of material selection and strategies for subsequent processing of official and archival documents into a historiographical work and historical novel. It is concluded that at the first stage, facts and quotations are supplemented by Pushkin's commentary, at the second stage they are transformed into an artistic image, motive and plot.

Композиция Приложений, составивших второй том исторической монографии А.С. Пушкина «История Пугачевского бунта», построена по принципу от официальных документов – к мемуарным свидетельствам очевидцев. Это позволило писателю одновременно соблюсти «иерархию жанров» и выстроить диалог между официальной версией событий и индивидуальным, частным взглядом на них.

Документы в «Приложениях» представляют собой три больших блока – первый содержит манифесты, указы и рескрипты, относившиеся к Пугачевскому бунту; второй – рапорты и письма людей, напрямую участвовавших в подавлении восстания; третий блок – свидетельства мемуаристов. Позднее в «Капитанской дочке» будут симитированы все три типа источников: секретный приказ капитану Миронову, собственноручное письмо Екатерины II и записки Гринёва.

Обратимся к наиболее интересным образам и сюжетам, зафиксированным в приложениях, историографии и романе – и демонстрирующим, как исторический факт трансформируется в историческое и художественное сочинение. Первый пример – самозванчество Пугачева [5, с. 148–151]. В приложениях он ни разу прямо не назван самозванцем, Нурли-Хан именует его «реченный Государь». Однако в «Истории Пугачева» к этому письму добавлены авторские комментарии Пушкина, в которых он сознательно называет Пугачева самозванцем. Наконец, в «Капитанской дочке» «самозванцем» Пугачева объявляют капитан Миронов и Иван Игнатьич. Второй пример – трансформация реплики Пугачева «Я не ворон» в разговоре с графом Паниным в калмыцкую сказку об орле и вороне.

Третий пример – история Татьяны (Елизаветы) Харловой, которая является реальным историческим лицом. Во время наступления Пугачева ее родители и муж были убиты, сама же молодая женщина была отдана предводителю в наложницы, а после, в результате заговора, была расстреляна вместе со своим маленьким братом. И если в исторических документах, включая «Историю Пугачева», история Харловой написана целиком, то в «Капитанской дочке» о ней есть лишь одно упоминание от лица Маши Мироновой:

Приложения Сию несчастливую молодую и, как слышно было, хорошего вида женщину и с братом ее захватя, держал он злодей при себе и ночевал с нею всегда в одной кибитке; а потом осердясь на нее по наветам его с другом и обнялись. то привезет меня в любимцев, отослал от себя в Бердскую Тела их, брошенные лагерь к злодею, и с слободу, где наконец приказал ее убить в кусты, оставались вами то-де будет, что и с братом ея. Сказывали, что некоторые долго в том же положении, что малолетний ея брат лежал у нее на руке [2, с. 91].	«История Пугачева» «Капитанская дочка» Харлова и семилетний брат ея были расстреляны. Раненые, зится, коли не одумаются, сползлись друг юсь и не соглашусь, то привезет меня в Лизаветой Харловой жении [3, с. 46]. [4, с. 492].
--	--

При написании «Капитанской дочки» автор использовал множество приемов из романов В. Скотта. Одним из них был «любовный треугольник» между главным героем и двумя девушками – блондинкой и брюнеткой. В черновиках «Капитанской дочки» этими двумя героинями были Маша Миронова и Елизавета Харлова, прототипом последней выступало реальное историческое лицо – Татьяна Григорьевна Харлова (в документах была зафиксирована только ее фамилия, а очевидцы событий по памяти ошибочно называли ее Елизаветой. – А.С.). Позже А.С. Пушкин отказался от первоначального замысла, и в романе о Харловой было упомянуто лишь в одной строкой. «Комендант Нижне-Озерной крепости, тихий и скромный молодой человек <...> с молодой своею женою останавливался у Ивана Кузьмича. Помню даже, что Марья Ивановна была недовольна мною за то, что слишком разговаривался с прекрасною гостьей, и во весь день не сказал мне ни слова, и вечером ушла, со мною не простившись...» [1, с. 242].

Библиографический список

1. Альтшуллер М.Г. Эпоха Вальтера Скотта в России. Исторический роман 1830-х годов. СПб: Академический проект, 1996. 340 с.
2. Пушкин А.С. История Пугачевского бунта: Ч. 1–2. Ч. 2: Приложения. СПб.: тип II Отд. Собств. Е. И. В. канцелярии, 1834. 336 с.
3. Пушкин А.С. История Пугачевского бунта: Ч. 1–2 / А.С. Пушкин. Ч. 1: С портр. Пугачева / 2 т. СПб.: тип II Отд. Собств. Е. И. В. канцелярии, 1834. 301 с.
4. Пушкин А.С. Сочинения: в 10 т. М.; Л., 1950. Т. 6. 815 с.
5. Успенский Б.А. Избранные труды. Т. I. Семиотика истории. Семиотика культуры, 2-е изд., испр. и доп. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. 608 с.

ДЯДЯ В ТВОРЧЕСТВЕ И БИОГРАФИИ ПЛЕМЯННИКА: ОТНОШЕНИЯ В.Л. ПУШКИНА И А.С. ПУШКИНА В СВЕТЕ ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНОЙ КОНЦЕПЦИИ РУССКОГО ФОРМАЛИЗМА

UNCLE IN WORKS AND BIOGRAPHY OF HIS NEPHEW:
THE RELATIONSHIP BETWEEN VASILIIY PUSHKIN
AND ALEXANDER PUSHKIN IN THE PERSPECTIVE
OF RUSSIAN FORMALISTS' VIEWS ON LITERARY HISTORY

Л.А. Тропина

L.A. Tropina

Научный руководитель Е.Е. Анисимова
Scientific adviser E.E. Anisimova

Дядя, племянник, формализм, сдвиг, В.Л. Пушкин, А.С. Пушкин.

В статье рассматривается взаимосвязь между семейно-родовым сюжетом «дяди и племянники» в русской литературе, с одной стороны, и теорией художественной практики формалистов, с другой. Материалом исследования выступили взаимные эпиграммы, пародии и послания В.Л. и А.С. Пушкиных, биографическая проза В.П. Авенариуса и Ю.Н. Тынянова. Сделан вывод о значительной роли сюжета в создании концепции русских формалистов о «сдвиге» как основополагающем принципе работы литературного процесса.

Uncle, nephew, formalism, shift, Vasiliiy Pushkin, Alexander Pushkin.

The article examines the relationship between the family-generic plot “uncles and nephews” in Russian literature, on the one hand, and the theory of artistic practice of formalists, on the other. The research materials were mutual epigrams, parodies and epistles by Vasiliiy and Alexander Pushkin, biographical prose by V.P. Avenarius and Yu.N. Tynyanov. The conclusion is made about the significant role of the plot in the creation of the Russian formalists’ concept of the “shift” as the fundamental principle of the literary process.

Семейно-родовой сюжет «дяди–племянники» сыграл особую роль в осмыслении литературных и социальных процессов XIX–XX вв. Согласно В.Б. Шкловскому, литература развивается не по прямой линии, а по побочной [7], Ю.Н. Тынянов выразил эти же представления в романе «Пушкин» [6]. Основными вехами этого сюжета стала история личных и творческих взаимоотношений дяди и племянника Пушкиных, а также дискуссии середины столетия, развернувшиеся накануне крестьянской реформы и зафиксированные в романах И.А. Гончарова «Обыкновенная история» и И.С. Тургенева «Отцы и дети».

В русской литературе XIX века было несколько пар дядей и племянников. Самые известные А.С. и В.Л. Пушкины, А.К. Толстой и А.А. Перовский

(псевд. Антоний Погорельский), написавший для своего племянника «Черную курицу». Первый случай активно мифологизировался в детской литературе под пером В.П. Авенариуса в 1880-е годы, который сам был воспитан дядей. Писатель в биографическом очерке «Пушкин» создал образ дяди как проводника племянника в литературу, противопоставив его не верящему в поэтический талант сына отцу: «Да ведь я, дядя, по вашим же стопам...» – «Тягаться с дядей не тебе, молокососу»; «А поэта из тебя все-таки никогда не выйдет!» – «Только еще не признан, как вы, – отшутился мальчик»; «Каюсь откровенно, что до сегодняшнего дня мало верил я в твое поэтическое призвание...» [1, I; 2, с.7].

Василий Львович Пушкин – заботливый дядя, который лично привез племянника в Царское Село, познакомил его с Н.М. Карамзиным и В.А. Жуковским; автор поэмы «Опасный сосед», непревзойденный мастер экспромтов и эпиграмм. Его легкость и остроумие впоследствии перенял Александр Сергеевич.

Эпиграмма В.Л. Пушкина

«... “Каких лет стихотворец был?”

– Ему пятнадцать лет, – Эрата отвечает.

“Пятнадцать только лет?” – Не более того.

“Так розгами его!”» [4].

Эпиграмма А.С. Пушкина

«...Засим принес семинарист

Тетрадь лакейских диссертаций...

И тотчас взрослого болвана

Поставить в палки приказал» [3].

В данных эпиграммах дядя пытается занять положение «канонизированного гребня» (по В.Б. Шкловскому), оценивая племянника с позиции устоявшейся иерархии [7]. Однако сам факт полемики свидетельствует, что дядя реагирует на появление «младшей линии». Пушкинский ответ – это классический пример пародии как механизма литературной эволюции [5, с. 210], по Ю.Н. Тынянову, и одновременно образец вхождения литературного быта в сферу искусства [8].

В романе Ю.Н. Тынянова «Пушкин» противопоставление отца и дяди проведено еще резче, нежели в биографической прозе В.П. Авенариуса. Отец, Сергей Львович – человек светский, равнодушный к домашним. Для него важнее положение в обществе, внешний лоск. «...Открылось, что он создан для приятной жизни, а не для каких-либо дел или семьи...» [6, с. 6]. Дядя, Василий Львович – полная противоположность отцу. Он замечает в племяннике главное – понимание поэзии. «Юнец, что ни говори, понимал стихи», – говорит он. Александр смотрит на дядю «с невольным уважением» [6, с. 15].

Ю.Н. Тынянов, в отличие от В.П. Авенариуса, не смягчает образ отца. Отец – часть враждебной среды, от которой будущий поэт отгораживается. Дядя – единственный, кто признает в племяннике дар и говорит с ним на равных. Это прямо перекликается с формалистским тезисом В.Б. Шкловского: литература передается не по прямой линии – от отца к сыну, – а через дядю, через боковую линию. Ю.Н. Тынянов как представитель формальной школы строит свой роман так, что биография Пушкина становится иллюстрацией этой теории.

Библиографический список

1. Авенариус В.П. Отроческие годы Пушкина: Биографическая повесть. Изд. 5-е. СПб.: Издание П.В. Луковникова, 1899. 234 с.
2. Авенариус В.П. Юношеские годы Пушкина. СПб.: Издание редакции журнала «Родник», 1888. 502 с.
3. Пушкин А.С. Собр. соч.: в 10 т. Т. 2. М.: ГИХЛ, 1959. 799 с.
4. Пушкин В.Л. Стихотворения Василия Пушкина. СПб.: Тип. Департамента народного просвещения, 1822. 195 с.
5. Тынянов Ю.Н. Достоевский и Гоголь (к теории пародии). М.: Наука, 1977. 578 с.
6. Тынянов Ю.Н. Пушкин: Роман. М.: Худ. лит., 1987. 544 с.
7. Шкловский В.Б. Гамбургский счет: Статьи – воспоминания – эссе (1914–1933). М.: Сов. писатель, 1990. 544 с.
8. Эйхенбаум Б.М. Литературный быт // Эйхенбаум Б.М. О литературе. М.: Сов. писатель, 1987. С. 428–436.

«ДЕТСТВО НИКИТЫ» А.Н. ТОЛСТОГО КАК «ИДИЛЛИЧЕСКАЯ» ВЕРСИЯ АВТОБИОГРАФИЧЕСКОЙ ТРИЛОГИИ Л.Н. ТОЛСТОГО: ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ И ПРЕОДОЛЕНИЕ ТРАДИЦИИ

**“NIKITA’S CHILDHOOD” BY ALEKSEY TOLSTOY
AS AN “IDYLLIC” VERSION
OF LEO TOLSTOY’S AUTOBIOGRAPHICAL TRILOGY:
CONTINUITY AND OVERCOMING OF TRADITION**

Т.К. Давтян

T.K. Davtyan

Научный руководитель Е.Е. Анисимова
Scientific adviser E.E. Anisimova

Идиллия, автобиографическая трилогия, преемственность, преодоление традиции, Л.Н. Толстой, А.Н. Толстой.

Статья посвящена исследованию повести А.Н. Толстого «Детство Никиты» как идиллической версии автобиографического канона, созданного Л.Н. Толстым в трилогии «Детство», «Отрочество», «Юность». В центре внимания находятся вопросы преемственности и преодоления традиции. В исследовании анализируется жанровая природа произведения и типологические переклички с толстовской трилогией.

The idyll, autobiographical trilogy, continuity, overcoming tradition, Leo Tolstoy, Aleksey Tolstoy. The article explores Aleksey Tolstoy’s novel “Nikita’s Childhood” as an idyllic version of the autobiographical canon created by Leo Tolstoy in his trilogy “Childhood”, “Adolescence” and “Youth”. The focus is on issues of continuity and overcoming of tradition. The study analyzes the genre nature of the novel and typological similarities with Tolstoy’s trilogy.

Выбирая для своей автобиографической повести «Детство Никиты» (1920–1921) имя главного героя – Никита – и не скрывая ее литературного жанра, А.Н. Толстой не мог не осознавать, что его произведение будет сопоставляться с «Детством» (1852) Л.Н. Толстого. Писатель не просто носил знаменитую фамилию, а состоял в дальнем родстве с классиком. Кроме того, мать А.Н. Толстого, Александра Леонтьевна, приходилась двоюродной внучкой декабристу Николаю Тургеневу. Младший Толстой сознательно ориентировался на тургеневский тип повествования – созерцательный, спокойный и проникнутый любовью к «дворянским гнездам». Так начинается история творческого преодоления классика, которая приведет к созданию одной из самых светлых, «идиллических» версий русской автобиографической прозы.

Согласно классификации В.И. Тюпы, идиллика – тип эстетического завершения, при котором происходит «конвергенция внутренней данности бытия и событийной границы». Личность героя и реальность пребывают в гармоничном согласии. Исследователь отмечает, что идиллия – «коммуникативная стратегия» автора по отношению к миру [5, с. 211].

Между «Детством Никиты» и трилогией Л.Н. Толстого можно отметить следующие параллели: мотив сна и предчувствия, тема первой любви. У Л.Н. Толстого сон Николеньки после смерти матери становится поводом для психологического анализа [6, с. 951]: «Так вот что предвещал мне мой сон! – подумал я, – дай Бог только, чтобы не было чего-нибудь еще хуже» [4, с. 384]. У А.Н. Толстого сон Никиты о часах исполнен лиризма: «Никите казалось, что он идет во сне, в заколдованном царстве. Только в зачарованном царстве бывает так странно и так счастливо на душе» [3, с. 55]. Кроме того, отношения Никиты с Лилей – важная параллель к детской влюбленности Николеньки Иртеньева в Катеньку. В обоих случаях герои переживают чистое, поэтическое чувство. Первая любовь Николеньки к Катеньке и первые прикосновения происходят под яблоней, и этой «райской обстановке» соответствует в «Детстве Никиты» волшебный лес, где развиваются отношения героя с Лилей и реальность смыкается со сказкой.

Особого внимания заслуживает связь «Детства Никиты» с другим знаменитым персонажем А.Н. Толстого – Буратино. Исследователи сопоставляют озорного деревянного мальчика и жизнерадостного Никиту. Буратино – идиллическая личность, перенесенная в пространство приключенческой сказки и действующая в пограничной ситуации: он не анализирует свои чувства, а живет, действует, радуется. Образ Буратино, по мнению М.Н. Липовецкого, превратился из персонажа детской сказки в «один из самых мощных и жизнеспособных культурных архетипов XX века» [1, с. 252].

Написанная в эмиграции повесть стала для А.Н. Толстого способом воскресить в памяти мир «золотого детства» – своего маленького сына Никиты. Идиллия становится не просто жанровой формой, но инструментом ностальгического переживания утраченной родины. Е.И. Ляпушкина рассматривает идиллию как традицию, которая формирует русскую прозу [2, с. 147]. Это позволяет интерпретировать повесть А.Н. Толстого не просто как эмигрантскую ностальгию, но как сознательную реконструкцию утраченной «идиллической» модели бытия, значимой для русской литературы XIX века.

«Детство Никиты» – не подражание, а самостоятельное произведение, где традиция переосмыслена в соответствии с иными эстетическими и мировоззренческими установками. Л.Н. Толстой исследует «диалектику души», процесс становления личности; А.Н. Толстой стремится запечатлеть детство как гармоничный мир, не тронутый рефлексией. Эта идиллическая модель предвосхитила ностальгическую прозу о детстве в литературе и заняла свое уникальное место в ряду рецептивных стратегий толстовского канона.

Библиографический список

1. Липовецкий М.Н. Утопия свободной марионетки, или как сделан архетип (Перечитывая «Золотой ключик» А.Н. Толстого) // Новое литературное обозрение. 2003. № 2. С. 252–268.
2. Ляпушкина Е.И. Русская идиллия XIX века и роман И.А. Гончарова «Обломов». СПб.: Изд-во С.-Петербург. гос. ун-та, 1996. 147 с.
3. Толстой А.Н. Детство Никиты. М.: Омега, 2016. 157 с.
4. Толстой Л.Н. Детство. Отрочество. Юность. М.: Эксмо, 2020. 384 с.
5. Тюпа В.И. Дискурс. Жанр. М.: Intrada, 2013. 211 с.
6. Эйхенбаум Б.М. Лев Толстой: исследования, статьи. СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2009. 951 с.

ИОСИФ БРОДСКИЙ – ПЕДАГОГ: МЕТАПОЭТИЧЕСКИЕ И ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ СТРАТЕГИИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ С ЧИТАТЕЛЕМ

JOSEPH BRODSKY AS EDUCATOR:
METAPOETIC AND PHILOLOGICAL STRATEGIES
OF READER ENGAGEMENT

А.И. Дякина

A.I. Dyakina

Научный руководитель Е.Е. Анисимова
Scientific adviser E.E. Anisimova

Бродский, поэзия, эссе, преподавание, саморефлексия.

В статье исследуются три формы литературной саморефлексии И. Бродского: преподавательская деятельность, эссе и художественные тексты. Анализ позволяет сделать вывод, что все эти виды творческой и интеллектуальной деятельности находятся в тесной взаимосвязи и позволяют Бродскому максимально полно транслировать свою эстетику, «правила» понимания и создания поэзии.

Brodsky, poetry, essays, teaching, self-reflection.

The article explores three forms of literary self-reflection by I. Brodsky: teaching activities, essays, and literary texts. The analysis suggests that these types of creative and intellectual activity are closely interconnected and allow Brodsky to fully convey his aesthetic principles and the «rules» of understanding and creating poetry.

На определенных этапах развития словесности возникает потребность в саморефлексии, когда мыслитель и художник одновременно формулирует законы искусства и предлагает их образцы в собственном творчестве. Такая ситуация сложилась в 1970-е годы, когда потребовалась новая эстетика, отличная от советской риторики. Иосиф Бродский взял на себя эту роль, реализовав свое понимание искусства одновременно в эссе, поэзии и преподавании литературы. Вынужденная эмиграция и переезд в 1972 г. в США открыли для Бродского новую главу – преподавание в Мичиганском университете в роли «poet-in-residence» («поэт в присутствии»). Будучи самоучкой без филологического и педагогического образования, Бродский разработал собственный метод: он погружал студентов в совместный анализ произведений любимых поэтов. Бывший студент Бродского, Свен Биркердт, вспоминал об особенностях его занятий: «нас окончательно разоблачили – не только наше невежество и банальность представлений о поэзии, но и то, как мы представляем себе мир вообще» [5 с. 92]. В университетских каталогах его курсы могли именоваться «Русская поэзия двадцатого века» или «Сравнительная поэзия», или «Римские поэты».

Для него не существовало границ между «римлянами» и «русскими модернистами», так как все они подчинялись единым законам бытия в языке. Поэт сконструировал собственную систему понимания и авторский литературный канон. Подтверждением этому стал его знаменитый список для чтения: около 100 позиций, включающие Библию, Коран, произведения Данте, мировую философию, поэзию и прозу XIX–XX веков. Бродский фактически предлагал студентам пройти тот же путь «самостроения», который он когда-то прошел сам в ленинградских библиотеках. По замечанию Л.В. Лосева, Бродский «полушутя говорил, что приобретает знания by osmosis (осмотически)» [5, с. 13]. Его педагогический подход стал попыткой научить других этому методу «осмотического» чтения. Преподавание поэта неразрывно связано с его авторским видением поэзии и ее законов:

Формы литературной саморефлексии И. Бродского

Художественный текст	Публицистика	Преподавание (1972–1980-е гг.)
1	2	3
В стихотворении «В горах» (1984) в строках «Ты – никто, и я – никто. Вместе мы – почти пейзаж» [1, с. 477] тире становится знаком тождества и одновременно «прыжком» через пояснения. Тире создает симметрию: ты – есть отдельное, я – есть отдельное = автономность пустоты. В последней строке функция тире меняется: происходит синтез. В этом случае читатель становится «соавтором», которому приходится интерпретировать дополнять пустоты, чтобы понять резкий переход к синтезу.	Применяя метод «пристального чтения» к технике М. Цветаевой в эссе «Поэт и проза», Бродский выделяет тире как ключевой инструмент поэтической системы, означающий «для прыжков через само собой разумеющееся» [2, с. 50]; «отбрасывание лишнего... начало преобладания звука над действительностью, сущности над существованием» [2, с. 51].	Бродский советовал студентам читать текст как молитву, поскольку «за словами молитвы молящийся слышит свой собственный голос» [3, с. 189]. Поэт видел в этом процессе разворачивание мира через сакральный язык стиха, где читатель, следуя за звуками и образами, опознает в них глубоко личное. Он подробно разбирал стихотворения любимых поэтов: А. Пушкина, Е. Баратынского, А. Ахматовой, О. Мандельштама, М. Цветаевой, Дж. Донна, Р. Фроста, К. Кауфмана, У. Х. Одена, Т. Гарди.
В стихотворении «Фонтан» (1961) строфы имеют форму фонтана: Из пасти льва струя не журчит и не слышно рыка. Гиацинты цветут. Ни свистка, ни крика, никаких голосов. Неподвижна листва. И чужда обстановка сия для столь грозного лика, и нова [1, с. 94]	«Об одном стихотворении» (1981) «Форма еще менее отделима от содержания в поэзии, чем тело от души, а всякое тело тем и дорого, что оно смертно (в поэзии подобием смерти является именно механистичность звучания или возможность соскользнуть в клише)» [2, с. 71–72].	В задании написать диалог в стихах Бродский советует выбрать необычный размер, например, ottava rima, нарочно, чтобы «диалог стал бы заложником стиха, а не наоборот» [4, с. 132]. «Я бы предложил использовать двустопный, поскольку в них есть нечто горизонтальное, пейзажное. Также нужно подумать о размере, поскольку в теории пейзажному стихотворению следует быть задумчивым» [2, с. 128].

1	2	3
В стихотворении «Разговор с небожителем» (1970) в строке «Не стану жечь тебя глаголом» [1, с. 188] – автор использует цитату из пушкинского «Пророка» и перефразирует ее, создавая свою собственную формулировку.	«Письмо Горацио» (1995) «когда пишутся стихи, ближайшая аудитория – не современники, не говоря уж о потомках, а предшественники. Те, кто дал язык, те, кто дал формы» [2, с. 425].	В каждом задании, обычно в конце, Бродский указывает лучшие, по его мнению, тексты, сочиненные на предлагаемую тему или в заданном жанре. Например: «Дверь» Одена – в задании про стихотворение о комнате; «Орфея и Эвридику» Рильке – в задании, посвященном мифологическому сюжету.

Библиографический список

1. Бродский И.А. Избранные стихотворения. М.: Панорама, 1994. 496 с.
2. Бродский И.А. Проза и эссе (основное собрание) / подгот. текста: С. Виницкий [Электронный ресурс] // Бродский И.А. Собрание сочинений. URL: <https://royallib.com/book/brodskiyiosif/sobraniesochineniy.html?ysclid=mo8oqckib0697789514> (дата обращения: 07.04.2026).
3. Джумайло О.А. Пристальное чтение: между молитвой и толкованием // Пристальное прочтение Бродского: сб. статей / под ред. В.И. Козлова. Ростов н/Д.: Логос, 2010. С. 189–197.
4. Кучерская М., Кельберт Е. Профессор Бродский: poetica ex cathedra // Новое литературное обозрение. 2023. № 5 (183). С. 122–138.
5. Лосев Л.В. Иосиф Бродский: опыт литературной биографии. М.: Молодая гвардия, 2008. 446 с.

МИФОЛОГИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ РЕКИ В ПОВЕСТИ ЕВГЕНИЯ ГРИШКОВЦА «РЕКИ»

THE MYTHOLOGICAL SIGNIFICANCE OF THE RIVER IN EVGENY GRISHKOVETS'S NOVEL "RIVERS"

М.П. Толкачева

M.P. Tolkacheva

Научный руководитель В.В. Мароши
Scientific adviser V.V. Maroshi

Евгений Гришковец, мифопоэтика, архетип, река, хронотоп, память, экзистенциализм, автобиографизм.

В данной статье проводится анализ повести Евгения Гришковца «Реки» через призму мифопоэтики. Река исследуется как ключевой архетипический образ, организующий повествование и определяющий его философский смысл.

Evgeny Grishkovets, mythopoetics, archetype, river, chronotope, memory, existentialism, autobiography.

This article analyzes Evgeny Grishkovets's novel "Rivers" through the lens of mythopoetics. It explores the river as a key archetypal image that organizes the narrative and determines its philosophical significance.

Творчество Евгения Гришковца, балансирующее на грани документального и художественного, исповедального и универсального, представляет значительный интерес для современного литературоведения. Его повесть «Реки», опубликованная в 2005 году, является ярким примером автобиографичности, где личный опыт, связанный с воспоминаниями и размышлениями, проецируется на архетипические структуры. Исследование мифологического значения центрального образа – символа реки позволяет раскрыть глубинные пласты смысла в тексте, который на поверхностном уровне может восприниматься как мемуарный. Актуальность работы обусловлена растущим вниманием к неомифологизму в литературе XXI в., а также необходимостью интерпретации творчества Е. Гришковца в контексте философской прозы [2]. Повесть «Реки» построена как ряд эпизодов-воспоминаний, связанных с реальными географическими объектами – реками, которые встречались на жизненном пути повествователя. Уже в паратексте произведения *река / реки* обретают мифологическое значение.

В мифологии река часто представляет собой ось мира, разделяющую и соединяющую мир живых и мертвых, переправу, через которую осуществляет старый Харон [5]. У Е. Гришковца река также является границей, но экзистенциальной, которая разделяет мир детства и мир взрослых, «до» и «после», дом и чужбину. Например, переправа через реку в детстве – это обряд посвящения, переход в новое состояние, сопряженное со страхом и восторгом. Хронотоп реки

здесь нелинеен: это не просто движение вперед, а постоянное «воспоминание в настоящем», где прошлое и настоящее сосуществуют в едином потоке сознания. Река – это не линия на карте, а время, разлитое в пространстве [6].

Е. Гришковец переосмысляет образ реки, которая из символа забвения становится, напротив, мощнейшим катализатором памяти. Запах воды, звуки весел, треска льда, дождя на реке – все это запускает механизм «прустовского» непроизвольного воспоминания, выхватывая из небытия целые пласты ощущаемого в настоящем прошлого. Река Томь становится вместилищем «духа места» и личной идентичности героя. В контексте пребывания героя на реке вдали от города она обретает черты мифологической первозданной первоосновы [4]. Герой не просто плавает по реке, он мыслит себя ее частью, ощущает свою онтологическую связь с водой. Течение реки неизбежно, как течение времени, но в нем есть место и для воли (выбор маршрута), и для покоя (дрейф по течению). Это отражает его экзистенциальный выбор [3]. Мотив «маленького человека на большой реке» перекликается с архетипом героя, отправляющегося в плавание по неизведанным водам. Однако у Е. Гришковца это подвиг повседневности, обретения себя через контакт со стихией. Река здесь и есть сама жизнь в ее чистом, непрерывном, лишенном пафоса движении [1].

Проведенный анализ позволяет сделать выводы, что образ реки в повести «Реки» Е. Гришковца является фундаментальной мифологемой, структурирующей все повествование и выходящей за рамки простого природного или биографического символа, приобретая универсальное архетипическое звучание. Река функционирует как сложный хронотоп, в котором время и пространство сливаются в неразрывное целое, моделируя картину мира героя.

Мифологическое значение реки у писателя диалектично: она выступает и как граница, разделяющая этапы жизни, и как путь, объединяющий их в единый поток. Через этот архетип реки автор исследует ключевые экзистенциальные вопросы: память и забвение, тождество личности, течение времени и поиск смысла в простом, «речном» течении жизни.

Библиографический список

1. Абашева М.П. Евгений Гришковец. Реки // Знамя. 2006. № 4. С. 208–210.
2. Васильева-Шальнева Т.Б. Синтез художественного и документального начал в произведении Евгения Гришковца «А. . . а» // Филология и культура. 2014. №3. С. 144–147.
3. Галимова Е.Ш. Архетипический образ реки в прозе Валентина Распутина // Дискуссия. 2012. №5. С. 156–161.
4. Гришковец Е.В. Реки. М.: Эксмо, 2014. 192 с.
5. Кусмидинова М.Х. Интерпретация образа реки в мифологии // Четвертые Лойфмановские чтения. Философское мировоззрение и картина мира: материалы Всероссийской научной конференции (Екатеринбург, 17–18 декабря 2009 г.). Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2009. Т. 2. С. 190–194.
6. Сони́на Е.В. Экзистенция человека в повести Е.В. Гришковца «Реки» // Молодой ученый. 2016. № 30. С. 423–426.

ДИАЛОГ КАК СПОСОБ СОЗДАНИЯ БИОГРАФИЧЕСКОГО НАРРАТИВА: КНИГА А.А. КАБАКОВА И Е.А. ПОПОВА «АКСЕНОВ»

DIALOGUE AS A WAY TO CREATE BIOGRAPHICAL NARRATIVE:
A.A. KABAKOV AND E.A. POPOV'S BOOK "AKSENOV"

А.В. Панова

A.V. Panova

Научный руководитель **А.Ю. Горбенко**
Scientific supervisor **A.Y. Gorbenko**

Коллективная биография, диалог, полифоническая наррация, стратегии жизнеописания, В.П. Аксенов.

В статье рассматривается жанровая специфика книги А.А. Кабакова и Е.А. Попова «Аксенов» (2011). Анализ опирается на нарратологические концепции В. Шмида и В.И. Тюпы. Выявляется, что диалогическая структура повествования (полифоническая наррация) и статус соавторов как диегетических нарраторов порождают эффект «расслоения двуплановости». Столкновение авантюрно-анекдотической и экзистенциальной стратегий жизнеописания создает полифонический эффект, позволяющий реконструировать личность героя в ее подлинной сложности.

Dialogue, collective biography, polyphonic narration, strategies of biography, Aksenov.

The article examines the genre specificity of A.A. Kabakov and E.A. Popov's book "Aksenov" (2011). The analysis is based on the narratological concepts of V. Shmid and V.I. Tyupa. It is revealed that the dialogic structure of the narrative (polyphonic narration) and the status of the co-authors as diegetic narrators create the effect of "layered two-dimensionality". The collision of the adventurous-anecdotal and existential strategies of biography creates a polyphonic effect that allows us to reconstruct the hero's personality in its true complexity.

Книга А.А. Кабакова и Е.А. Попова «Аксенов» (2011), посвященная их другу – писателю Василию Павловичу Аксенову, построена как диалог двух мемуаристов. Воспоминания здесь не слиты в единый голос, но спорят и дополняют друг друга, что ставит вопрос о природе биографического нарратива в его нетрадиционной диалогической форме.

Теоретическую рамку нашей работы задает подход А.А. Пронина, который выделяет два значения «коллективной биографии»: первое – как «принцип повествования о героях недавнего прошлого», когда о человеке рассказывают другие люди [3, с. 181]. Именно так построена книга А.А. Кабакова и Е.А. Попова: друзья Аксенова воссоздают его облик в диалоге. Однако внутри этой коллективной биографии работает иной механизм. А.А. Пронин, следуя М.М. Бахтину, называет «полифонической наррацией» повествование, где голоса рассказчиков взаимодействуют, не сливаясь в единый «коллективный голос» [3, с. 182].

М.М. Бахтин подчеркивал одновременное существование двух событий – того, о котором рассказывается, и самого рассказывания [1, с. 403]. В книге «Аксенов» это реализуется в полной мере: рассказ о жизни писателя неотделим

от дружеского разговора о нем, происходящего «здесь и сейчас». Эмоциональная вовлеченность собеседников становится частью повествования, а не просто фоном. Авторское единство минимально (касается только отбора и монтажа бесед), а сама беседа сохраняет полифонию спорящих друг с другом голосов.

Возможность такого диалога обусловлена статусом повествующих инстанций. Кабаков и Попов – диегетические нарраторы (по В. Шмиду): они «фигурируют в двух планах – и в повествовании (как его субъект), и в повествуемой истории (как объект)» [6, с. 82]. Они не только рассказывают об Аксенове, но и сами являются частью этой истории – его друзьями и свидетелями повествуемых событий. Двойная природа нарратора порождает эффект «расслоения двуплановости», когда «повествующий голос» принадлежит настоящему (моменту беседы), а «объект повествования» – соавторам в описываемом прошлом [4, с. 220]. В диалоге это расслоение актуализируется: соавторы комментируют свои прежние оценки, спорят с собственной памятью, создавая сложную временную перспективу.

Это расслоение особенно заметно в главе «Стиляга Вася», где разворачивается спор о природе памяти [2, с. 166]. Кабаков утверждает, что бедность не способствует развитию детальной памяти, и связывает это с детством Аксенова. Попов же возражает, апеллируя к собственному детскому опыту, говоря о том, что помнит единичные вещи именно потому, что семья была бедной. Спор идет не о факте, а о его осмыслении, о том, как бедность формирует личность и память.

Конфликт соавторов книги «Аксенов» касается также стратегии жизнеописания. В.И. Тюпа выделяет авантюрно-анекдотическую и экзистенциальную стратегии [5, с. 4]. Первая фиксирует курьезные казусы, вторая реконструирует внутренний опыт. Это противостояние проступает в главе об отношении Аксенова к деньгам. Попов воспроизводит анекдотическую ситуацию: в разгар травли альманаха «Метрополь» секретарь Союза писателей говорил, что у Аксенова «миллион на Западе». Для Попова это иллюстрация абсурда литературной жизни, где властвуют слухи. Кабаков же реконструирует логику жизни Аксенова от нищего детства к осознанному отношению к деньгам как к инструменту свободы. Для Кабакова деньги – это результат труда; Аксенов, по его словам, «вкалывал как лошадь» и строил «стену из денег» между собой и миром [2, с. 338]. Обе стратегии создают стереоскопический эффект: читатель видит и мифологический ореол, окружавший фигуру писателя, и реальную, выстраданную логику его отношений с миром.

Таким образом, диалогическая структура книги «Аксенов» становится способом смыслопорождения, преодолевающим ограничения традиционного монологического биографического дискурса.

Библиографический список

1. Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. М.: Художественная литература, 1975. 504 с.
2. Кабаков А.А., Попов Е.А. Аксенов. М.: АСТ: Астрель, 2011. 512 с.
3. Пронин А.А. Документальное кино как «полифоническая наррация» // Артикульт. 2015. № 4 (20). С. 181–185.
4. Пронин А.А. Феномен «расслоения двуплановости» в экранной биографии // Вестник ВГИК. 2015. № 4 (26). С. 218–224.
5. Тюпа В.И. Стратегии жизнеописания // Филология и человек. 2016. № 1. С. 4–15.
6. Шмид В. Нарратология. 2-е изд., испр. и доп. М.: Языки славянской культуры, 2008. 304 с.

ТИПЫ ГЕРОЕВ В СОВРЕМЕННОЙ ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ О БЛОКАДЕ ЛЕНИНГРАДА

TYPES OF HEROES IN MODERN CHILDREN'S LITERATURE ABOUT THE SIEGE OF LENINGRAD

М.В. Моцаренко

M.V. Motsarenko

Научный руководитель Н.В. Уминова
Scientific adviser N.V. Uminova

Блокадный текст, современная детская литература, функции персонажей, типы героев, образ ребенка.

Детская литература XXI в. следует традиции в изображении Великой Отечественной войны, в частности блокады Ленинграда. Однако писатели используют новые стратегии, которые позволяют иначе взглянуть на тему. В данной статье поднимается актуальный вопрос о типах героев, которые встречаются в современной детской литературе о блокаде Ленинграда.

The blockade text, modern children's literature, character functions, types of characters, the image of a child.

Children's literature of the 21st century follows the tradition of depicting the Great Patriotic War, in particular the siege of Leningrad. However, writers use new strategies that allow them to look at the topic differently. This article raises an urgent question about the types of heroes that are found in modern children's literature about the siege of Leningrad.

На рубеже XX–XXI веков формируется устойчивый интерес к детской литературе, которая регламентирует, «что такое и кто такой ребенок, что такое его микрокосм, что такое его макрокосм, т.е. все, окружающее его» [3, с. 18]. Выбранная нами тема блокады Ленинграда, отраженная на страницах современных детских книг, репрезентируется через призму личного взгляда ребенка.

Современные тексты о блокаде Ленинграда в большинстве случаев строятся по одной модели: исторические события (блокада) – фон; центральный конфликт – личная драма героя; окружающие персонажи либо помогают, либо препятствуют разрешению конфликта. В связи с повторяемостью сюжета можно обозначить и *типологию героев*, которая помогает выявить специфику раскрытия военной темы в детской литературе. Особое внимание в современной военной прозе исследователи уделяли образу *героя-бойца* [4] и *трикстера* [1]. В исследовании предпринимается попытка обобщить и систематизировать персонажей текстов детской военной прозы в новейшей литературе.

Центральным героем всех произведений является *ребенок*, который проходит путь взросления через проживание исторических событий и личной драмы. Так, в «Правдивой истории Деда Мороза» (2009) А. Жвалевского и Е. Пастернак

этот тип представлен как собирательный образ: не достигшие призывного возраста *племянники* желают пойти добровольцами на фронт, чтобы отомстить фашистам за погибшего отца; *соседские дети*, истощенные настолько, что не могут радоваться наступающему празднику. В рассказе «У Леки большие щеки» (2020) Е. Коровиной ребенок теряет маму, которая оберегала сына и молилась за его жизнь. Ю. Яковлева в сказке «Краденый город» (2017) переносит маленьких героев в мир мертвых, где дети вынуждены противостоять злему волшебнику, чтобы вернуться домой. В рассказе С. Литтл «Блокадный танец Ленинграда» (2023) нравственное взросление героини происходит в момент спасения осажденного города, когда девочка мыслит себя частью трагической, но общей, истории.

В традиции военной прозы XX в. история оказывается беспощадной даже над детьми. В этом отношении знаменательна история легендарной Тани Савичевой, судьба которой описана в повести И. Миксона («Жила, была. Историческое повествование о Тане Савичевой», 1991). Пережившая блокаду родного города ленинградка испытала серьезные лишения: война истощила здоровье девочки, оставила ее без крова и семьи, запечатлела трагический след в родовой памяти. Сюжетные ситуации, в которых разворачивается тяжелая история героя-ребенка, оказываются принципиально различными: если в классической военной прозе XX в. трансформация образа дитя реализуется через испытания/страдания/лишения, то в современной детской литературе о блокаде Ленинграда драматические обстоятельства оказываются детьми преодолимыми.

На страницах современных детских книг о блокаде Ленинграда нередко встречаются *герои-взрослые*. В классических текстах писателей-«блокадников» (О. Берггольц, В. Инбер, Н. Тихонов, А. Прокофьев) взрослым приписывалась функция защиты и оберега – они стремились оградить и уберечь детей от врагов/фашистов [2]; в современной литературе авторы вводят в сюжет и антагонистов среди «своих». Так, героев можно разделить на два типа. Первый тип – *спаситель*, который стремится всеми силами помочь детям и сохранить их. В «Правдивой истории Деда Мороза» Сергей Иванович отговаривает ребят от идеи идти добровольцами на фронт. В рассказе Е. Коровиной «У Леки большие щеки» мальчика спасает молитва матери. Второй тип – *злодей* (антагонист) – тот, кто противостоит детям, препятствует их воссоединению с семьей (Ловец снов в сказке «Краденый город» и «Жуки не плачут»; женщина-людоед в рассказе «Блокадный танец Ленинграда»). Нередко встречаются и волшебные *герои-помощники* [5]. Использование сказочных / приключенческих элементов – тенденция современной детской прозы о войне [6]. Птерки и охли помогают главному герою исполнять детские мечты, защищают от нападений фашистов в новогоднюю ночь и согревают детей своим волшебством («Правдивая история Деда Мороза»); игрушечный Мишка оживает и помогает Шурке и Бобке победить Ловца снов, пожелавшему забрать детей в мир мертвых («Краденый город»).

Итак, в соответствии с сюжетными функциями персонажей в современной детской литературе о блокаде Ленинграда была предложена типология героев. Нами рассмотрены типы *героя-ребенка*, прошедшего путь нравственного становления и взросления через проживание исторических событий, *героя-взрослого* (спасителя и злодея), чей образ оказывается амбивалентен. В современное авторское повествование включены и *герои-помощники*. Представленная типология раскрывает специфику современной прозы, посвященной теме блокады.

Библиографический список

1. Липовецкий М.Н. Шалуны, враги, другие... трикстер в советской и постсоветской детской литературе // Детские чтения. 2014. № 2 (6). С. 7–22.
2. Маслинская С.Г. Немец, фашист, гитлеровец: образ врага в детской литературе 1950–2010-х годов // Уральский филологический вестник. Серия: Русская литература XX–XXI веков: направления и течения. 2018. № 3. С. 181–190.
3. Минералова И.Г. Детская литература: учеб. пособие для студентов вузов. М.: Владос, 2002. 174 с.
4. Овсянникова Е.П. Специфика становления героя-бойца в военной прозе 1940–1950-х годов // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2025. Т. 18, № 11. С. 4647–4652.
5. Пропп В.Я. Морфология волшебной сказки. Исторические корни волшебной сказки. М.: Лабиринт. 1998. 511 с.
6. Тибонье Л. Великая Отечественная война в современной русской детской литературе: в поисках альтернативы // Детские чтения. 2020. № 17 (1). С. 144–166.

ЗАРУБЕЖНАЯ ЛИТЕРАТУРА: АКТУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ

ПОЭЗИЯ КАК ФОРМАТ: К ПОСТАНОВКЕ ВОПРОСА

POETRY AS A FORMAT: TOWARDS POSING THE QUESTION

А.В. Грачев

A.V. Grachev

Научный руководитель И.Г. Прудюс
Scientific adviser I.G. Prudius

Формат, иконическая плоскость, знак-посредник, визуальная поэзия, образ текста.

В данной статье ставится вопрос о рассмотрении графического «облика» стихотворного текста как образа, способного находиться в семантических отношениях разной глубины с планом содержания текста. В частности, делается вывод о том, что применение категории «формата» в переносном значении в контексте художественной литературы является продуктивным для выявления специфики современных произведений.

Format, iconic plane, sign-mediator, visual poetry, text picture.

This article raises the question of considering the graphic ‘appearance’ of a poetic text as an image capable of being in semantic relationships of varying depth with the content plane of the text. In particular, it is concluded that the application of the category of ‘format’ in a figurative sense within the context of literary fiction is productive for identifying the specific features of contemporary works.

Одним из главных признаков стихотворного текста с точки зрения рецепции письменно зафиксированной речи является деление на стиховые ряды [3, с. 48]. Строфика до сих пор остается важным способом визуальной квалификации текста как стихотворного даже в интернет пространстве [4].

В 2010-х в русскоязычном пространстве исследований СМИ произошла дискуссия, посвященная семантической наполненности слова «формат» [2; 7; 8; 9]. Дискуссия была связана с ростом употребляемости слова и трансформацией его значения. Так, отмечалось, что исходное значение «размера книги, листа, карточки и т.п.» посредством метафорического переноса было преобразовано в обозначение «коммуникативно-стилевого стандарта» [2, с. 23]. Особую роль в этой дискуссии занимало разграничение категорий формата и жанра. Обобщая выводы исследователей, можно сказать, что формат в контексте журналистики обозначает «меру соответствия какого-либо информационного продукта ключевым признакам той совокупности продуктов, с которой он соотносится», и связан с пространством коммерческой ориентированности продукта на аудиторию, жанр же связан с пространством волеизъявления автора [8, с. 73–74]. Несмотря на то, что термин «формат» в специфически переносном значении не является устоявшимся в сфере исследований СМИ, нам представляется перспективным его использование по отношению к художественным произведениям.

В конце XX – начале XXI в. в гуманитарной науке произошел поворот в сторону исследования образа. В западноевропейском направлении исследований (*pictorial turn, iconic turn*) методологической опорой стала философская эстетика [6, с. 187–188]. Как представляется, субъектно-образное своеобразие лирического

текста выявляется и на его графическом уровне – на уровне текста как визуального образа, вследствие чего мы обратимся к положениям этого направления.

Рецепция визуального образа происходит посредством его мгновенного считывания, «схватывания» [1, с. 43]. Вместе с тем, образ создает семантику специфическим для него способом: являясь продолжением внеобразного опыта, он нарушает его течение, «привнося в него содержания, спонтанно сформировавшиеся и стабилизировавшиеся в специфически образном медиуме» [5, с. 185]. Чистое лирическое стихотворение монособытийно, т. к. восходит к лирическому перформативу [10, с. 126–134]. В этом контексте стихотворение сближается с картиной с точки зрения рецепции, вследствие того что схватывание текста как образа и образа внутри текста происходит быстрее, чем в прозаическом произведении.

Опираясь на теоретические разработки «иконического поворота» (iconic turn), отечественный исследователь И.Н. Инишев выделил «три слоя образа»: 1) *tabula* – образ как физическая вещь, объект-носитель; 2) *picture* – «иконическая плоскость», знак-посредник; 3) *imago* – образ в узком и строгом смысле, текст-среда [5, с. 197–198]. В нашем случае «иконическая плоскость» выступает форматом в переносном значении. В отличие от уровня объекта-носителя, уровень знака-посредника непосредственно входит в смысловые отношения с образом, проявленным этим посредником. Возможно, строфика лирики стала носителем тех возможностей «иконической плоскости», которые раскрылись в визуальной поэзии.

В прозаическом тексте графема как знак-посредник находится в максимально абстрактных отношениях с семантикой, приближаясь к статусу объекта-носителя, *tabula*. Это приближение связано с тем, что первичное восприятие нарративного текста непреложно связано с длительностью для осознания целого [4, с. 472]. Устойчивость же графического образа текста создает постоянную структуру, не разрывающую поток восприятия.

Библиографический список

1. Айзикова И.А., Воробьева Т.Л. Восприятие изобразительного текста: проблематизация, актуализация, новые методологические подходы // Текст. Книга. Книгоиздание. 2022. № 30. С. 37–57.
2. Акинина А.В. Дискурс и «Формат» // *Lingua mobilis*. 2010. № 4 (23). С. 22–25.
3. Двойнишникова М.П. Визуальный облик стихотворного текста: от рукописи к «цифре» // Актуальные векторы развития современной литературы. Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2023. 117 с.
4. Жанровая палитра зарубежной литературы: коллективная монография. М.: Языки народов мира, 2025. 270 с.
5. Зенкин С.Н. Теория литературы. Проблемы и результаты. М.: Новое литературное обозрение, 2017. 617 с.
6. Инишев И.Н. «Иконический поворот» в науках о культуре и обществе // Философско-литературный журнал «Логос». 2012. № 1 (85). С. 184–211.
7. Карасик В.И. Интерпретация дискурса: топик, формат, модус // Известия ВГПУ. 2015. № 1 (96). С. 73–79.
8. Месеняшина Л.А. И еще раз о жанре и формате // Вестник ЧелГУ. 2014. № 26 (355). С. 73–75.
9. Солганик Г.Я. Формат и жанр как термины // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 2010. № 6. С. 22–24.
10. Тюпа В.И. Теория литературы. М.: РГГУ, 2024. 254 с.

НАРРАТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ Э. ЗОЛЯ И К. БЕРРИ: ГОЛОС РАССКАЗЧИКА И ВИЗУАЛЬНАЯ ПЕРСПЕКТИВА (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА Э. ЗОЛЯ «ЖЕРМИНАЛЬ» И ОДНОИМЕННОГО ФИЛЬМА К. БЕРРИ (1993))

«NARRATIVE STRATEGIES OF E. ZOLA AND C. BERRY:
THE NARRATOR'S VOICE AND VISUAL PERSPECTIVE»
(BASED ON ÉMILE ZOLA'S NOVEL "GERMINAL"
AND CLAUDE BERRY'S FILM OF THE SAME NAME (1993))

М.Е. Долгополова

M.E. Dolgoplova

Научный руководитель Е.Г. Неведова
Scientific adviser E.G. Nefedova

Нарратив, визуализация, мотив, композиция, монтаж.

Статья посвящена сопоставлению нарративных стратегий в творчестве Эмиля Золя и Клода Берри. Материалом для анализа послужил роман «Жерминаль» (Э. Золя) и его экранизация (К. Берри): у писателя доминирует авторский голос и аналитическая аргументация, у кинорежиссера – визуальная точка зрения и звуковой ряд, формирующие моментальную эмоциональную перцепцию.

Narrative, visualization, motive, composition, montage.

The article is devoted to the comparative analysis of narrative strategies in the works of Emile Zola and Claude Berry. The material for the analysis was the novel "Germinal" (E. Zola) and its film adaptation (K. Berry): in writer the author's voice and analytical argumentation dominate, in film director – the visual point of view and sound series, forming the momentary emotional perception.

Кинофильм является нарративным произведением, но его повествовательные механизмы принципиально иные: уровни авторской коммуникации сливаются или заменяются визуальными альтернативами, а «нарратология указывает на возможность выделения общих структур всевозможных “нарративов”» [1, с. 263–264], «кинематографический контекст литературы вырабатывает прием «кинофицированности» текста» [6, с. 177].

Романы Э. Золя изначально кинематографичны (писатель тщательно выстраивает мизансцены, акцентирует внимание на визуальной и акустической среде), однако экранизация требует переосмысления природы повествования. «Интерпретация предполагает одновременность наличия и новой, и известной информации» [2, с. 6]. К. Берри, работая над фильмом, оказался в уникальной ситуации: он должен был предложить современное прочтение романа, воплощающего для французов национальный культурный код, сохранив аутентичность первоисточника. «Жерминаль» снимался в реальных шахтерских поселках;

оператор Ив Анжело создал зрительный эквивалент натурализма Э. Золя. К. Берри пошел дальше: он искал визуальные эквиваленты функций слова.

Нарративные стратегии Золя и Берри принципиально различны. У Э. Золя голос рассказчика – «конструирующий разум», сочетающий документальность и эмпатию, объясняющий причинно-следственные связи. Это традиция натурализма – «научная» точность, диагностика общества [7, С. 224]. К. Берри же переводит функции рассказчика в ткань кадра и звука. Он показывает, а не объясняет. Писатель активно пользуется «внешней фокализацией» [8, С. 64] и сопровождает ее комментарием, Кинорежиссер же становится «нарратором-демонстратором», «функциональная тождественность может служить показателем сохранения авторского стиля» [3, С. 22]. К. Берри цитирует художественные детали романа лишь как жест уважения к классическому тексту и не дает им сюжетного развития в фильме.

Доступ к субъективности персонажей – еще одна точка принципиального расхождения. В романе мы проникаем в мысли героев, в фильме же внутреннее передается невербально: через паузу, ракурс, взгляд. Например, Золя описывает взгляд Маэ перед прощанием с Этьеном: «Этьен прекрасно понял ее взгляд, выражавший спокойную веру в будущее. До скорого свидания, говорили ее глаза, и уж на этот раз бой будет решающим». К. Берри точно отражает этот замысел. Крупные планы и малая глубина резкости также работают на субъективность. В сцене объяснения Этьена и Катрин в шахте лица актеров остаются в фокусе, а все вокруг превращается в размытое пятно: зритель не отвлекается на детали и погружается в эмоциональный обмен.

Сцена бунта изображена в фильме через детализацию, используется эффект продуманной «хореографии» толпы, панорамность. Оператор использует камеру как проводник эмоционального подтекста, контраст между темными интерьерами шахты и открытыми пейзажами говорит о разрыве между мрачным существованием и мечтами о лучшей жизни. Монтаж и ритм берут на себя функцию авторской интонации – ведь «в кино мы воспринимаем действие многослойно: звук, цвет, свет...» [4, С. 56]. Так, параллельный монтаж у К. Берри (толпа, голодные семьи на бесцветном фоне французской зимы – и владельцы шахт в теплых роскошных гостиных) становится настоящим визуальным эквивалентом аналитического подхода, который мы находим у Э. Золя.

Э. Золя возвращает темы голода и усталости как логическое доказательство, К. Берри – как «эмоциональный» аргумент. К. Берри вводит отсутствующие у Э. Золя сцены – «интерполяцию» (например, сцена глумления над телом лавочника Мегра), добавляя новые смысловые акценты [5, С. 14]. Звук создает целую аудиальную среду: шахта дышит, гудит, скрипит, а контраст тишины и шума порой говорит больше любого диалога. Световое решение оператора строится на напряженном контрасте тьмы (шахта, керосиновые лампы, выхватывающие лица из мрака) и редких, почти ослепительных вспышек цвета – как в сцене воскресного праздника.

При всех различиях этическая позиция писателя и режиссера остается единой – сочувствие к шахтерам. Разнятся лишь способы воздействия: Золя аргументирует, Берри предъявляет нам визуальные доводы. И это не случайно – «современный кинематограф создает сложные образы, которые визуализируют воображаемое времени» [2, С. 43]. Берри визуализирует «Жерминаль» средствами, недоступными Золя, но служащими той же конечной цели. Прозрение Этьена в конце фильма запечатлено во взгляде, в его медленно удаляющейся фигуре – и ни единого слова не требуется. «Быть фиктивным – значит быть только изображаемым, а фикция заключается именно в «деланьи» [8, с. 20–21]. Берри конструирует фикцию иными, кинематографическими инструментами, но достигает высшей задачи нарратива – заставить нас поверить в реальность этого мира и сопереживать ему до конца.

Библиографический список

1. Арцыбашева К.И. Фильм/кинопроизведение в контексте нарратологического подхода // *Философия в XXI веке: вызовы, ценности, перспективы*. Екатеринбург, 2016. С. 262–267.
2. Бугаева Л.Д. О кинонарративе // *Международный журнал исследований культуры*. 2012. № 2 (7). С. 6–10.
3. Игнатов К.Ю. От текста романа к кинотексту: языковые трансформации и авторский стиль (на англоязычном материале): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Москва: МГУ им. М В Ломоносова. 2007. 27 с.
4. Мариевская Н.Е. Воображение времени в современном кинематографе // *Международный журнал исследований культуры*. 2012. № 2 (7). С. 42–47.
5. Покидышева С.Н. Киноадаптация литературного произведения как объект филологического исследования: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Белгород БелГУ., 2007. 19 с.
6. Полянина А.С. Визуализация как принцип повествования в романе В. Набокова «Отчаяние» // *Вестник Новосибирского государственного педагогического университета*. 2013. № 6 (16). С. 177–187.
7. Пузиков А. Портреты французских писателей. Жизнь Золя. Москва: Художественная литература. 1981. 576 с.
8. Шмид В. Нарратология. М.: Языки славянской культуры, 2003. 312 с.

АРХЕТИП НЕВИННОЙ ДЕВЫ КАК ЭЛЕМЕНТ МИФОПОЭТИКИ ВИДЕОИГРОВОГО НАРРАТИВА: ИНТЕРПРЕТАЦИЯ В «DISCO ELYSIUM – THE FINAL CUT»

THE ARCHETYPE OF THE INNOCENT VIRGIN AS AN ELEMENT OF MYTHOPOETICS IN VIDEO GAME NARRATIVE: INTERPRITATION IN «DISCO ELYSIUM – THE FINAL CUT»

Р.Р. Латык

R.R. Latyk

Научный руководитель И.Г. Прудюс
Scientific adviser I.G. Prudius

Архетип Невинной Девы, репрезентация архетипа, трансформация архетипа, «Disco Elysium – The Final Cut», Дева Мария.

В статье анализируется репрезентация архетипа Невинной Девы в качестве элемента мифопоэтики современной игровой индустрии на примере «Disco Elysium – The Final Cut». Основу исследования составил анализ текстового и визуального элементов видеоигры, а также ряд работ, посвященных интерпретации образа Девы Марии. На основе проведенного анализа сделан вывод о том, что архетип Невинной Девы не только представляется особенно ярко, но и трансформируется, приобретая амбивалентные аспекты, несвойственные каноническому образу.

The archetype of the Innocent Virgin, archetype representation, archetype transformation, Disco Elysium – The Final Cut, Virgin Mary.

This article analyzes the representation of the Innocent Virgin archetype as an element of mythopoetics in the contemporary gaming industry, using “Disco Elysium – The Final Cut” as an example. The study is based on an analysis of the video game’s textual and visual elements, as well as a number of works devoted to the interpretation of the Virgin Mary. Based on this analysis, it’s concluded that the Innocent Virgin archetype is not only appears especially vivid but also transformed, acquiring ambivalent aspects uncharacteristic of the canonical image.

Архетип – это совокупность фундаментальных общечеловеческих мотивов, лежащих в основе художественных структур [1, с. 111]. Невинная Дева – древнейший образ, обладающий такими инвариантными чертами, как добродетельность, любовь, выражающаяся в служении другому, святость, непорочность, заступничество и умение вдохновлять [5, с. 84]. Данный архетип активно эксплуатируется в современных видеоиграх.

«Disco Elysium – The Final Cut» предлагает игроку раскрыть дело о повешенном, примерив роль полицейского Гарри Дюбуа. Ретроградная амнезия героя становится основой видеоигрового нарратива. Она позволяет игроку помимо расследования главного детективного квеста обратиться к побочному – восстановлению

прошлого Дюбуа, благодаря которому становится известно о его разрыве с Дорой. Воспаленное сознание героя соединяет образы возлюбленной и светочи Долорес Деи [7].

В видеоигре героиня не только репрезентирует архетип Невинной Девы, но и вбирает в себя образ Девы Марии. Эмоциональная тональность изображений Богородицы и светочи совпадают: на иконах изображены нежные, скорбящие девы. На большинстве картин Дева Мария держит на согнутой руке младенца, так же запечатлена Долорес, но в ее руках находится фигурка оловянного солдата. Другая очевидная визуальная параллель – светящиеся легкие Долорес, отсылающие к католическим иконам Богородицы с горящим сердцем. Семантика символов пересекается: Непорочное Сердце Матери Христа олицетворяет ее безграничную любовь к людям и милосердие [6], так же как светящиеся легкие в мире Элизиума являются символом любви [7].

Имя Долорес Деи имеет латинское происхождение и буквально означает «скорбь бога» [2, с. 276, 297], что опять же напрямую соотносится с образом Богородицы. Так же как титул святой в испанской католической церкви соотносится с героиней игры – «Nuestra Señora de los Dolores» [4, с. 107].

В неотделимых друг от друга образах Долорес и Доры архетип Невинной Девы не только репрезентируется, но и трансформируется. Основной аспект трансформации – амбивалентность героинь в исторической ретроспективе игрового мира и сознании Гарри Дюбуа [3, с. 76]. Несмотря на статус святых как правительницы, так и бывшей возлюбленной главного героя, их нельзя назвать непогрешимыми.

С одной стороны, на период правления Долорес приходятся три научные революции и исследование новых территорий. С другой стороны, светоч возглавляла негуманные кампании переселения и совершала военные преступления [7]. На противоречивость Долорес Деи в историческом контексте намекает ее икона, обладающая рядом комплементарных сочетаний цветов. Субъективная амбивалентность отражается в отношении Гарри Дюбуа к Доре. В его сознании навсегда запечатлена любившая его «святая». Но с уходом возлюбленной появляется обвиняющая скорбь, которую он вкладывает в мизогинные высказывания о женщинах [7]. Эти противоречащие чувства главный герой соотносит с амбивалентными гранями образа Долорес Деи – непорочностью и жестокостью.

«Disco Elysium – The Final Cut» – пример современного произведения, переосмысляющего древний образ Невинной Девы в непривычном для него контексте. Репрезентация архетипа в видеоигровом нарративе сочетается с его постепенной трансформацией непогрешимого образа в образ объективно и субъективно амбивалентный, многогранный.

Библиографический список

1. Аверинцев С.С. Архетипы // Мифы народов мира. Т. 1. М.: Советская энциклопедия, 1980. С. 110–111.

2. Ананьев А.Ф., Лебединский И.И., Яснецкий И.С. Полный латинский словарь, составленный по современным латинским словарям Ананьевым, Яснецким и Лебединским. М.: тип. Каткова, 1862. 896 с.
3. Жанровая палитра зарубежной литературы: коллективная монография. М.: Языки народов мира, 2025. 265 с.
4. Филиппова Т. Н., Шеминова Н. В. Сколько имен у Девы Марии? // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2018. №. 2. С. 106–108.
5. Фридан Б. Загадка женственности. М.: Прогресс, 1994. 496 с.
6. Bainvel J. Devotion to the Immaculate Heart of Mary // The Catholic Encyclopedia, 1910. URL: <https://www.newadvent.org/cathen/07168a.htm> (дата обращения: 29.03.2026)
7. Disco Elysium – The Final Cut // Steam, 2021. URL: https://store.steampowered.com/app/632470/Disco_Elysium_The_Final_Cut/ (дата обращения: 28.03.2026).

ДЕКОНСТРУКЦИЯ ОБРАЗА ВРАГА: РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ НЕМЕЦКОГО СОЛДАТА ВО ФРАНЦУЗСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XXI ВЕКА

DECONSTRUCTION OF THE ENEMY IMAGE: REPRESENTATION OF THE GERMAN SOLDIER IN 21ST-CENTURY FRENCH LITERATURE

П.А. Мульц

P.A. Mults

Научный руководитель И.Г. Прудюс
Scientific adviser I.G. Prudius

Юлия Бийе, Клер Фовель, графический роман, образ врага, современная французская литература.

В статье анализируется эпизод романа Ю. Бийе «Война Катрин» (“La Guerre de Catherine”, 2012) и одноименного графического романа – адаптации Ю. Бийе и К. Фовель с точки зрения деконструкции образа врага. В результате определены механизмы деконструкции и средства их воплощения в графическом нарративе.

Julia Billet, Claire Fauvel, graphic novel, image of the enemy, contemporary french literature.

The article analyzes an episode of the novel by *Julia Billet* “Catherine’s War” (“La Guerre de Catherine”, 2012) and the graphic novel adaptation of the same name by *Julia Billet and Claire Fauvel* from the point of view of deconstruction of the enemy image. As a result, the mechanisms of deconstruction and the means of their implementation in the graphic narrative are determined.

Современная литература часто обращается к деконструкции образа врага, создавая сложные и неоднозначные произведения [4]. Социолог Д.А. Лушников связывает процесс переосмысления этого образа с концепцией деконструкции Ж. Деррида [5, с. 138]. Ж. Деррида определял деконструкцию как «событие», «переворачивающее» привычные бинарные оппозиции [3, с. 375]. Применительно к нашему анализу деконструкция заключается в разрушении бинарной оппозиции «свой» – «чужой» и в регуманизации врага.

Материалом для анализа стал роман современной французской писательницы Ю. Бийе «Война Катрин» и одноименный графический роман – адаптация [6], созданный Ю. Бийе в соавторстве с художницей К. Фовель. Согласно исследователям М. Г. Меркуловой и И. Г. Прудюс, при совместной работе писателя и художника произведение усложняется, поскольку видение художника «основательно дополняет произведение на содержательном, структурном и рецептивном уровнях» [6, с. 164].

Героиня анализируемого романа – еврейская девочка-фотограф Рашель, спасающаяся от немецкой оккупации в годы Второй мировой войны под чужим именем Катрин. Мы обратимся к эпизоду случайной встречи героини с немецким солдатом в фотоателье.

Первая реакция Катрин естественна: потеря чувства безопасности, гнев и страх, что проявляется на уровне физиологических и психологических реакций

героини («я замерла», «руки у меня дрожали», «не время привлекать к себе внимание» и др. [1, с. 146–148]). Д. А. Лушников пишет, что враг должен быть стереотипизирован и деперсонифицирован [5, с. 30], именно это мы и наблюдаем: Катрин определяет стоящего перед ней человека не как личность, а как прямой источник угрозы и часть коллективного врага («бош», «один из тех, кто отправляет евреев неведомо куда» [1, с. 146]), формулирует прямую оппозицию «свой – чужой» («Перед тобой не Пингвин, а немец» [там же]).

Однако солдат заинтересован ее фотоаппаратом, он завязывает диалог, делится своей мечтой о съемке фильма, предстает уязвимым и «подобным». Образ врага перестает быть обезличенным, деконструкция начинается с обнаружения «общечеловеческих» черт (интерес к искусству, мечты, уязвимость). В графической адаптации эта сцена повторяется [2, с. 96–97]. К. Фовель выделяет появление солдата отсутствием привычных рамки и фона, подчеркивая его «вторжение» в безопасное пространство фотоателье. Последующий крупный план униформы предстает как визуальный маркер обезличенного, стереотипного врага. Подобно «вторжению» солдата отсутствием рамки выделяется кадр, передающий физическое волнение Катрин. Таким образом, визуальный язык тоже работает на деконструкцию – границы рушатся не только в сознании героини, но и на визуальном уровне.

На следующий день Катрин получает от солдата предупреждение об опасности и записку. В графическом романе эта сцена [2, с. 99] представлена крупными планами записки и поднятого к небу лица Катрин, «встроенными» в общую панель с пейзажем, который героиня покидает – так художница подчеркивает значимость эпизода. Поступок солдата приводит Катрин к осознанию сложности происходящего («Не все немцы хотят воевать» [2, с. 99]) и обретению надежды. Так происходит окончательный этап «регуманизации», абстрактный враг становится личностью, а оппозиция «свой» – «чужой» переворачивается, поскольку «враг» оказывается способен на проявление заботы о других, выражение своих чувств через искусство, а самое главное – он оказывается выше войны и идеологии.

Таким образом, процесс деконструкции образа врага в романе передан через внутренний монолог героини, фиксацию ее физиологических и психологических реакций, а в графическом нарративе с помощью «безрамочных» кадров и чередования крупных и средних планов, передающих нестабильность границ между «своим» и «чужим» и их постепенное преодоление.

Библиографический список

1. Бийе Ю. Война Катрин. / Пер. с фр. М. Кожевниковой, Е. Кожевниковой. М.: Самокат, 2021. 240 с.
2. Бийе Ю., Фовель К. Война Катрин / пер. с фр. Е. Кожевниковой. М.: Самокат, 2022. 168 с.
3. Деррида Ж. Поля философии / пер. с фр. Д. Кралечкина. М.: Академический Проект, 2012. 376 с.
4. Жанровая палитра зарубежной литературы: коллективная монография. М.: Языки народов мира, 2025. 270 с.
5. Лушников Д.А. Образ врага: технологии конструирования и деконструкции. Ставрополь: Изд-во СКФУ, 2023. 271 с.
6. Меркулова М.Г., Прудиус И.Г. Графический роман – адаптация: к определению субжанра (на материале франко- и англоязычных текстов) // Научный диалог. 2024. Т. 13. № 6. С. 250–265.

РЕЦЕПЦИЯ РОМАНА Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО В СОВРЕМЕННОМ ГРАФИЧЕСКОМ РОМАНЕ: ВИЗУАЛЬНАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ДВОЙНИЧЕСТВА (РАСКОЛЬНИКОВ И СВИДРИГАЙЛОВ) В РАБОТАХ БАСТЬЕНА ЛУКИА

THE RECEPTION OF F.M. DOSTOEVSKY'S NOVEL
IN THE CONTEMPORARY GRAPHIC NOVEL:
A VISUAL INTERPRETATION OF DOUBLING
(RASKOLNIKOV AND SVIDRIGAILOV)
IN THE WORKS OF BASTIEN LOUKIA

Т.О. Обручева

T.O. Obrucheva

Научный руководитель И.Г. Прудюс
Scientific adviser I.G. Prudius

«Преступление и наказание», графический роман, Бастьен Лукиа, двойничество, визуальная интерпретация, лиминальное пространство, хронотоп.

В данной статье на материале графического романа Бастьена Лукиа «Преступление и наказание» (2019) анализируется визуальная интерпретация двойничества Раскольникова и Свидригайлова. Делается вывод о том, что Лукиа создает образ Свидригайлова как «паразитического» двойника, подчеркивая как сходство героев, так и их принципиальное различие в способности к нравственному воскрешению.

«Crime and Punishment», graphic novel, Bastien Loukia, doubling, visual interpretation, liminal space, chronotope.

This article analyzes the visual interpretation of the doubling of Raskolnikov and Svidrigailov based on the graphic novel “Crime and Punishment” (2019) by Bastien Loukia. It concludes that Loukia creates an image of Svidrigailov as a “parasitic” double, emphasizing both the similarity of the characters and their fundamental difference in the capacity for moral resurrection.

Роман «Преступление и наказание» Ф.М. Достоевского часто становился материалом для визуальных адаптаций. В настоящем исследовании на материале графического романа современного художника Бастьена Лукиа «Преступление и наказание» (2019) анализируется визуальная интерпретация двойничества Раскольникова и Свидригайлова.

Переводчица и исследовательница графических нарративов М.К. Скаф считает, что визуальная литература построена на «комбинации двух уровней коммуникации: визуальной и вербальной, которые воздействуют на читателя-зрителя одновременно и взаимосвязанно» [3, с. 64].

М.Г. Меркулова и И.Г. Прудюс определяют графический роман как жанр, который наследует специфику комикса в виде взаимодействия текста и изображения, но, вместе с тем, наследует и основные характеристики романа

как литературного жанра [1, с. 3379]. Опираясь на предложенную ими классификацию, можно отнести произведение Б. Лукиа к интеллектуальному виду графического романа-адаптации [2, с. 252].

Первое появление Свидригайлова происходит в главе «Двойник», что сразу обозначает читателю-зрителю, кто именно является двойником [4, с. 96]. Важной деталью является зеркало, висящее на стене комнаты Родиона Раскольникова. После того, как Родион подходит к зеркалу, панели меняют свою прямоугольную форму на овальную, по форме зеркала. Именно в этих овальных панелях оказывается приближенное лицо Аркадия Свидригайлова [4, с. 98]. По окончании разговора «камера» вновь отдаляется, панели возвращаются к исходной прямоугольной форме, но перед зеркалом стоит уже не Раскольников, а именно Свидригайлов. Таким образом, зеркало выполняет функцию лиминального пространства, через которое Б. Лукиа визуализирует идею мистического родства героев, связанных общим преступлением.

Второе появление Аркадия Свидригайлова в графическом романе-адаптации происходит в главе «Воскрешение». В финале разговора, где Родион обещает Соне рассказать, кто убил Лизавету, взгляд читателя-зрителя приближается к замочной скважине, за которой оказывается Аркадий Свидригайлов [4, с. 112]. Замочная скважина здесь также несет в себе функцию порогового пространства. Физически Свидригайлов не переступает через этот порог, но его взгляд проникает в сокровенное, что позволяет художнику визуализировать двойничество как ассиметричную связь.

В главе «Униженные» Лукиа трансформирует хронотоп оригинала: параллельные диалоги (Раскольников с Порфирием, Свидригайлов с Дуней) сводятся в общую панель, где выстрел Дуни в Свидригайлова накладывается на лицо Раскольникова в момент разоблачения прокурором. Пространственная и временная дистанция стирается. Визуальные дублеты (слезы героев) подчеркивают сходство, но противопоставляют эмоциональный контекст: слезы Раскольникова – надежда на воскрешение, слезы Свидригайлова – отчаяние и самоубийство.

Таким образом, в графическом романе-адаптации Бастьена Лукиа «Преступление и наказание» явление двойничества между Раскольниковым и Свидригайловым получает оригинальную визуальную интерпретацию. Художник трансформирует хронотоп романа Ф. М. Достоевского, реализует в визуальном коде произведения лиминальные пространства, а также использует приемы параллельного монтажа и визуальных дублетов.

Библиографический список

1. Меркулова М.Г., Прудиус И.Г. Жанр графического романа: к постановке проблемы (на материале современных франко- и англоязычных текстов) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2023. Т.16. № 10. С. 3379–3385.
2. Меркулова М.Г., Прудиус И.Г. Графический роман – адаптация: к определению субжанра (на материале франко- и англоязычных текстов) // Научный диалог. 2024. Т. 13. № 6. С. 250–265.
3. Скаф М.К. Традиция последовательного визуального повествования в США: этапы, жанры, поэтика // Детские чтения. 2013. № 2 (4) С. 63–82.
4. Loukia B. Crime et Châtiment. Paris: Éditions Philippe Rey, 2019. 160 p.

ГРАНИЦЫ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО И ДЕМОНИЧЕСКОГО: АНТРОПОЛОГИЯ ЗЛА В ПРОЗЕ О. де БАЛЬЗАКА И Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО

THE BOUNDARIES OF THE HUMAN AND THE DEMONIC:
ANTHROPOLOGY OF EVIL
IN THE PROSE OF O. de BALZAC AND F.M. DOSTOYEVSKY

Ю.А. Петрик

J.A. Petrik

Научный руководитель И.Г. Прудюс
Scientific adviser I.G. Prudius

Зло, сакральное, О. де Бальзак, Ф.М. Достоевский, границы, амбивалентность.

В статье рассматриваются герои цикла романов О. де Бальзака «Человеческая комедия» и романа Ф.М. Достоевского «Бесы», воплощающие демоническое начало, унаследованное из немецкого романтизма. Посредством компаративного анализа с опорой на описанную в работе С.Н. Зенкина «Небожественное сакральное» концепцию Ж.-П. Сартра был сделан вывод о том, что амбивалентная природа человеческой души способна не только принять сторону зла, но и породить всеобщий хаос как следствие отсутствия борьбы героя с демоническим началом.

Evil, the sacred, O. de Balzac, F. M. Dostoevsky, boundaries, ambivalence.

This article examines the characters in O. de Balzac's novel series "The Human Comedy" and F.M. Dostoevsky's novel "The Possessed" who embody the demonic element inherited from German Romanticism. Through a comparative analysis based on Jean-Paul Sartre's concept as described in S.N. Zenkin's work "The Undivine Sacred" the author concludes that the ambivalent nature of the human soul is capable not only of siding with evil but also of giving rise to universal chaos as a consequence of the hero's lack of struggle against the demonic element.

В книге «Небожественное сакральное» (2014) С.Н. Зенкин рассматривает концепцию французского писателя и философа Жана-Поля Сартра, неоднократно обращавшегося к термину *сакрального*. По одному из предположений автора, Ж.-П. Сартр определяет сакральное как некоторую «силу» [5, с. 341] и выделяет два ее признака: «амбивалентность, из-за чего сакральными являются и святость и скверна», и «стихийность» – «родство с яростными силами» [5, с. 342].

О. де Бальзак и Ф. М. Достоевский создают типологических двойников Фауста и Мефистофеля в своих произведениях: Люсьен Шардон и каторжник Вотрен в цикле романов «Человеческая комедия», Николай Ставрогин и Петр Верховенский в романе «Бесы».

Герой романа «Утраченные иллюзии» (1843) – Люсьен, обладает ярко выраженной двойственностью: «совершенство античной красоты» лица сочетается с «женским строением бедер» «как <...> у большинства лукавых, чтобы не сказать

коварных, мужчин» [1]. Духовно Люсьен развращен: «с равной легкостью переходил он от зла к добру и от добра к злу» [1]. В романе «Бесы» (1872) портрет Ставрогина также характеризуется амбивалентностью: «писанный красавец, а в то же время как будто и отвратителен» [3]. Ставрогин, как и Люсьен, порочен; герой Бальзака теряет мораль посредством достижения цели, герой Достоевского вовсе бесстрастен.

Прозвище каторжника Жака Коллена – «Обмани смерть» [2] характеризует не только прошлое персонажа, но и его роль в жизни Люсьена – он будто обманывает физическую жизнь последнего, сохраняя ее только формально, поскольку душа героя мертва. За внешним безразличием Ставрогина скрывается «холодная, <...> разумная» [3] злоба. Это чувство непоколебимо, оно гармонизирует (в негативном ключе) предприимчивый, но трусливый и нервный характер Верховенского. «Ставрогин называет его [Верховенского] “человеком упорным” и даже “энтузиастом”» [6]. Это качество роднит героя с Вотреном, который тоже является авантюристом, способным использовать непостоянность внешней среды в собственных целях: сбежать из тюрьмы. Сливаясь, характеры героев произведений О. де Бальзака и Ф. М. Достоевского образуют неконтролируемый союз: границы демонического размываются и окончательно лишают героя-Фауста здравого смысла. Духовное падение героя служит точкой невозврата, поскольку только искренняя вера позволяет поддерживать внутреннюю борьбу.

Духовную смерть Люсьена доказывает его отношение к Эстер. Любовь преобразила героиню – она смогла отречься от прошлой греховной жизни, однако Люсьен предает ее. Героиня, исполненная веры, протестует, добровольно уходя из жизни – покидая мир, в котором зло циклично, поскольку в нем она могла бы жить только на правах куртизанки.

Трудным представляется усмотреть духовную смерть Ставрогина, поскольку мы не видели в его фигуре ни одного обнадеживающего благородного побуждения, как у Люсьена: он обладает поэтическим даром, что говорит о чувствительной и тонкой душе. Ставрогин никогда не испытывает страха, в отличие от постоянно эмоционально-напряженного Люсьена. Но в последней главе романа – «У Тихона», после эпизода, связанного с Матрешей, Ставрогин говорит: «Я никогда не чувствовал страха и, кроме этого случая в моей жизни, ни прежде, ни после ничего не боялся» [3].

Образ ребенка символизирует духовную чистоту и добро – то, что недоступно герою типа Ставрогина, он посягает на святость, сосредоточенную в лице маленькой девочки, и преобразует ее в скверну.

Таким образом, миром завладевает зло, главенствуют цинизм и подлость, а ценность человеческой жизни снижается до предела. Герои не ведут борьбу с демоническим, порожденным искушением и вседозволенностью. Герой зла утрачивает потенциал реализации порочных действий и направляет демоническое начало на самого себя – совершает самоубийство, которое при этом не нейтрализует возникший хаос, а оставляет его в виде запущенного процесса духовного падения общества в целом.

Библиографический список

1. Бальзак О де. Блеск и нищета куртизанок // Электронный ресурс. URL: <https://books.yandex.ru/reader/h7JMaVEA?resource=book> (дата обращения: 12.04.2026).
2. Бальзак О де. Утраченные иллюзии // Электронный ресурс. URL: <https://books.yandex.ru/reader/TxNvMke2?resource=book> (дата обращения: 12.04.2026).
3. Достоевский Ф.М. Бесы // Электронный ресурс. URL: <https://books.yandex.ru/reader/CWUzigfr?resource=book> (дата обращения: 11.04.2026).
4. Жанровая палитра зарубежной литературы: коллективная монография. М.: Языки народов мира, 2025. 265 с.
5. Зенкин С.Н. Небожественное сакральное. М: РГГУ, 2014. 536 с.
6. Назиров Р.Г. Петр Верховенский как эстет // Вопросы литературы. 1979. № 10. С. 231–249.

АНИМИЗМ КАК СПОСОБ МИРОВОСПРИЯТИЯ В РОМАНЕ ДАВИДА ДИОПА «НОЧЬЮ ВСЯ КРОВЬ ЧЕРНАЯ»

ANIMISM AS A WAY OF PERCEIVING THE WORLD IN THE NOVEL “AT NIGHT ALL BLOOD IS BLACK” BY DAVID DIOP

А.Д. Рухлин

A.D. Rukhlin

Научный руководитель Е.А. Куликов
Scientific adviser E.A. Kulikov

Анимизм, мировосприятие, духи предков, миф, Давид Диоп.

Статья посвящена поэтике анимизма как одной из составляющих мифологического мышления в романе Давида Диопа «Ночью вся кровь черная», посвященного событиям Первой мировой войны. Цель работы – определить роль анимизма как способа мировосприятия в романе современного французского писателя.

Animism, worldview, ancestral spirits, myth, David Diop.

The article is devoted to the poetics of animism as one of the components of mythological thinking in David Diop's novel “All the Blood is Black at Night”, dedicated to the events of the First World War. The purpose of the work is to determine the role of animism as a way of world perception in the novel by a modern French writer.

В романе современного французского писателя Давида Диопа (*David Diop, b. 1966*) «Ночью вся кровь черная» (фр. *Frère d'ame*, «Брат по душе») повествуется о судьбе сенегальских стрелков, участвовавших в Первой мировой войне на стороне Франции. Интерес автора к данной теме объясняется его сенегальским происхождением. После публикации в 2018 г. произведение получило Гонкуровскую премию лицеистов [6]. В 2021 г. роман был переведен на английский язык под названием *At Night All Blood Is Black* и затем удостоен премии The Man Booker International Prize [8].

В произведении Д. Диоп перенимает черты *негритюда*, традиции, в рамках которой африканские авторы создавали тексты на французском языке. Это направление осуждало колониализм и проповедовало реабилитацию традиционных африканских ценностей. И важной составляющей таких текстов было обожествление предков [3, с. 65], восходящее корнями к мифологическому мышлению; фундаментом для культа предков являлся анимизм.

Исследователь первобытных культур Э. Тайлор рассматривал анимизм как «глубоко присущее человеку учение о духовных существах, которое служит воплощением сущности спиритуалистической философии в противовес материалистической» [4, с. 211]. Анимизм разветвляется на две составляющих, формирующих единое целое: на души отдельных существ, продолжающих жизнь после смерти, и на остальных духов [4].

К первому типу можно отнести духи предков. Культ предков является своего рода идеальным воплощением родства. Почитание умерших родственников у западноафриканских народов было основным проявлением религиозных верований в традиционных обществах, основанных на родоплеменной организации [2, с. 91]. С помощью духов африканцы могли комментировать общественное поведение, высмеивать чьи-либо пороки или вовсе давать выход чувствам страха, ненависти и разочарования [7, с. 181]. Кроме того, духи предков выступали воплощением социального контроля за поведением людей. Основой традиционной нормы жизни и поведения является представление о том, что предки могут наказывать нарушителей [5, с. 107]. Следовательно, культ предков является социально ориентированным воплощением анимистических представлений.

Влияние предков на поведение главного героя романа «Ночью вся кровь черная» Альфы Ндие мы видим в эпизоде гибели его лучшего друга Мадембы Диопа. Последний был смертельно ранен и просил добить его, потому что не мог выдержать мучений. Альфа не смог пойти на это, потому что прислушался к голосам предков: «<...> именно ради того, чтобы не переступить людских законов, законов наших предков, я не сжалился над Мадембой и позволил Мадембе, моему больше чем брату, моему другу детства, умирать с глазами, полными слез» [1, с. 12]. Несмотря на то, что это могло облегчить страдание его друга, такой поступок стал бы настоящим преступлением против привычных правил поведения. Стоит отметить, что и после гибели друга главный герой романа чувствовал с ним связь: «У нас по-прежнему остается родство душ и одинаковая любовь к шутке» [1, с. 117].

Гибель Мадембы Диопа становится причиной, по которой в сознании Альфы происходит слом традиционных устоев. Он отказывается слушать предков и решает «думать самостоятельно». Он решает, что правильным поступком было бы убийство Мадембы, потому что тот просил об этом. Этот момент демонстрирует влияние военных условий на сознание человека посредством нанесения тому травмы. Война, которая ведется с помощью технологических средств (порохового оружия, танков, артиллерии), вступает в конфликт с первобытными представлениями главного героя и давит на его сознание. Альфа принимает решение мстить немцам за гибель своего друга. Но с помощью мести он определенным образом просит прощения у Мадембы, так как делает для врага то, что не смог сделать для друга. И здесь уже Альфе не препятствуют никакие социальные установки: «Ни один голос не раздался у меня в голове <...> голоса моих родителей замолкли, когда я задумал сделать то, что в конце концов сделал» [1, с. 10].

Таким образом, Д. Диоп трансформирует традицию негритюда, поскольку вместо обожествления и почитания предков происходит отказ главного героя от этого принципа. Альфа Ндие выбирает индивидуальный путь. Автор показывает разрушительность войны не только на физическом уровне (гибель друга Альфы), но и на психологическом. Травма способна кардинально поменять мировосприятие героя, заставить его перестать слушать предков и стать одержимым идеей мести.

Библиографический список

1. Диоп Д. Ночью вся кровь черная / пер. с фр. С. Васильевой. М.: Эксмо, 2022. 160 с.
2. История Африки в XIX – начале XX в. / под ред. А.С. Орловой. М.: «Наука», 1967. 496 с.
3. Найденова Н.С. Становление литературы Тропической Африки на французском языке и влияние на нее концепции негритюда // Вестник РУДН: Серия Теория языка, семиотика, семантика, 2012. № 1. С. 64–68.
4. Тайлор Э.Б. Первобытная культура. М.: Политиздат, 1989. 573 с.
5. Традиционные культуры африканских народов: прошлое и настоящее. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2000. 271 с.
6. Le 38ème Goncourt des Lycéens // Académie Goncourt. URL: <https://www.academiegoncourt.com/goncourt-des-lyceens> (дата обращения: 25.02.2026).
7. Mbiti J.S. Introduction to African Religion. London: Heinemann Educational, 1975. 212 p.
8. The International Booker Prize 2021 // The Booker Prizes. URL: <https://thebookerprizes.com/the-booker-library/prize-years/international/2021> (дата обращения: 25.02.2026).

ТРАНСФОРМАЦИЯ АРХЕТИПА: ЭВОЛЮЦИЯ ОБРАЗА ЦИРЦЕИ ОТ ГОМЕРОВСКОЙ «ОДИССЕИ» К СОВРЕМЕННЫМ НАРРАТИВАМ (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ М. МИЛЛЕР, Х. РИВЕРА-ЭРРАНСА)

TRANSFORMATION OF THE ARCHETYPE:
THE EVOLUTION OF CIRCE'S IMAGE
FROM HOMER'S ODYSSEY TO MODERN NARRATIVES
(BASED ON THE WORKS OF M. MILLER, J. RIVERA-HERRAN)

А.А. Чаусенко

A.A. Chausenko

Научный руководитель И.Г. Прудюс
Scientific adviser I.G. Prudius

Метамодернизм, художественная рецепция, интермедialная адаптация, Цирцея, Миллер, Ривера-Эрранс.

В статье рассматривается трансформация образа Цирцеи в современном искусстве на примере романа М. Миллер «Цирцея» и мюзикла Х. Ривера-Эрранса «Epic: the Musical». Анализируется, как введение мотива насилия и травмы позволяет переосмыслить мифологический образ. Доказывается, что реинтерпретация образа Цирцеи осуществляется в соответствии с принципами метамодернистской парадигмы.

Metamodernism, aesthetic reception, intermediate adaptation, Circe, Miller, Rivera-Errance.

The article examines the transformation of the image of Circe in modern art using the example of Madeleine Miller's novel *Circe* and Jorge Rivera-Erranza's musical «Epic: the Musical». The article analyzes how the introduction of the motive of violence and trauma allows rethinking the mythological image. It is argued that the reinterpretation of the image of Circe is carried out in accordance with the principles of the metamodernist paradigm.

Древние формы и содержание античной литературы оказываются востребованными в современном литературном процессе [1]. Это следствие многовекового усвоения Европой античного наследия в области искусства [2]. Женский мифологический образ в мировом искусстве вышел на первый план относительно недавно. Феминистическая модель рецепции [2], заложенная немецкой писательницей К. Вольф в конце XX столетия, в XXI веке обрела закономерное развитие в «Пенелопиаде» М. Этвуд, «Безмолвии девушек» П. Баркер и «Цирцее» М. Миллер.

Цирцея у М. Миллер – комплексный персонаж, исследующий свою идентичность. В отличие от дарованной свыше божественной силы, магия Цирцеи

требует труда и настойчивости. Героиня осознает жестокость мира, в котором живет: боги у Миллер лишены сочувствия (эпизод смерти Ариадны: «Он <Дионис> явился слишком поздно... Артемида убила ее... Я так и не добился от Артемиды прямого ответа... Чем-то там Ариадна ее обидела...» [4]). Цирцея приходит к выводу, что именно уязвимость и конечность существования делают жизнь осмысленной. Решение отказаться от бессмертия ради смертной жизни с Телемахом становится актом обретения подлинной свободы.

Миф о превращении мужчин в свиней получает у М. Миллер новую интерпретацию. В романе героиня прибегает к колдовству в целях самозащиты [8]: мужчины, которым она предложила кров и еду, нападают на нее и подвергают насилию. Превращая их в свиней, она не только мстит, но и отвоевывает контроль над своей безопасностью и телом [4].

М. Миллер не остановилась на переосмыслении образа Цирцеи – она подвергает трансформации других персонажей греческой мифологии [3] и захватывает разные эпохи античного мифа, не ограничиваясь «Одиссеей». Дедал, Ариадна, Медея предстают в новом свете, утрачивая статус «недостижимости». Герои древних мифов становятся близкими и понятными современному читателю [5]. Такой акцентный сдвиг характерен для метамодерна [6].

Обратимся к образу колдуньи в интермедийальной адаптации Х. Ривера-Эрранса «*Epic: the musical*». Как и у Гомера, у М. Миллер, Одиссей встречается с колдуньей после того, как она превратила его товарищей в свиней. В процессе общения становится ясно, что нимфы Цирцеи стали объектами насилия: «*My nymphs are like my daughters / I protect them at all costs / The last time we've let strangers live / We faced a heavy loss... But everyone's true colours / Are revealed in acts of lust*» [7]. Цирцея в мюзикле – властная богиня, она контролирует ситуацию, несмотря на силу корня моли. Далее ее образ раскрывается с перспективы ее власти и превосходства, единственное, что спасает Одиссея – ее расположение к нему. В тексте важен намек на предысторию героини, которая подробно описана у М. Миллер, а именно связь Цирцеи с морским богом Главком (существует версия мифа о связи Цирцеи с богом Пикусом): «*I remember actions of passion / I have been in love once before*» [7]. Неясно, к какому мифу обращается Х. Ривера-Эрранс, значение имеет сам факт любви – Цирцея в мюзикле становится человеческой.

Таким образом, оба автора вводят мотив насилия как ключ к объяснению «злодейств» Цирцеи. В обеих версиях ее магия предстает как акт самозащиты или мести за нарушенные границы. Оба произведения гуманизируют Цирцею, наделяя ее историю конкретным прошлым, также героиня действует, исходя из собственного морального выбора. Главное различие лежит в степени психологизма и властности ее образа.

Библиографический список

1. Жанровая палитра зарубежной литературы: коллективная монография. М.: Языки Народов Мира, 2025. 265 с.

2. Забудская Я.Л. Древнегреческая трагедия и современный литературный процесс // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2022. № 3. С. 89–96.
3. Костенко И.В., Бабина К.А. Трансформация классического художественного текста как феномен современной массовой литературы // МедиаВектор. 2023. № 8. С. 49–52.
4. Миллер М. Цирцея / Пер. с англ. Л. Трониной. М.: АСТ: CORPUS, 2023. 432 с.
5. Нестер Н.В. Восприятие образа Патрокла в романе М. Миллер «Песнь Ахилла» // Вестник Полоцкого госуд. ун-та. Гуманитарные науки. 2025. № 2(74). С. 24–28.
6. Prudius I.G. The reception of Sophocles' creation in the Jean Anouilh's dramaturgy // Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences. 2014. Vol. 7. № 5. P. 847–853.
7. Rivera-Herrans J. EPIC: The Musical Lyrics // GENIUS.com. 2024. URL: <https://genius.com/albums/Jorge-rivera-herrans/Epic-the-musical> (дата обращения: 10.04.2026)
8. Tanner M. Circe: Feminism in the Greek Goddess-Witch. URL: <https://iu.pressbooks.pub/celeb2022/chapter/mathea-tanner/> (дата обращения: 10.04.2026).

ПОДРОСТКОВОЕ ЧТЕНИЕ И ТЕНДЕНЦИИ
СОВРЕМЕННОГО
ЛИТЕРАТУРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

ОПЫТ СОЗДАНИЯ ГРАФИЧЕСКОГО ПУТЕВОДИТЕЛЯ ВО ВНЕУРОЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В 7–8 КЛАССАХ (НА МАТЕРИАЛЕ РАССКАЗА Т. КАПОТЕ «ВОСПОМИНАНИЯ ОБ ОДНОМ РОЖДЕСТВЕ»)

THE EXPERIENCE OF CREATING A GRAPHIC GUIDEBOOK IN EXTRACURRICULAR ACTIVITIES IN GRADES 7–8 (BASED ON T. CAPOTE’S SHORT STORY “A CHRISTMAS MEMORY”)

М.В. Моцаренко

M.V. Motsarenko

*Научный руководитель Т.А. Полуэктова
Scientific adviser T.A. Poluektova*

Внеурочная деятельность, графический комментарий, графический путеводитель, Труден Капоте, рождественский рассказ.

В данной статье рассматривается возможность использования технологии проектной деятельности и приема создания графического путеводителя во внеурочной деятельности в 7–8 классах на материале рассказа Т. Капоте «Воспоминания об одном Рождестве». Описывается опыт моделирования и апробации внеурочных занятий по изучению поэтики жанра рождественского рассказа с применением традиционных и инновационных технологий и приемов.

Extracurricular activities, graphic commentary, graphic guide, Truman Capote, Christmas story.

This article examines the possibility of using the technology of project activity and the method of creating a graphic guide in extracurricular activities in grades 7–8 based on the story of T. Capote “A Christmas Memory”. The article describes the experience of modeling and testing extracurricular activities to study the poetics of the genre of the Christmas story using traditional and innovative technologies and techniques.

Современная методика преподавания литературы ставит перед собой актуальный вопрос об обучении через деятельность самих обучающихся. В связи с этим особое внимание уделяется технологии проектной деятельности, ориентированной на самостоятельную деятельность учащихся – индивидуальную, парную, групповую, которую они выполняют в течение определенного отрезка времени. Технология проектной деятельности, как и избранный нами прием создания графического путеводителя, предполагает решение какой-то проблемы и согласуется с принципом наглядности [3].

Графический путеводитель – это «новый тип освоения классического текста, сочетающий в себе графический роман и реальный и историко-литературный комментарий» [4; 2]. Технология работы по созданию графического путеводителя соответствует принципу развития читательской грамотности [1].

При организации занятия по внеурочной деятельности мы реализовали прием создания графического путеводаителя в рамках следующих этапов: 1) перечитывание текста с новой задачей – создать макет будущего графического путеводаителя; 2) разделение текста на смысловые композиционные части, что позволяет вновь обращаться к тексту и осмысливать его с позиции представления в новом продукте; 3) определение в тексте важных эпизодов, ключевых предложений для отражения их в графическом путеводеителе; 4) разработка концепции будущего графического путеводаителя; 5) поиск дополнительной культуроведческой, историко-литературной информации; 6) создание иллюстраций, наиболее соответствующих образному представлению обучающихся о событиях, описываемых в произведении; 7) воплощение идеи; 8) первичный просмотр и редактирование; 9) презентация графического путеводаителя.

В ходе исследования нами была разработана система внеурочных занятий: первый урок проводился с использованием традиционного репродуктивного метода в форме лекции, посвященной природе филологического комментария и его видам (текстовый и графический), а также теории жанра рождественского рассказа; эвристический метод был реализован в рамках организации самостоятельной групповой работы по карточкам с заданиями; остальные уроки выстраивались на основе технологии проектной деятельности с использованием приема создания графического путеводаителя, на котором ведущей была поисково-исследовательская и творческая деятельность учеников.

Нами были разработаны методические рекомендации, которые, возможно, станут подспорьем для учителя литературы при разработке уроков с использованием технологии проектной деятельности и приема создания графического путеводаителя:

1. Выберите художественный текст, на основе которого будете создавать графический путеводаитель.

2. Прочитайте произведение.

3. Выберите не менее 5 аспектов, которые хотели бы отразить в графическом путеводеителе. Ответьте на вопросы и выполните задания.

Например, *«Информация о произведении»*: Найдите информацию о писателе (Трумен Капоте): краткая биография, несколько его произведений. Разделите текст на смысловые части и составьте краткое содержание рассказа. Как воплощается схема «хаос – чудо – гармония»? Приведите примеры из текста. *«Сведения об эпохе»*: Какое событие описывается в рассказе? Какова традиция празднования Рождества в США – родине писателя? *«Описание быта»*: Есть ли в рассказе образ ребенка, образ матери, образ рождественской елки, образ рождественского пирога и другие образы, характерные для Рождества? Опишите найденные образы, опираясь на текст? Приведите примеры их описания из текста. Что каждый образ может означать?

4. Сделайте план размещения текста и изображений на чистом листе.

5. Занесите ответы на вопросы в графический путеводаитель, используя разные шрифты, рисунки, инфографику, которые отражают эпоху.

6. Объедините все блоки графического путеводаителя в одной папке.
7. Напишите аннотацию к вашему графическому путеводуителю.
8. Представьте вашу работу.

Апробация показала, что внеурочные занятия с применением технологии проектной деятельности и приема создания графического путеводаителя продемонстрировали высокую эффективность и продуктивность, так как обучающиеся научились создавать графический путеводаитель, анализировать художественный текст с точки зрения его жанровой природы, отбирать важную для работы информацию, выполнять поиск информации, используя дополнительные источники, а также гармонично соединять текст и изображение при создании графического путеводаителя. Кроме того, это позволяет привлечь внимание к художественным произведениям, которые не изучаются в школьном курсе на уроках литературы.

Библиографический список

1. Карпов И.П. Словарь авторологических терминов. Йошкар-Ола: Мар. гос. ун-т, 2012. 212 с.
2. Олейников А. Онегин. Графический путеводаитель: для среднего и старшего школьного возраста; ил. Натальи Яскиной. 4-е изд. М.: Самокат, 2024. 128 с.
3. Томюк О.Н., Филоненко И.А. Проектная деятельность как условие развития личности школьников // Современные проблемы образования: сб. науч. ст. Екатеринбург: Издательский дом «Ажур», 2014. С. 30–33.
4. Черняк М.А., Цветкова Е.Г. Графический путеводаитель как новый способ диалога с классическим текстом // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2021. № 7. С. 78–84.

ВОСПИТАНИЕ ПАТРИОТИЗМА У ПОДРОСТКОВ СРЕДСТВАМИ ЛИТЕРАТУРНО-МУЗЫКАЛЬНОГО ИСКУССТВА НА ОСНОВЕ ИНТЕГРАЦИИ ЭМОЦИОНАЛЬНО-ОБРАЗНОГО И ЛИЧНОСТНО-ДЕЯТЕЛЬНОСТНОГО ПОДХОДОВ

PATRIOTIC EDUCATION OF ADOLESCENTS
BY MEANS OF LITERARY AND MUSICAL ART
BASED ON THE INTEGRATION OF EMOTIONAL-IMAGINATIVE
AND PERSONAL-ACTIVITY APPROACHES

О.Н. Прозоркин

O.N. Prozorkin

Научный руководитель С.П. Васильева
Scientific supervisor S.P. Vasilyeva

Патриотическое воспитание, подростки, литературно-музыкальное искусство, эмоционально-образный подход, личностно-деятельностный подход, педагогический проект.

Статья посвящена проектированию комплекса воспитательных мероприятий, направленных на формирование патриотизма у подростков средствами литературно-музыкального искусства. Теоретическую основу составляют интеграция эмоционально-образного (Л.С. Выготский, А.В. Запорожец, О.И. Никифорова) и личностно-деятельностного (А.Н. Леонтьев, И.А. Зимняя) подходов. Центральный элемент комплекса – авторская литературно-музыкальная программа «Весна Победы – радость поколений», объединяющая конкурс чтецов, конкурс рисунков, музейное занятие, встречу с детьми войны и возложение цветов к мемориалу. Описан диагностический инструментарий. Исследование находится на этапе проектирования; апробация запланирована на 2027 год.

Patriotic education, adolescents, literary and musical art, emotional-figurative approach, personal-activity approach, pedagogical project.

The article is devoted to the design of a set of educational activities aimed at fostering patriotism in adolescents through literary and musical art. The theoretical basis is the integration of emotional-figurative (L.S. Vygotsky, A.V. Zaporozhets, O.I. Nikiforova) and personal-activity (A.N. Leontiev, I.A. Zimnyaya) approaches. The central element is the author's literary and musical program "Spring of Victory – Joy of Generations", which combines a recitation contest, a drawing contest, a museum lesson, a meeting with children of the war, and a flower-laying ceremony. The diagnostic toolkit is described. The research is at the design stage; approbation is planned for 2027.

АКТУАЛЬНОСТЬ обусловлена необходимостью поиска неформальных подходов к патриотическому воспитанию подростков. Традиционные методы часто не достигают цели, не учитывая психологические особенности поколения. Средства искусства, синтез литературы и музыки, обладают мощным воспитательным потенциалом, требующим целенаправленного педагогического проектирования [6].

Теоретико-методологическую базу составляют два подхода. *Эмоционально-образный* (Л.С. Выготский [1], А.В. Запорожец [2], О.И. Никифорова [5]) предполагает воспитательный эффект через проживание художественных образов. *Личностно-деятельностный* (А.Н. Леонтьев [4], И.А. Зимняя [3]) ориентирует на включение подростков в активную деятельность. Интеграция подходов соединяет эмоциональное воздействие с присвоением ценностей.

Проектируемый комплекс разработан в рамках магистерского исследования. Центральный элемент – авторская литературно-музыкальная программа «Весна Победы – радость поколений». Ей предшествуют: педагогический проект «Голос Памяти» (конкурс чтецов), конкурс рисунков «Весна Победы», посещение музея «Мемориал Победы», классные часы, встреча с детьми войны (круглый стол), возложение цветов к мемориалу. Логическая цепочка обеспечивает преемственность и накопление воспитательного эффекта.

Диагностический инструментарий включает анкетирование, ассоциативный эксперимент, анализ творческих работ (рисунки, отзывы). Диагностика проводится до и после участия в мероприятиях.

Ожидаемые результаты. Предполагается положительная динамика в понимании патриотизма как деятельной любви к Родине, основанной на уважении к исторической памяти. Разработанная модель интеграции музейного занятия, классных часов, концертной программы и ритуального действия представляет собой готовый сценарий воспитательного комплекса.

Заключение. Проект, основанный на интеграции эмоционально-образного и личностно-деятельностного подходов, позволяет рассматривать литературно-музыкальное искусство как действенное средство воспитания патриотизма у подростков. Апробация запланирована на май 2027 года.

Библиографический список

1. Выготский Л.С. Психология искусства. 3-е изд. М.: Искусство, 1986. 572 с.
2. Запорожец А.В. Развитие социальных эмоций у детей дошкольного возраста / под ред. А.В. Запорожца, Я.З. Неверович. М.: Педагогика, 1986. 173 с.
3. Зимняя И.А. Педагогическая психология: учебник для вузов. 2-е изд., доп., испр. и перераб. М.: Логос, 2001. 383 с.
4. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Смысл; Академия, 2004. 345 с.
5. Никифорова О.И. Восприятие художественной литературы школьниками. М.: Учпедгиз, 1959. 207 с.
6. Предтеченская Л.М. Литературно-музыкальные композиции как средство воспитания школьников // Искусство и образование. 2020. № 3. С. 72–78.

БИОГРАФИЯ УЧЕНОГО

УЧЕНЫЙ, ПРЕПОДАВАТЕЛЬ И ЧЕЛОВЕК – НАТАЛЬЯ АБРАМОВНА ЦОМАКИОН (ОЛЬШТЕЙН) (1910–1981)

SCIENTIST, TEACHER, AND PERSON – NATALIA ABRAMOVNA TSOMAKION (OLSHTTEIN) (1910–1981)

*Любовь не передать словами, в них наши чувства не вложить.
Спасибо, Вам за то, что были с нами, за то, что нас учили жить.*
(из книги выпускницы историко-филологического факультета В.М. Перебоевой
По волнам моей памяти: автобиографическая повесть о студенческих годах).

Наталья Абрамовна Цомакион (Ольштейн) родилась 6 апреля 1910 года в Харькове. Выросла в семье, где революционная борьба была смыслом жизни. Ее отец за участие в волнениях 1905 года был выслан в административную ссылку. Позднее он работал на ответственных постах. В семье сложилась прекрасная традиция – неодолимая тяга к знаниям.

Среднюю школу и педагогический институт Наталья Абрамовна закончила в Баку. После этого она работала в школе учителем русского и французского языков и директором. Некоторое время являлась сотрудником Академии педагогических наук Азербайджана (Приложение 1).

В 1938 году Н.А. Ольштейн направили в аспирантуру в Московский институт филологии, литературы и истории им. Н.Г. Чернышевского¹. До 1941 года она училась в аспирантуре при кафедре славянорусского языкознания.

Научным руководителем в аспирантуре у Натальи Абрамовны был член-корреспондент АН СССР (1958), ученый с мировым именем, выдающийся языковед Рубен Иванович Аванесов (Приложение 2).

Диссертацию Н.А. Ольштейн защитила в 1943 году в Азербайджанском педагогическом институте, где работала после аспирантуры (1942–1944) преподавателем русского языка в должности доцента. В 1944 году Н.А. Ольштейн приехала в Красноярск и в сентябре была зачислена в штат Красноярского государственного педагогического института на кафедру русского языка. Она читала курсы старославянского языка, диалектологии, истории русского литературного языка, спецкурсы по болгарскому языку, сравнительной грамматике славянских языков, сибирской диалектологии, руководила курсовыми работами, докладами на спецсеминарах, вела аспирантов.

В 1948 году под руководством Н.А. Цомакион (Ольштейн) была проведена первая диалектологическая экспедиция на север Красноярского края², принимались ею и единоличные поездки. Попасть в нужное место было очень сложно, потому что пароходы останавливались только у больших пристаней.

¹ Поздравляем сердечно // Знание-сила. 1974. 4 октября.

² Летопись Красноярского государственного педагогического института 1932–1982). Красноярск: Красноярское книжное издательство, 1982. С. 33.

В.С. Черкашин, профессор кафедры физики КГПИ, вспоминал, как на своем 70-летнем юбилее Наталья Абрамовна рассказывала о том, что помогал ей добираться до северных деревень начальник Енисейского пароходства Иван Михайлович Назаров, известный сибирский писатель и общественный деятель. Он дал команду всем капитанам своего пароходства высаживать ее и забирать на борт в любом месте Енисея. Л. Антонов так описывал начало ее экспедиции в книге «Красноярские Столбы»: «Наталья Абрамовна в броднях и дождевике уходила в тайгу на поиски нескольких слов, привезенных в Сибирь много десятков лет назад переселенцами из центральной России или Украины»³.

В 1952 году появилась первая печатная публикация Н.А. Цомакион в Ученых записках КГПИ «Сообщение о говоре русского старожильческого населения Туруханского района Красноярского края». На следующий год статья была опубликована в 4 томе «Докладов и сообщений института языкознания АН СССР. В 1960 году вышла в свет ее книга «Историческая хрестоматия по сибирской диалектологии». Ч. 1. В 1966 году была опубликована монография «Туруханские говоры» (материал для докторской диссертации).

В 1949 году Н.А. Цомакион совместно с Ю.Ф. Тетюцкой участвовала в работе диалектического совещания при Томском государственном университете. В 1968 году защитила докторскую диссертацию и представляла нашу страну на международном съезде славистов в Софии.

В 1969 году, по плану НИР института, занималась темой «Изучение русских говоров в Сибири». В 1971 году ей присвоено ученое звание профессора. С 1960 года Наталья Абрамовна успешно руководила Проблемной лабораторией по изучению говоров Сибири, коллектив которой составляли преподаватели кафедры, аспиранты и студенты. В 1974 году Н.А. Цомакион являлась заместителем председателя оргбюро Проблемного объединения по изучению сибирских говоров вузов Сибири, Урала и Дальнего Востока, проводила большую работу по координации исследовательской деятельности диалектологов⁴.

Профессор Н.А. Цомакион много лет занималась исследованием проблем сибирской диалектологии: с 1948 года участвовала в диалектологических экспедициях, написала ряд серьезных научных трудов по проблемам истории городов северной части Красноярского края, являлась редактором нескольких сборников по сибирской диалектологии, успешно руководила аспирантами-диалектологами.

Выпускница филологического факультета В.М. Перебоева вспоминала, как Наталья Абрамовна учила орфографической и пунктуационной зоркости: «Напишите несколько вариантов слова, присмотритесь, поставьте под сомнение...». Ее сокурсница Катя Беляева дополнила воспоминания: «Наталья Абрамовна вела спецкурс по сербохорватскому и болгарскому языкам. До сегодняшнего дня помню наизусть стихи на болгарском языке. Наталья Абрамовна

³ Антонов Л.И. Красноярские столбы. Эссе. Красноярск, 1999. С. 582–583.

⁴ Поздравляем сердечно // Знание-сила. 1974. 4 октября.

рассказывала (нам), как она в детстве учила стихи, прозу: «Косы у меня длинные были. Пока заплетаю одну, я уже полстраницы выучу. Потом – вторую косу»...Звала нас «доченьками»⁵.

В 1945 году Наталья Абрамовна по большой любви вышла замуж за соратника Л.В. Киренского Бориса Федоровича Цомакиона – члена корреспондента АН УССР, доктора физико-математических наук, профессора (Приложение 3). Его отец был профессором Казанского университета, брат Георгий – врач и художник. Мать, учительница гимназии, участвовала в революционном движении в Одессе.

В семье Цомакион царил творческая атмосфера, отвечающая научным и музыкальным пристрастиям супругов, между которыми было много общего. Оба были увлечены научной работой, изучением языков (супруг знал 4 языка). В Первую мировую, на которую Б.Ф. Цомакион ушел добровольцем, воевал офицером пулеметного взвода, попал в плен и там с помощью военнопленного английского лорда выучил английский язык через полгода: полторы тысячи часов систематических занятий (учил по восемь часов в сутки). Одним из его кумиров был «белый» генерал Л.Г. Корнилов, с которым он познакомился еще в период Русско-японской войны. (Корнилов знал 8 языков: немецкий, французский, английский, персидский, китайский, казахский, урду, монгольский, перевел на монгольский язык учебник физики).

Объединяла супругов и музыка. С большим мастерством и увлеченностью Наталья Абрамовна исполняла произведения Ф. Шопена, Л. Бетховена, С. В. Рахманинова. Бывшая жена Б.Ф. Цомакиона, оперная певица О.Н. Благовидова, стажировалась в Большом театре, была в эвакуации в Красноярске, вернулась в 1944 году с Одесским оперным театром в родной город. Борис Федорович не захотел бросать интересную работу с Л.В. Киренским, который вызволил его из ссылки и взял на кафедру физики Красноярского государственного педагогического института, несмотря на телефонный приказ «Убрать!»⁶. Семейное увлечение музыкой поддерживалось и коллегами Бориса Федоровича. Л.В. Киренский и Л.И. Слободской очень любили классическую музыку, а последний еще и хорошо играл на скрипке. Неплохим скрипачом был и Иван Никитич Новиков – преподаватель эволюционного движения и генетики в КГПИ. Объединяло супругов Цомакион и то, что в юности им не были чужды революционные идеи. Общим для них было и общение с В.Г. Короленко, с которым дружила мать Б.Ф. Цомакиона, его хорошо знал отец Л.В. Киренского (познакомились во время ссылки писателя в Амге).

Борис Федорович ежегодно, прямо во время лекции и под бурные овации студентов поздравлял жену с днем рождения и обязательно вручал ей шикарный букет красных роз. И делал это очень элегантно. А она гордилась успехами мужа больше, чем он сам. При ее поддержке Борис Федорович начал писать очень нужное для студентов педагогических институтов учебное пособие по теории

⁵ Перебоева В.М. По волнам моей памяти: автобиографическая повесть о студенческих годах. Новосибирск. 2019. С. 13–14.

⁶ Письмо Н.А. Цомакион Л.В. Киренскому. URL: <http://photo.kirensky.ru/dokumenty/pisma/pisma-k-l-v-kirenskomu/n-a-comakion/view>

электродинамики. Он умер в 1955 году за письменным столом с ручкой в руке. Его пособие, находившееся на стадии завершения, было окончательно дописано Л.В. Киренским и ? Афошиным⁷. Для ускорения его выпуска Наталья Абрамовна, по заданию Л.В. Киренского, ездила в Москву. Об этом свидетельствует ее письмо⁸ (См.: Приложение 4). В 1963 году учебное пособие Б.Ф. Цомакиона было опубликовано⁹.

После смерти мужа Н.А. Цомакион ходила на работу с кожаным портфелем своего супруга, говоря, что так Борис Федорович постоянно находится с ней рядом¹⁰.

Супруги Цомакион не только любили, но и верно служили друг другу, с полной отдачей сил работали и создавали условия для реализации наивысшего научного результата каждого из членов семьи.

Наталья Абрамовна и Борис Федорович были настоящими «рыцарями духа». Для них не было таких понятий как «не могу», «не умею» или «не везет». При любых обстоятельствах они проживали свою жизнь, которая предопределена их талантом, характером и волей. По-другому они жить не могли. Их взаимное влияние вылилось в служение Красноярскому государственному педагогическому институту и его дальнейшее процветание.

После смерти мужа она написала несколько очерков для серии ЖЗЛ (Жизнь замечательных людей): о художниках И.Н. Крамском, А.А. Иванове, о Сервантесе (авторе романа «Дон-Кихот»), об итальянском революционере Гарибальди, занималась переводами книг французского психолога Т. Рибо «Психология внимания» и других.

Имя Натальи Абрамовны было упомянуто в словарях, энциклопедиях и научных работах, которые направлены на изучение диалектов Красноярского края.

Одной из самых больших работ Н.А. Цомакион является «Словарь языка Мангазейских памятников XVII – первой половины XVIII веков». Словарь составлен на материале языка мангазейских памятников XVII – первой половины XIX веков, в нем представлены толкования слов, а также их сопоставление с материалами древнерусских словарей, словарей XVIII века и ряда словарей XIX и XX веков. Словарь был составлен на материалах Столбцов и Книг Сибирского приказа, архива Туруханского Свято-Троицкого мужского монастыря, Мангазейской воеводской канцелярии и Туруханского отдельного управления.

Важным научным трудом Натальи Абрамовны также можно считать и «Историческую хрестоматию по сибирской диалектологии», которая была напечатана по постановлению редакционно-издательского совета Красноярского

⁷ Антонов Л.И. Красноярские столбы. Эссе. Красноярск, 1999. С. 581.

⁸ Письмо Н.А. Цомакион Л.В. Киренскому. URL: <http://photo.kirensky.ru/dokumenty/pisma/pisma-k-l-v-kirenskomu/n-a-comakion/view>

⁹ Цомакион Н.А. Материалы для словаря современных туруханских говоров // Материалы и исследования по сибирской диалектологии / Краснояр. гос. пед. ин-т. Красноярск, 1973. С. 124–199?

¹⁰ Антонов Л.И. Красноярские столбы. Эссе. Красноярск, 1999. С. 582.

государственного педагогического института в 1960 году. В Хрестоматию включены редкие и недоступные научные исследования по сибирской диалектологии. Создание Хрестоматии было обусловлено недоступностью статей и желанием Натальи Абрамовны помочь ученикам, студентам, аспирантам, работающим над изучением сибирской диалектологии в поиске научных трудов на эту тему. Материалы в книге представлены в хронологическом порядке, что позволяет проследить появление или исчезновение языковых черт. В Хрестоматию вошли работы Е.А. Авдеевой, В.И. Анучина, В.В. Бартенева, А.И. Линькова, В.И. Вербицкого и других ученых, исследователей, публицистов, которые сами жили в Сибири и активно занимались изучением сибирских говоров.

Исследования Натальи Абрамовны публиковались в сборниках научных статей Красноярского государственного педагогического института. Статья «Из истории мангазейской лексики. Заметки о названиях тканей: байберек, выбойка, дороги, зендень, изюфрь, кармазин, лаудан, кумач, настрафиль, таусинка, лятчина» посвящена уточнению лексики, касающейся названия тканей, происхождения данных названий и сравнение их со словарями других периодов [Цомакион, 1968]. Научные труды Натальи Абрамовны также включают в себя информацию о русских старожильческих говорах Сибири и говорах отдельных районов Красноярского края, материалы для словарей современных туруханских говоров. В статьях отражены особенности, отличия, история и языковые явления сибирских говоров. Например, в статье «Русские старожильческие говоры Сибири» Наталья Абрамовна описывает историю появления старожильческих говоров, схему расселения русских на территории Сибири и Дальнего Востока и черты, присущие северному русскому наречию в целом и их преобладание в сибирских говорах.

Имя Н.А. Цомакион часто упоминается в диалектологических словарях и энциклопедиях. Например, в «Енисейском энциклопедическом словаре» и в справочной книге «Кто есть кто в русской лексикографии» отмечаются достижения Натальи Абрамовны в изучении сибирской диалектологии, основные значимые научные работы¹¹.

Н.А. Цомакион внесла большой вклад в изучение сибирской диалектологии, ее работы актуальны и в наше время. Наталья Абрамовна помогла многим ученикам, студентам, аспирантам и просто интересующимся наукой своими работами, поскольку она активно и на протяжении всего научного пути собирала, систематизировала и описывала сибирские диалекты и историю их появления. Ее неутомимая деятельность по изучению сибирских говоров, высокий уровень образованности, педагогическое мастерство и искреннее желание помочь последователям позволяют нам и по сей день подробно изучать говоры родного региона.

Наталья Абрамовна была прекрасным ученым и педагогом «милостью божией».

Е.А. Романова, В.А. Колобова (Красноярск, Россия)

¹¹ Енисейский энциклопедический словарь. 1998. С. 675; Козырев В.А., Черняк В.Д. Кто есть кто в русской лексикографии: справочная книга. Спб.: Свое издательство. 2016. С. 371.

Библиографический список

1. Антонов Л.И. Красноярские столбы. Эссе. Красноярск, 1999. 788 с.
2. Армянин из Арцаха, создавший труды, во многом определившие развитие русского языкознания // <https://m.ok.ru/group/53817787220065/topic/153977877476193?ysclid=mjjh39bod5691036292>
3. Газета Красноярского государственного педагогического института «Знание-сила». 1970. 10 апреля.
4. Енисейский энциклопедический словарь. 1998. С. 675. 735 с.
5. Историческая хрестоматия по сибирской диалектологии, составитель Наталья Абрамовна Цомакион. Том 1. Красноярский педагог. ин-т, Кафедра русского языка, 1960. 319 с.
6. Историческая хрестоматия по сибирской диалектологии / М-во просвещения РСФСР. Краснояр. гос. пед. ин-т. Красноярск, 1974.
7. Историческая хрестоматия по сибирской диалектологии / Краснояр. пед. ин-т. Кафедра рус. яз. Красноярск, 1960. 322 с.
8. Козырев В.А., Черняк В.Д. Кто есть кто в русской лексикографии: справочная книга. Спб.: Свое издательство. 2016. С.371. 592 с.
9. Летопись Красноярского государственного педагогического института 1932-1982). Красноярск: Красноярское книжное издательство, 1982. 166 с.
10. Материалы и исследования по сибирской диалектологии: (Доклады 7-й зональной конференции кафедр рус. яз. сиб. вузов) / М-во просвещения РСФСР. Краснояр. гос. пед. ин-т. Красноярск, 1965. 159 с.
11. Материалы и исследования по сибирской диалектологии и русской лексикологии: (Материалы VIII зон. конференции вузов Сибири и Дальнего Востока) / М-во просвещения РСФСР. Краснояр. гос. пед. ин-т. Красноярск, 1968. 290 с.
12. Материалы и исследования по сибирской диалектологии: Труды IX зон. конф. / М-во просвещения РСФСР. Краснояр. гос. пед. ин-т. Красноярск, 1971. 164 с.
13. Словарь языка мангазейских памятников XVII-первой половины XVIII вв. / М-во просвещения РСФСР. Краснояр. гос. пед. ин-т. Красноярск, 1971. 581 с.
14. Материалы и исследования по русской лексикологии и сибирской диалектологии: [Сборник статей / М-во просвещения РСФСР. Краснояр. гос. пед. ин-т. Красноярск, 1971. 147 с.
15. Материалы и исследования по сибирской диалектологии, 1971 / М-во просвещения РСФСР. Краснояр. гос. пед. ин-т. Красноярск, 1973. 200 с.
16. Материалы и исследования по сибирской диалектологии, 1972: [Сборник статей / М-во просвещения РСФСР. Краснояр. гос. пед. ин-т. Красноярск, 1972. 131 с.
17. Материалы и исследования по сибирской диалектологии / М-во просвещения РСФСР. Краснояр. гос. пед. ин-т. 1973. [Краснояр. пед. ин-т], 1973. 89 с.
18. Материалы и исследования по сибирской диалектологии, 1974: [Сборник статей / М-во просвещения РСФСР. Краснояр. гос. пед. ин-т. Красноярск: [Краснояр. пед. ин-т], 1975. 173 с.
19. Материалы по фонетике и истории сибирских говоров: [Сборник статей] / Краснояр. гос. пед. ин-т. Красноярск: Краснояр. пед. ин-т, 1975. 131 с.
20. Поздравляем сердечно // Знание-сила. 1974. 4 октября.
21. Поздравляем юбиляра // Газета КГПИ «Знание сила». 1980. 26 марта.
22. Проблемы фонетики и истории сибирских говоров: [Сб. статей] / Краснояр. гос. пед. ин-т. Красноярск: Краснояр. ГПИ, 1977. 163 с.
23. Перебоева В.М. По волнам моей памяти: автобиографическая повесть о студенческих годах. Новосибирск. 2019. 116 с.
24. Письмо Н.А. Цомакион Л.В. Киренскому // <http://photo.kirensky.ru/dokumenty/pisma/pisma-k-l-v-kirenskomu/n-a-comakion/view>

25. Свет звезды Киренского // <https://gazeta.sfu-kras.ru/node/1493>
26. Туруханские говоры в их истории и современном состоянии / М-во просвещения РСФСР. Краснояр. гос. пед. ин-т. Красноярск: Кн. изд., 1966. 494 с.; 1 л. схем.
27. Цомакион Н.А. // Знание-сила. 1970. 10 апреля.
28. Цомакион-Ольштейн Н.А. Говоры русского старожильского населения северной части Туруханского района Красноярского края // Доклады и сообщения. № 4. Красноярск: Красноярский государственный педагогический институт, 1953. С. 3-16.
29. Цомакион Н.А. Туруханские говоры в их истории и современном состоянии [Текст] / М-во просвещения РСФСР. Краснояр. гос. пед. ин-т. Красноярск: Кн. изд-во, 1966. 494 с.
30. Цомакион Н.А. Из истории мангазейской лексики. Заметки о названиях тканей: бай-берек, выбойка, дороги, зендень, изюфрь, кармазин, лаудан, кумач, настрафиль, тау-синка, лятчина // Материалы и исследования по сибирской диалектологии и русской лексикологии / Материалы VIII зональной конференции вузов Сибири и Дальнего Востока. Красноярск: Красноярский государственный педагогический институт, 1968. С. 131–142.
31. Цомакион Н.А. Русские старожильские говоры // Материалы и исследования по русской лексикологии и сибирской диалектологии, 1971. С. 66–79.
32. Цомакион Н.А. Материалы для словаря современных туруханских говоров // Материалы и исследования по сибирской диалектологии. Красноярск: Красноярский государственный педагогический институт, 1973. С. 124-199.
33. Цомакион Н.А. Историческая хрестоматия по сибирской диалектологии / Краснояр. пед. ин-т. Кафедра рус. яз. Красноярск: [б. и.], 1960. 322 с.
34. Цомакион Н.А. Историческая хрестоматия по сибирской диалектологии, Часть 2, Выпуск 1. Красноярский педагог. ин-т, Кафедра русского языка, 1974. 203 с.
35. Цомакион Н.А. Словарь языка мангазейских памятников XVII первой половины XVIII веков [Текст] / М-во просвещения РСФСР. Краснояр. гос. пед. ин-т. Красноярск: [б. и.], 1971. 581 с.
36. Цомакион Б.Ф. Электродинамика: Учеб. пособие для студентов пед. ин-тов / Проф. Б.Ф. Цомакион; Под ред. проф. Л. В. Киренского; Краснояр. пед. ин-т. Красноярск: Кн. изд-во, 1962. 541 с.

Приложение 1

Наталья Абрамовна Цомакион (Ольштейн)

Приложение 2

Рубен Иванович Аванесов (1902–1982)

Приложение 3

Член-корреспондент АН УССР Борис Федорович Цомакион (1879–1955)

118

14/2-1958.

Давидович Леонид Васильевич!

Р.С. Софроньев
мудрым
Землеву
Васильевичу. 14/2.

Вчера я снова была в Варшавской реке, куда теперь
перевели утративших (кстати, если вы не знаете его
адреса: Маршала река, 3-й проезд). Телеграфов
у них еще нет, связаться с ними невозможно.
Потому они отбивают оторванность от всего,
и все, по словам Лавровского, в них задвигалось.
Этим, поведомству объединенных то об-
стоятельств, что комиссия до сих пор
не собралась. Он просит меня приехать
в конце следующей недели, числа 23-24-го.
Базаров, по его словам, "власовского толка",
он (т.е. Лавровский), по-моему не придает
большого значения его мнению, но, как
он говорит: "Это написано пером, того
не выведешь топором."

За книгу Бориса Федоровича он держится,
это ясно: когда я спросила не забудет ли
он поставить этот вопрос на комиссии,
он ответил: "Ну, это вы! Это имеет
для нас очень большое значение."

Ну вот, пока все. Беляев, человек го-
ловенно открытый, собеседник мне вчера, в смысле
отрицательного ответа комиссии, - и от-
к минимизму. Это вы посоветуете?
Ваш. Вас. Н. Фришман.

Письмо Н.А. Цомакион Л.В. Киренскому

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

ВИНОГРАДОВ Дмитрий Олегович, аспирант, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; e-mail: dmitru98@gmail.com

ВЛАСОВА Карина Максимовна, студентка, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; e-mail: karina_vlasova_2004@mail.ru

ГОДЯЕВА Екатерина Владиславовна, студентка факультета гуманитарных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Нижний Новгород); e-mail: evgodiaeva@edu.hse.ru

ГРАЧЕВ Артем Викторович, магистрант филологического факультета, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; e-mail: artem.grachev.90@list.ru

ГУРОВА Мария Сергеевна, аспирант, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; e-mail: gurovams@kspu.ru

ДАВТЯН Тагуи Корюновна, студентка, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; e-mail: davtyantagui55@mail.ru

ДОЛГОПОЛОВА Марина Евгеньевна, студентка института филологии и журналистики, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского; e-mail: dolgopolovamarina00@mail.ru

ДЬЯЧЕНКО Алёна Андреевна, магистрант филологического факультета, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; e-mail: alenocha97@mail.ru

ДЯКИНА Алевтина Ильинична, студентка, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; e-mail: alyadyakina@gmail.com

ЗЕМЧЕНКОВА Диана Ивановна, магистрант филологического факультета, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; e-mail: ladohina2002@mail.ru

ИСАЧЕНКОВА Анастасия Викторовна, магистрант филологического факультета, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; e-mail: aisa4enkova@yandex.ru

КАНАКИНА Дарья Андреевна, магистрант филологического факультета, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; e-mail: darya.kanakina@mail.ru

КИЕВСКАЯ Екатерина Сергеевна, студентка, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; e-mail: kievskayaruss@mail.ru

КОЛОБОВА Варвара Александровна, студентка филологического факультета, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; e-mail: afinaadr@mail.ru

КОМАРОВА Елизавета Андреевна, магистрант, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; e-mail: lisa-komarowa 2001@yandex.ru

КОПЫЛОВА Дарья Александровна, студентка филологического факультета, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; e-mail: dahakop@gmail.com

КРАСИКОВА Сара Дамировна, студентка филологического факультета, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; e-mail: sara_kekova@mail.ru

КУДИНОВА Екатерина Евгеньевна, студентка филологического факультета, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева;
e-mail: kudinovak4tya@yandex.ru

ЛАТЫК Радмира Романовна, студентка филологического факультета, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; e-mail: abysspyromage@gmail.com

МАКСИМОВА Мария Александровна, студентка филологического факультета, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева;
e-mail: maksimovamr0705@mail.ru

МОЦАРЕНКО Маргарита Валерьевна, магистрант филологического факультета, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева;
e-mail: m.motsarenko@yandex.ru

МУЛЬЦ Полина Александровна, студентка филологического факультета, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; e-mail: polinamults02@gmail.com

МЭН Юань, аспирант филологического факультета, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; e-mail: larisa0523@icloud.com

ОБРУЧЕВА Таисия Олеговна, магистрант филологического факультета, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; e-mail: taisiya.obrucheva@bk.ru

ПАНОВА Анастасия Викторовна, студентка филологического факультета, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; e-mail: panova2020@bk.ru

ПЕТРИК Юлиана Александровна, студентка филологического факультета, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; e-mail: jul1ana11@vk.com

ПРОЗОРКИН Олег Николаевич, магистрант филологического факультета, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; МАОУ «Лицей № 3»;
e-mail: oleg.prozorkin@xmail.ru

РОМАНОВА Елена Аркадьевна, заведующая Выставочным центром истории, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; преподаватель, колледж Сибирского государственного института искусств им. Дмитрия Хворостовского (Красноярск);
e-mail: afinaadr@mail.ru

РУХЛИН Андрей Дмитриевич, студент института филологии и журналистики, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского; e-mail: andrei.rukhlin@yandex.ru

САЧЕК Снежана Алексеевна, студентка, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; e-mail: snezhanasachek@gmail.com

СИМА Яна Руслановна, студентка филологического факультета, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; e-mail: yana.simsss@yandex.ru

СОЛОМОНОВА Алиса Алексеевна, студентка филологического факультета, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; e-mail: alisasolomonova04@mail.ru

ТОЛКАЧЕВА Мария Павловна, институт филологии и медиакоммуникаций, Новосибирский государственный педагогический университет; e-mail: mari.kondrashina.2016@mail.ru

ТРОПИНА Лилия Андреевна, студентка филологического факультета, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; e-mail: liliatropina@yandex.ru

ФИЛИППЕНКО Вероника Ивановна, студентка филологического факультета, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; e-mail: filippenko.04@inbox.ru

ХИСМЯТОВА Алина Панжиевна, студентка филологического факультета, Национальный исследовательский Томский государственный университет; e-mail: 611925alina@gmail.com

ЧАУСЕНКО Арина Александровна, студентка филологического факультета, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева;
e-mail: arina.chaus2004@gmail.com

ШЕСТЕРНИНА Евгения Геннадьевна, старший преподаватель кафедры современного русского языка и методики, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; e-mail: shesternina@kspu.ru

ЯКОВЕНКО Анастасия Владимировна, студентка филологического факультета, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева;
e-mail: yakovevna414@gmail.com

ЯРНЫХ Ксения Андреевна, студентка филологического факультета, Национальный исследовательский Томский государственный университет; e-mail: yarnykh.ksyu@mail.ru

СВЕДЕНИЯ О НАУЧНЫХ РУКОВОДИТЕЛЯХ

АНИСИМОВ Кирилл Владиславович, доктор филологических наук, профессор кафедры мировой литературы и методики ее преподавания, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; e-mail: anisimovkv@kspu.ru

АНИСИМОВА Евгения Евгеньевна, доктор филологических наук, профессор кафедры мировой литературы и методики ее преподавания, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; e-mail: anisimovaee@kspu.ru

БАРИЛОВСКАЯ Анна Александровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры общего языкознания, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; e-mail: barilovskaya@kspu.ru

БУРМАКИНА Наталья Алексеевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры общего языкознания, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; e-mail: burmakina@kspu.ru

ВАСИЛЬЕВА Светлана Петровна, доктор филологических наук, профессор кафедры общего языкознания, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; e-mail: filolog2023@yandex.ru

ГОРБЕНКО Александр Юрьевич, кандидат филологических наук, доцент кафедры мировой литературы и методики ее преподавания, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; e-mail: gorbenco@kspu.ru

ГРИШИНА Ольга Анатольевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры общего языкознания, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; e-mail: grishina@kspu.ru

ДЕМЕНЕВА Ксения Александровна, кандидат филологических наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Нижний Новгород), приглашенный преподаватель; e-mail: x.demeneva@gmail.com

ЗАМЫСЛОВА Вера Николаевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры современного русского языка и методики, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; e-mail: zamyslova@kspu.ru

КАЗАКЕВИЧ Ольга Анатольевна, кандидат филологических наук, доцент, Национальный исследовательский Томский государственный университет; e-mail: o_slugina@mail.ru

КУЛИКОВ Евгений Андреевич, кандидат филологических наук, доцент, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского; e-mail: kulikov@flf.unn.ru

МАРОШИ Валерий Владимирович, доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы, теории литературы и методики обучения литературе, Новосибирский государственный педагогический университет; e-mail: maroshi@mail.ru

НЕФЕДОВА Елена Геннадьевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры зарубежной литературы, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского; e-mail: nefedova@flf.unn.ru

ОСЕТРОВА Елена Валерьевна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры современного русского языка и методики, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; e-mail: osetrova@kspu.ru

ПИХУТИНА Валентина Ивановна, кандидат филологических наук, доцент кафедры современного русского языка и методики, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; e-mail: Pihutina@kspu.ru

ПОЛУЭКТОВА Татьяна Анатольевна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры мировой литературы и методики ее преподавания, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; e-mail: poluektovatan@kspu.ru

ПРУДИУС Ирина Геннадьевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры мировой литературы и методики ее преподавания, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; e-mail: prudius@kspu.ru

УМИНОВА Наталья Владимировна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры мировой литературы и методики ее преподавания, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; e-mail: uminovanv@kspu.ru

Молодежь и наука XXI века

XXVII Международный форум студентов,
аспирантов и молодых ученых

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОЛОГИИ

Сборник статей XV Международной научно-практической конференции,
посвященной Дню славянской письменности и культуры

Красноярск, 15 апреля 2026 г.

Электронное издание

В авторской редакции
Верстка *Н.С. Хасанишина*

660049, Красноярск, ул. А. Лебедевой, 89.
Отдел научных исследований и грантовой деятельности КГПУ им. В.П. Астафьева,
т. 8(391) 217-17-82

Подготовлено к изданию 04.09.26.
Формат 60x84 1/8.
Усл. печ. л. 15,9